

Владимир Цай

Кто в армии служил

Своей первой книгой («Я нашел смысл жизни») Владимир Цай доказал, что жанр серьезного философского трактата доступен не только профессиональным ученым. И что от автора этих размышлений можно «ожидать неожиданностей» – они и не замедлили появиться. Если существуют в литературе полюса – они перед вами. Первая часть этой книги – типичная мужская проза об армейской службе. Воспоминания, наблюдения, случаи, судьбы. И вывод: «Армия – это мускулы общества. Даже если нет угрозы войны, они должны быть в хорошей форме. Военные парады – это соревнования по бодибилдингу между государствами». Другая же половина книги – еще одна попытка объяснить мир, проследив, как «гомо сапиэнс эволюционировал в сетевой сапиэнс» и как «человек превращался в терминал Интернета, сначала мобильный, а затем и стационарный». Что общего с первой частью книги? Вывод: мысли – мускулы мозга. Мозги тоже должны быть в хорошей форме. Чтобы не помереть от скуки.

- [Владимир Цай](#)
- [Кто в армии служил...](#)
- [Предисловие](#)
- [Военная подготовка](#)
- [Студенческие сборы](#)
- [Курица – не птица, двухгодичник – не офицер](#)
- [Сборы двухгодичников](#)
- [Стрельбы](#)
- [Дембель](#)
- [В запасе](#)
- [Сборы по подготовке командиров батарей](#)
- [Конец военным обязанностям](#)
- [Необходимость армии](#)
- [Е-... \(Краткая история одной вселенной\)](#)
- [В начале было](#)
- [Совершенство](#)
- [Затем появился человек](#)
- [Человек построил цивилизацию](#)
- [Мораль](#)
- [И цивилизация распространилась по всей земле](#)
- [Но вместо процветания наступил глобальный кризис](#)
- [Кризисы](#)
- [А е-... подкрался незаметно](#)
- [Системы искусственного интеллекта](#)
- [И е-... распространился повсюду](#)
- [е-бухгалтерия](#)
- [Распространившись повсюду, е-... убил человечество](#)
- [е-размножение](#)
- [А в конце было](#)
- [е-движение](#)
- [е-эволюция](#)
- [е-планета](#)

- [Конец](#)
-

Владимир Цай
Кто в армии служил...

Кто в армии служил...

Всем, кто служил в Советской Армии офицером два года в начале 70-х годов.

Предисловие

Первоначальное название моей первой книги «Я нашел смысл жизни» было «Автореферат мировоззрения с эпизодами автобиографии», но пришлось искать более маркетинговое название, и оно было найдено (только после этого я подумал, что, может быть, я и нашел что-то, но это вряд ли).

Название «автореферат» предполагает, что существует более полный текст работы, краткое изложение которой предлагается. На самом деле, я хотел сделать наоборот – сначала автореферат, а затем осветить более подробно каждую тему. Теперь я вижу, что это неосуществимо.

Более того, мировоззрение мое пока мало кого трогает, так что разовьется оно в философию (мировоззрение, разделяемое многими людьми) или нет – большой вопрос, а тогда нет смысла и копыя ломать, – да к тому же и лень.

С другой стороны, эпизоды (мелким шрифтом) понравились практически всем, кто читал, а поскольку графомания и ностальгия мучат меня по-прежнему, я решил кое на чем остановиться более подробно. Например, армия. Философия армии, представленная в последнем разделе, каким-то образом (не знаю как) вытекает из описанного опыта и долгих наблюдений и умозаключений в течение всей жизни.

Большинство людей, по крайней мере из тех, с кем я сталкивался, относятся к армии как общественному институту отрицательно. Будучи убежденным пацифистом, аналогично относился и я – до тех пор, пока не попытался объяснить это. Не могу сказать, что теперь я армию полюбил. Нет, не люблю. Но если когда-то я считал, что армия – это просто зло, а затем смирился с необходимостью этого зла, то теперь считаю ее просто необходимой для функционирования человеческого общества, из чего следует, что каждый член общества должен понять этот феномен.

Книга представляет собой сборник рассказов, объединенных одной темой, одним героем и единой хронологией – что-то вроде сюиты (одно из самых любимых моих музыкальных произведений – сюита Эдварда Грига «Пер Гюнт»). Книга написана не от первого лица, чтобы подчеркнуть, что не все случилось именно со мной и именно так, как описано, – что-то я слышал от друзей, что-то преувеличил, фамилии вымышлены, поэтому возможные совпадения носят случайный характер.

Рожденные после войны

Мы, родившиеся после войны, а именно, в 1946–1948 годах, постоянно попадали под разные эксперименты. Интересное было время. Наиболее чувствительные из них – это одиннадцатилетнее обучение в средней школе (до и после юноши и девушки учились десять лет, поэтому тогда считалось, что мы потеряли год) и служба в армии после вуза (потеряли еще два года). Сейчас трудно однозначно сказать, потеряли мы эти три года или нет. Были такие ушлые молодые люди, которые в десятом классе перебежали в вечернюю школу (в ней какое-то время оставалось десятилетнее обучение) и получили аттестат зрелости на год раньше нас. «Отмазавшись», естественно, и от армии, они выиграли (видимо, в жизненной гонке) три года. Но были и такие, которые отучившись в школе одиннадцать лет, отслужили в армии до института три года (один мой однокурсник отбарабанил в Морфлоте четыре года) и еще два офицером после института, потеряв в этой гонке 6 лет.

Но жизнь – дистанция длинная. Раньше начнешь – больше шансов раньше и закончить. Потерявшим шесть лет никто, конечно, ничего не возместил, однако не факт, что выигравшим три года не пришлось рассчитаться позже.

Наш герой потерял три года. Назовем его Владимиром – это имя мне близко. Этим, в то время очень популярным, именем до сих пор называют детей, несмотря на его ужасную функциональность. Функция имени заключается в том, чтобы идентифицировать его носителя, если уж не однозначно, то, крайней мере, узнаваемо. Следовательно, чем оно реже встречается, тем лучше выполняет свою функцию. Несмотря на то что носил это имя ужасный, как потом выяснилось, человек по фамилии Ульянов (Ленин) Адольфы, например, встречаются значительно реже. Кроме того, нестандартное уменьшительное – Вова, ассоциирующееся с каким-то инфантильным существом, дополняется многочисленными анекдотами про Вовочку (бедный дебильный мальчик). И еще более непонятного происхождения – Володя (у иностранцев получается Вольёдя), то ли уменьшительное, то ли увеличительное. В старом блатном мире – Воло, с ударением на последний слог (звучит, однако), в среде новых русских – Вован, что должно подчеркивать крутизну носителя этого имени. Верх нежности и издевательства – Вовик. Единственное светлое пятно – Ума Турман «так ждала тебя, Вова». Почему-то никогда Владимира не называют Влад (как отлично звучит), – а чем Владимир хуже Владислава, например (у того и так есть логичное и приятное – Слава)? Могли бы хоть иногда, хоть одного какого-нибудь Владимира называть Владом. Но нет. Вольёдя, Вова, Вовочка, Вовик. Черт-те что. Интересно, что сочетание Владимир Владимирович выговаривается плохо, но идентифицирует намного лучше, да и к дурацким уменьшительным как-то не располагает.

Фамилия Владимира была Блинов. Как рассказывала мать, где-то на великой русской реке Волге в саратовской губернии в забытом богом селе (что-то вроде Бурлаки или Батраки) половина населения носила эту фамилию. Деду надоело то ли бурлачить, то ли батрачить, то ли то, что все были Блиновыми, и он в начале двадцатого века двинулся искать счастья в киргизские степи (ныне Казахстан). Нашел он счастье или нет – трудно сказать, но службы в армии он таким образом избежал. Дед не воевал ни в Первую мировую, ни во Вторую Отечественную. А вот его дети воевали (двое погибли, а старший, проведя всю войну в Иране, сломался), и внуки служили.

«Детские игры с названиями старыми»

Мы очень рано знакомимся с войной. Война, войнушка (дети не думают о содержании, когда дают уменьшительные названия) – пожалуй, первая игра, которая возникает в воспоминаниях детства. После окончания Великой Войны все мальчишки еще долго играли в войну. В этой игре всегда были только две стороны – русские и немцы. Обычно роль немцев постоянно отводилась наиболее слабым и беззащитным, вследствие чего немцев постоянно побеждали, что и составляло смысл игры.

В более или менее ровных по физическому составу дворах демократии было больше, больше было и справедливых ребят (пионер – всем ребятам пример, «Тимур и его команда» и т. п.), и тогда в назначении немцами наблюдалась хоть какая-то очередность. Но все равно были такие, которые всегда были русскими (эти самые справедливые пионеры, они в душе уже понимали, что если будут «разводить» по справедливости, им, по справедливости, больше и достанется). Встречались и те, для которых редкое везение воевать русским было счастьем.

Игра заключалась в следующем. Одна сторона на некоторой допустимой территории уходила и пряталась в разрушенных сараях, на деревьях, в подъездах домов и т. д. Вторая выходила их искать. Действие разворачивалось так же, как в бессмертном вестерне «Великолепная семерка» (несколько позже все эти дети смотрели его много раз). Оружие было символическим, деревянным. Тот, кто первым увидел противника, кричал что-то типа: «Вова, ты убит!», и убитый должен был выйти из игры и сидеть где-нибудь на скамеечке, ожидая окончания игры. Пленных не брали. Игра шла до полного уничтожения солдат противника. Побеждать должны были русские.

Бедные дети немцев – их дразнили, и они не хотели быть немцами. Многие именно из-за этих оскорблений, навсегда осевших где-то в подсознании, и уехали на историческую родину, где до сих пор родины не обрели, так как нормальными немцами уже стать не могут, а русскими быть стесняются, так как русских почему-то теперь нигде не любят. Раньше, видимо, тоже не очень-то любили, но хоть боялись.

Других национальностей в то время как бы не было. Такое было межнациональное согласие. Много позже стало понятно, что Борька Баранчик, например, был евреем, что представить себе трудно, так как он плохо соображал, был неопрытен, от него всегда несло луком, а отец у него вообще был простым пожарным (пожарный никак не вписывается в сложившийся образ еврея). А были еще разные там казахи, татары и даже корейцы, и все они тоже не хотели на войне быть немцами, а хотели быть русскими. Их тоже дразнили, но реже, и они старались не вспоминать, что они, к сожалению, не русские, благо национальность детей до получения паспорта формально не фиксировалась. Теперь «освободившиеся» народы выпятили ущемленное свое национальное достоинство и не понимают, почему это русские обижаются и снова претендуют, а русские не понимают, почему «облагодетельствованные» ими в свое время народы не хотят объединяться под руководством великого для их же собственного блага, и – о ужас! – не желают учить великий и могучий, а норовят приобщиться к английскому.

Сегодня военных игрушек намного больше, но в войну во дворах больше не играют, и русские не побеждают. Может быть, где-то в бедных странах и играют – арабы против евреев или все против америкосов. В цивилизованных станах дети начинают играть в стрелялки или типа того раньше, чем читать и писать. А потом коллективно в клубах и сетях. Тренировка реакции в ущерб эрекции. Фрейда можно понимать так: если слишком много трахаться, то мало энергии будет сублимироваться в интеллектуальную, и останешься обезьяной. Можно предположить и обратное – если много энергии будет сублимироваться в интеллектуальную, то ее не останется для того, чтобы трахаться. Распространено мнение, что среди ученых импотентов, мягко говоря, больше. Разумеется,

они тут же приведут в пример какого-нибудь математика, который в 80 лет трахал всех аспиранток подряд, однако мнение, видимо, на чем-то основано – скорее всего, неудовлетворенные женщины много болтают. Воспитанные на стрелялках будут воевать на компьютерах.

Во времена детства Блинова в войну играть прекращали довольно рано, а именно, как только становилось возможным играть в действительно народную игру – футбол. Играли в футбол везде – во дворе, в школе, на стадионе. Больше уважали бразильцев, которых, к счастью (бразильцев), в стране полностью и окончательно победившего социализма не было.

Первое причастие

Все юноши в десятом классе (шестнадцать лет) прямо в школе получили повестки: явиться в военкомат (военный комиссариат) в понедельник для прохождения медицинской комиссии и постановки на учет.

В военкомате, несмотря на возражения молодых людей, всех заставляли постричься наголо.

Этот ритуал всегда соблюдается при призыве в армию и при поступлении в тюрьму. Декларируемая причина – гигиеничность. Возможно, это было оправдано когда-то плохими санитарными условиями (недостаток помещений, горячей воды, моющих средств и т. п.) и быстрым распространением вшей – удаление основного прибежища этих тварей радикально решало проблему.

Но большинство людей, по крайней мере раньше, не стриглись наголо, предпочитая некоторые неудобства, связанные с ношением волос, в пользу большей, как им казалось, привлекательности. Со временем простой акт гигиены превратился в первый акт насилия, применяемый к призывникам и осужденным. В далеком первом классе, в знаменательном 1953 году, их тоже стригли наголо (считалось, что так волосы будут расти лучше) и одевали в форму, но это было давно и с тех пор свободы стало намного больше. После стрижки все стали похожи друг на друга, и большинство выглядело как-то не очень симпатично (не то что Деми Мур, которую в фильме про армию тоже побрили наголо, но она почему-то не стала от этого менее красивой). Например, обнаружилось, что у мальчика по кличке Треугольник действительно череп анфас очень сильно напоминает треугольник (он был сконфужен, потому что до сих пор удавалось прятать его под волосами). Голые, остриженные наголо люди чувствуют себя неудобно и становятся вполне управляемыми – вот в чем действительная цель этого акта.

Волосы на голове – это вызов человека природе. Если физическая эволюция продолжится, то, видимо, волосы должны исчезнуть. Уже сегодня женщины сбывают волосы практически везде, а многие мужчины предпочитают брутальные бритые под ноль головы – можно сэкономить массу времени и даже денег (не надо записываться или стоять в очереди в парикмахерские, не надо причесываться, мытье головы превращается в быструю приятную процедуру, после которой не нужен фен, и т. д.). Волосатые южные мужчины пробуждают у некоторых низменные инстинкты. Гривастый молодой человек выглядит слишком свободным – его хочется построить.

Голые, остриженные наголо молодые люди бродили по коридорам военкомата от врача к врачу, измеряясь (рост, вес, объем легких) и отвечая на обычные вопросы – не беспокоит ли чего. В описываемое время все молодые люди признавались годными к военной службе (они действительно были здоровы, редких полных мальчиков называли «жиртрестами», а слово «аллергия» еще не было известно совсем), никто от военной службы не «косил», комитета солдатских матерей еще не было, и слово «дедовщина» не употреблялось. Всех пообещали призвать для выполнения священного долга по защите

Родины через два года. Мамы этих молодых людей не сильно беспокоились – одни были уверены, что уж их-то дети поступят в институт и получат отсрочку от военной службы, а другие считали, что неизбежного не миновать, и уж лучше в армии, чем с друзьями – понятно что и где.

На следующий день девушки в классе не смеялись над обритыми юношами – видимо, прониклись серьезностью момента.

До девятого класса Блинов зимой постоянно болел ангиной. Одну неделю в месяц он проводил дома. Начиналось все с высокой температуры, когда ему мерещился один и тот же кошмар – он летит сквозь многоэтажный дом, проламывая потолки, и на каждом этаже глотает пианино (видимо, в душе он не любил обязательное фортепиано в музыкальной школе, куда приходилось ходить, в то время как все мальчишки играли в футбол или хоккей). Температуру сбивали, и дальше болеть было приятно – больного окружали теплотой, заботой и книгами (если бы не болезни, он ничего бы и не читал), навещали друзья, и не надо было делать уроки.

В девятом классе он болеть перестал, но по утрам отхаркивался гноем с кровью – гланды были очень большие. В военкомате ему и еще одному однокласснику предписали гланды удалить в течение года. Они взяли направление в больницу и поехали сдаваться. Так получилось, что место было только одно, и Блинов с облегчением уступил место приятелю. Второй раз он не поехал – сначала как-то не складывалось, потом он забыл, поскольку в военкомат не вызывали, и никто не напоминал, а потом он вообще решил, что если, как это делает страус, спрятать голову в песок, то неприятность рассосется сама по себе.

Он учился уже на втором курсе университета, когда его вызвали в военкомат и потребовали написать объяснительную, почему он не удалил гланды, и дать письменное обязательство удалить их в течение месяца. Операция, в принципе, не сложная, но в возрасте двадцати лет проходит не очень легко. На второй день пребывания в больнице его повели на операцию. Хирург посадил его в кресло и накинул на лицо что-то вроде фартука. Затем сделал обезболивающий укол и, широко открыв рот Блинова, вставил в него какую-то железку. Потом он что-то делал там не очень приятное – то ли вырезал, то ли скоблил. Что-то у него не получалось (потом выяснилось, что гланды были очень большие, хирург что-то не рассчитал и надо было еще что-то подчистить), и он вышел из операционной что-то приготовить. В это время фартук слетел с лица Блинова, и перед студентом предстала не очень приятная картина – рот его был широко открыт, и из него торчала здоровенная железка, сбоку на таком же кресле сидел маленький мальчик, которому тоже удаляли гланды, но он был почему-то весел (после операции он вообще побежал играть), а напротив другой хирург долбил молоточком кому-то ухо на операционном столе. Комната пыток.

После операции Блинов лежал сутки, не в силах подняться. Горло не глотало, и накапливающаяся слюна стекала изо рта на полотенце. Голова болела вся, от шеи до затылка. Он пролежал неделю, постепенно начал глотать куриный бульон. В первый месяц он не мог говорить, а потом еще долго хрипел и думал уже, что никогда не будет говорить нормально. Но нет – все прошло. Говорят, теперь гланды не удаляют, а хроническую ангину как-то лечат, но Блинову удаление пошло на пользу – ангины больше не бывало, а если что-то и случалось через много-много лет, то носило инфекционный характер, так как новые инфекции заполнили мир.

Таким образом, военкомат сделал Блинова полноценным потенциальным защитником Родины.

Военная кафедра

Как уже было сказано, молодые люди, родившиеся после войны, потеряли в среднем три года (девушки этого возраста либо ждали, либо гуляли, либо ждали и гуляли – не бог весть какое приобретение). Но под те же эксперименты было потеряно еще много дней, россыпью, так сказать.

Одиннадцатилетнее среднее образование было введено с целью дать юношам и девушкам рабочую профессию в школе. ПТУ и техникумы никто не отменял, но решено было приобщить к физическому труду всех (хорошо, хоть так – чуть позже китайцы пошли намного дальше). Считалось, что Владимиру повезло – не какой-нибудь там столяр или швея, а солидный слесарь по ремонту тепловозов. Сам Владимир и другие будущие слесари (кстати, никто в депо работать не пошел) так не считали и с тоской смотрели в окно из класса в день теоретических занятий как «несчастливые» столяры гоняют футбольный мяч в своих длинных перерывах на веселом производстве табуреток. Преподаватель был жесткий, не учитель, и вбил этим лоботрясам принципы функционирования тепловоза ТЭ-3 на всю оставшуюся жизнь. Иногда довольно приятно объяснить кому-нибудь, кто этого не ожидает, как энергия, содержащаяся в солярке, преобразуется через дизель, генератор и электродвигатели во вращение колесной пары.

Но самым отвратительным был второй день, день практики (на получение профессии выделялось два дня в неделю в течение трех последних лет школы – итого потеряно 2 (дня) $\times$ 40 (недель) $\times$ 3 (года) = 240 дней чистого времени, считай еще год). Целый рабочий день в тепловозном депо приходилось либо, согнувшись в три погибели, зачищать напильником язвы на выгоревших контактах электрических реле, либо, согнувшись в две погибели, но с большим наклоном, сбивать какой-то кочергой с лючков цилиндров дизеля нагар, либо еще что-то в этом роде. Слесари в это время, радуясь дармовой рабочей силе, забивали козла в каптерке. Иногда, впрочем, удавалось и сбежать. Умение дать стрекача, как много позже советовал интеллигентнейший писатель Фазиль Искандер, в жизни пригодилось.

Никто не вспоминает о днях, потерянных в институте, растраченных на праздное времяпрепровождение, зато все жалеют о времени, проведенном на военной кафедре. Один день в неделю в течение трех лет плюс два месяца на сборах – итого 40 (недель) $\times$ 3 (года) + 2 (месяца) $\times$ 30 (дней) = 180 дней. Кстати, девушки в это время просто отдыхали, так как ни ждать, ни погулять за один день не успеешь.

Ничего страшного на военной кафедре не было. Обычные занятия, никакой муштры. Остается загадкой, каким образом офицерам военной кафедры удалось вбить в головы этим разгильдяям работу зенитного комплекса С-60. В комплексе было восемь зенитных пушек, радиолокатор, счетно-решающий прибор и дизель-генератор (все на отдельных машинах). Его начали выпускать после войны, и ко времени повествования он уже морально устарел, так толком и не повоевав. Но основные принципы живы до сих пор – локатор ловит цель и передает координаты на счетно-решающий прибор, тот решает задачу встречи (рассчитывает координаты точки, в которой будет самолет, двигаясь равномерно и прямолинейно, когда туда долетят снаряды) и передает соответствующие сигналы на электродвигатели пушек, которые, таким образом, нацеливаются на предполагаемую точку встречи самолета и снарядов. Предполагалось, что если все работает хорошо, то самолету конец.

Самое ужасное, что от этой маяты сбежать было практически невозможно (переклички – любимое занятие военных), а любимые на лекциях занятия (игры в слова и крестики-нолики) пресекались без применения командного (с матом) языка, но по-мужски. Подполковник – это не профессор.

Импринтинг – это процесс, при котором в определенных условиях, соответствующих

возрасту, активизируются определенные гены, обеспечивая их носителю выполнение определенных функций в дальнейшей жизни. Этот процесс независимо от человека позволяет как бы переписать необходимые механизмы, накопленные в ходе эволюции, в психофизическую систему. Например, когда ребенок с рождения находится в человеческом обществе, он будет говорить, если нет каких-то отклонений. Но если до определенного возраста он лишен человеческого общения, как Маугли, то говорить он никогда не научится – соответствующий импринтинг речи не был включен своевременно и уже включен не будет.

Подготовка человека к жизни заключается, в том числе, и в том, чтобы своевременно включать необходимые импринтинги. Если ребенок не учил арифметику в начальной школе, он не станет математиком. Если, условно говоря, ему не читали в детстве книжку «Что такое хорошо и что такое плохо», то он вполне может вырасти моральным уродом. Если он взял теннисную ракетку не в пять-шесть лет, а в пятнадцать, у него никогда не будет свободы движений Федерера. И так далее. Разумеется, все это очень индивидуально и случаются исключения. Но что-то в этом есть – человек проходит импринтинг до совершеннолетия, до 22 лет, и все необходимые для жизни в человеческом обществе качества извлекаются из запасников генома и встраиваются в психофизическую систему в свое время при определенных условиях.

Существует мнение, что если молодой человек попадает после школы в армию, а не в университет, то он не проходит стадию импринтинга, раскрепощающего самостоятельное мышление, что необходимо для творческой деятельности. Но с другой стороны, молодые люди, не побывавшие в условиях, максимально приближенных к армейским, никогда не взрослеют. Они остаются инфантильными на всю жизнь. Благодаря, как правило, родителям они могут делать карьеру, «надувать щеки» и «колотить понты», но они никогда не поймут, что такое необходимость, и потому не научатся любить свободу.

Свобода должна быть уравновешена необходимостью. Пионерские или скаутские лагеря, стройотряды, армейские сборы – все должно быть в свое время и в меру. Социалистическое государство представляет воспитание молодежи делом политическим и удивительным образом прививает культуру необходимости с детства. Кому-то это идет во вред, но большинство к естественной свободе юности получают прививку морали.

Возможно, после университета полезно провести какое-то время в армии и, таким образом, подвести черту под беззаботным образом жизни для осознанного вступления в жизнь общества. Гены – они, конечно, и в Африке гены, но, может быть, решительность и ответственность извлекаются из запасников генома и встраиваются в психофизическую систему именно во время этого последнего импринтинга. Свободу надо любить, смиряясь с необходимостью.

Студенческие сборы

Армия – это не курорт. «Тяжело в учении – легко в бою». Сытого заставить воевать трудно, поэтому наша армия всегда была злее. Но хуже всего муштра. Военные недоумевают: если вы на гражданке все такие умные, почему же вы строем не ходите? И действительно, почему? Нас везде пытаются построить. Ходили бы строем – было бы легче жить. Но это Владимир понял много позже, можно сказать, слишком поздно.

Именно эту цель преследовал начальник сборов полковник Оспанов, который на кафедре вел себя очень мирно и любил пошутить. Ему было уже под пятьдесят, и он, видимо, соскучился по гарнизонной службе. Он озверел. Куда подевался милый шутник. Он орал, матерился и норовил пнуть сапогом под зад.

Для своего возраста он был в прекрасной спортивной форме – бегал, выполнял все упражнения на спортивных снарядах. Он поднимал ребят в шесть утра и гнал всех окриками, тумаками и пинками бегом до КПП (полтора километра), не давая заскочить в туалет, после чего следовало тридцать минут физических упражнений на снарядах. Спрятаться даже под кроватью было невозможно. К концу сборов почти все подтягивались по десять-двенадцать раз, чего больше никогда в жизни никто не делал.

Жара стояла неимоверная, воды не было, гимнастерка, если ее бросить на пол, стояла колом от соли. Бесконечная строевая подготовка, куски вареного свиного сала в каше и пять минут на прием пищи. (Брр! После развала Союза многие стали мусульманами, может быть, из-за абсолютной несъедобности этого сала.) При первой возможности наиболее нерадивые стремились забраться куда-нибудь в тень под машину, снять сапоги и поспать. И дурацкие атаки под палящим солнцем в полупустыне то бегом, то ползком. Есть что вспомнить.

В конце дня всегда проводилось мероприятие под названием «вечерняя прогулка». Как ни смешно это звучит для армии, его содержание более или менее соответствовало названию. Всех строили, делали переключку (все ли на месте) и отправляли «на гулять». Во время прогулки взвод должен идти строем (слава богу, не строевым шагом) и орать строевую песню. Полковник очень любил вечерние прогулки и устраивал конкурс между взводами на лучшее исполнение строевой песни. Ходили по какому-то хитрому большому кругу (не на плацу), выбирая неосвещенные места. Один раз в десять минут проходили перед полковником и орали что было сил что-то вроде (на мотив неувядаемого марша «Прощание славянки»):

*Отшумели весенние грезы,
Над страной молодая заря.
Что ж ты, девушка, смотришь сквозь слезы,
Провожая ребят в лагеря...*

(Ох уж эти девушки!)

Как ни странно, это взбадривало, и дальше, в темноте, не перед полковником весело маршировали даже под блатные песни, типа:

*Сидели мы на речке на Вонючке.
Сидели мы в двенадцатом часу.
А керосином воняли твои ручки,
Огромный прыщик сидел на носу...*

Перед полковником такие песни петь не решались, зато ему можно было спеть:

*Солдат всегда здоров, солдат на все готов,
И пыль, как из ковров, мы выбиваем из дорог.
И не остановиться, и не сменить ноги,
Сияют наши лица, сверкают сапоги...*

(Полковник Владимира Высоцкого не знал, но ему нравилось. Вместо «Идут по Украине солдаты группы Центр» пели «Шагают по пустыне курсанты сборов Эн».)

Или:

*Опять тобой, дорога, желанья сожжены,
Нету меня ни бога, ни черта, ни жены...*

(Юрия Кукина полковник тоже не знал, но эта песня ему не нравилась.)

Позже, уже на действительной службе, Блинов постоянно слышал строевые песни, под которые заставляли маршировать солдат по поводу и без, с удивлением обнаружив, что для них это не веселое занятие. Песни были серьезные, типа исполняемой одним эстрадным певцом с широкой глуповатой улыбкой, предназначенной для успокоения некой девчонки: «Не плачь девчонка, пройдут дожди...» или «Всего лишь через две, через две зимы...». В исполнении солдат в строю слов разобрать было невозможно, а вместо мелодии слышалось ритмичное порывивание на одной ноте, что производило впечатление угрюмой безнадежности, каковой очень часто веет от любой службы.

Несмотря на всякие режимы и ограничения, по субботам была одна цель – раздобыть портвейна (портвейн тогда был очень популярен во всех слоях советского общества). Иногда удавалось. Однажды, купив несколько бутылок, человек шесть-семь пробрались в какой-то овражек на краю гарнизона и расположились, предвкушая. Вдруг, откуда ни возьмись, появился капитан, начальник гауптвахты (по слухам, зверь). Он сказал: «Так, так». Дальше шла не совсем понятная, но однозначно интерпретируемая последовательность нецензурных слов, которая закончилась обращением к Витьке Махонину: «Ты как стоишь, зае...ц ушастый?». Тот не понял и потом долго возмущался: то, что мы все для капитана зае...цы (то есть некто, над кем принято совершать насильственные действия, или кто совершает эти действия сам над собой до потери сознания) – это понятно, но при чем тут ушастый? Уши как уши, вся компания этот факт подтверждала. Обидно, но, видимо, на такой эффект и рассчитывал капитан. Вино он отобрал, но отпустил с напутствием: «Чтобы духу вашего здесь час назад не было».

Суть этой «доброты» была проста – он выпил вино с друзьями, а если бы он студентов забрал, пришлось бы что-то говорить в назидание и, возможно, о ужас, пришлось бы разбить бутылки, – но Владимир понял это много позже, когда попал в команду по доставке призванных на действительную военную службу в армию.

В принципе, дело было нехитрое, можно сказать – незапланированный отдых. Надо было доставить только что призванных молодых людей из средней полосы на Дальний Восток. Пока ехали туда (естественно, на поезде) и прохлаждались там – все было хорошо. Но вот эшелон готов и набит под завязку (все полки даже на третьем ярусе заняты) молодыми полупьяными людьми, которых долго по-русски провожали накануне. Мамы в слезах, девушки в соплях, пацаны хорохорятся. Ехать – десять суток. На каждый вагон – один лейтенант и два сержанта. Вроде делать нечего, спи себе. Однако же.

Инструктаж – на остановках из вагонов не выпускать, по вагонам не ходить, в

течение дня изучать уставы, в карты не играть, спиртное – не дай бог. Поехали. Эшелон – это не пятизвездный круиз. Несвежий матрац без постельного белья и двухразовое питание – пустая баланда в алюминиевой миске алюминиевой же ложкой, которую желательно держать при себе всегда на всякий «П» (пожарный случай) и не дай бог потерять. На следующий день новобранцы протрезвели и загрустили. Что делать в вагоне в полуголодном состоянии без алкоголя и карт, никто не знал, поэтому наиболее адаптивные сразу стали соображать. Оказалось, что есть много способов получить и то и другое, даже не выходя из вагона, поэтому лейтенанту скучно не было – пацаны пытались, сержанты изображали рвение, но на самом деле помогали им, лейтенант разгадывал, ловил, отбирал, выбрасывал, призывал, ругался и т. д.

Чтобы лейтенанты не расслаблялись, два раза в день по эшелону с проверкой, как хищники, рыскали несколько капитанов – особистов из туманного прошлого. Они давали понять, что они – не стукачи, их заставляют командиры из штабного вагона (в штабном мягком вагоне командование осуществляли белые, на этот момент, люди – старшие офицеры, вырвавшиеся из гарнизонной жизни и объятий постаревших и опростившихся от жизни в гарнизоне боевых подруг). В основном они пили, играли в карты и развлекались с девушками с полустанков. Девушки людей в форме уважают – видимо, по наивности надеясь на то, что форма к чему-то обязывает. Впрочем, если спросить конкретную девушку, почему она села в вагон с офицерами (или, того хуже, с солдатами), она не сможет ответить; скорее всего, пошлет куда подальше – и правильно сделает.

На одном из полустанков лейтенант с сержантами, как обычно, стойко отражали в тамбуре натиск голодных новобранцев, рвавшихся наружу якобы за хлебом. (Иногда они бросали деньги станционным мальчишкам и, что интересно, те, видимо из солидарности, еду приносили.) У какого-то разгильдяя лейтенанта пара человек выскочили-таки за хлебом, но назад им добраться не удалось – их с полным баулом водки перехватили особисты (они почему-то нигде и никогда не дремлют). Поскольку это случилось на глазах почти у всего эшелона, начальник эшелона приказал бутылки с водкой разбить о рельсы – в назидание всем наблюдавшим с обливавшимся кровью сердцем новобранцам, офицерам (старшим и младшим) и прочему станционному люду. Жестоко, но в соответствии с инструкцией, как говорится.

А в это же самое время на соседних путях стоял пассажирский состав, вагон-ресторан которого оказался прямо напротив вагона нашего лейтенанта. Казалось бы, ну и что же, что? (Так смешно всегда вопрошал один грузин-двухгодовалник, тщательно выговаривая звук «ч» – получалось «ну и чето-же, чето».) Ну и что же, что. Новобранцы бесперспективно заигрывают с официантками – тем все равно приятно. Двери закрыты, пространство просматривается сержантом. То-то и оно, что сержантом – он потом клялся, что не видел.

Состав наконец-то тронулся, лейтенант вздохнул с облегчением, и тут в вагон ворвались особисты. Один из них жестко бросил лейтенанту: «У тебя в вагоне вино. Будем искать». Не обращая внимания на возражения лейтенанта (типа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»), дали команду выйти всем в проход и начали шмон. Именно это слово сразу пришло в голову лейтенанту, и он понял теперь смысл слышанного когда-то: «до сих пор в ушах шмона гам». Особисты шмонали. Они довольно быстро двигались по вагону, просто сбрасывая со всех полок матрацы. Гам с той же скоростью двигался вдоль вагона. Вина не было, и лейтенант злорадно усмехался. Рано радовались. Капитан вышел к туалету и подозвал недотепу. Картина была потрясающая – отовсюду торчали большие бутылки с болгарским полусладким вином «Тырново» (кто бы его пил вообще, тем более по цене вагона-ресторана). Они торчали из мусорного ящика,

из унитаза, из раковины, из-за трубы и бог весть откуда еще. По мере продвижения шмона по вагону вино передавалось дальше и дальше, но в соседний выгон переход был закрыт. Лейтенант понял, почему особисты сбрасывали матрацы не глядя, — они все знали заранее. Они деловито собрали вино в откуда-то появившиеся рюкзаки и старший, якобы пожалев растерянного и расстроенного лейтенанта, сказал ему: «Мы начальнику эшелона докладывать не будем, но и ты молчи — а то хуже будет. Вечером приходи к нам в купе, выпьем вина». Так что бить бутылки со спиртным в армии, так же как и на гражданке, не принято. Лейтенант почему-то вино с ними пить не пошел.

Самым запоминающимся событием на студенческих сборах были стрельбы из пушек. Зенитная пушка калибра 57 мм стреляет не так шумно, как стомиллиметровая гаубица, но по ушам бьет резче за счет высокой начальной скорости снаряда — 1000 м/сек. По этой причине зенитные пушки можно использовать при стрельбе по танкам — их снаряды пробивают броню лучше. По крайней мере, так преподавали на кафедре. Именно эту задачу выполняли студенты на пехотном полигоне (на зенитный полигон для стрельбы по воздушным целям их не пускали, опасаясь, видимо, за жизнь летчиков).

Накануне весь день прошел в передвижениях и учениях — развертывание батареи, в котором самым неприятным занятием было отрыть окоп под пушку глубиной 90 см в степи под палящим солнцем и подсоединить кучу кабелей, а ночевка — прямо на земле в холоде. С вечера все пушки были сориентированы в сторону, откуда должны были тащить макеты танков. Утром после короткого развода и инструктажа по технике безопасности стрельбы студенты, в ожидании своей очереди, разбрелись вдоль линии фронта и расселись, кто досыпая, кто лениво переговариваясь. И тут выстрелила первая пушка. Все буквально попадали — никто такого звука не ожидал. Самой пушки не было видно — она пропала в облаке пыли, напоминавшем атомный гриб. Страшная мысль пронзила всех лежащих — и ведь все мы там будем в течение часа.

Блинов был в зенитном расчете вторым номером, то есть наводчиком по углу места, проще говоря — по вертикали. Зенитный расчет состоял из шести человек — командир, наводчик по азимуту (по горизонтали), уже упомянутый наводчик по углу места, заряжающий (жуткая функция для качков типа Сильвестра Сталлоне, — а именно такой мускулистый парень был в расчете Блинова) и двое подносчиков снарядов (обычно это ребята, хитро изображающие из себя не годных ни на какие серьезные дела, стрекачи по призванию). Командир командовал (как всегда, самое нехитрое дело), наводчики наводили перекрестие на надвигавшийся в полутора километрах танк, подносчики тащили вдвоем обойму (четыре снаряда; пушка, кстати, была еще и автоматическая), заряжающий один хватал эту обойму, забрасывал и с трудом крутил какую-то ручку, запирая затвор. После доклада наводчиков о том, что цель поймана, командир командовал: «Огонь!» Блинов, вжавшись в металлическое сидение, чуть дыша шевелил штурвалом и обреченно ждал выстрела.

Известно, что ничего нет хуже, чем ждать и догонять. Это еще в том случае, когда дождешься или догонишь. Выстрел, как и все ожидаемое в этом мире, хлопнул неожиданно. Наступило мгновенное оглушение и ослепление. Плотность облака пыли оказалась такой, что не то что танков — солнца не было видно. О том, чтобы что-то слышать, не могло быть и речи. Пыль медленно рассеивалась, подраненный танк (как потом оказалось — попали сразу) продолжал надвигаться. Метрах в ста от него двигался второй. Первый номер двинул прицел к нему. Дальнейшее — следующие пять выстрелов — представляется в полном тумане и одурении. Вот так останавливается время.

После стрельбы еще долго обсуждали этот ужас, недоумевая, что же в таком случае творится на войне. Никому на войну не захотелось. Двое, кстати, несмотря на клеймо

публичного позора, лезть на пушку наотрез отказались.

После стрельб полковник подобрел, началась подготовка к экзамену, и все наконец-то выпались и наигрались – никто всерьез не занимался. Проводя инструктаж перед экзаменом, полковник заострил внимание на главном: «Если не знаешь ответа – не сдавайся, подними руку и попроси время подумать». Блинов так и сделал. Не зная ответов на вопросы билета, он легкомысленно выпалил: «Разрешите подумать, товарищ полковник». Полковник радостно вытаращил глаза и стал так орать, что Владимир усомнился в том, что он правильно понял инструктаж. В какой-то момент ему даже показалось, что ведь поставит двойку. Но после неоднократного повторения этой унижительной сцены, полковник махнул рукой и отправил Владимира к майору, который, сжалившись, поставил тройку.

Всех студентов поздравили с окончанием сборов, курса военной подготовки и представлением к званию «лейтенант». Два месяца – не два года. В Алма-Ате наступила золотая осень – самый чудесный сезон. Это был единственный сентябрь, когда не отправляли на целину, на уборку урожая, и студенты в полной мере оценили прекрасное слово «свобода». На армии можно было поставить точку и только иногда вспоминать со смехом забавные эпизоды.

Рано радовались. Большинству участников этих сборов пришлось послужить Родине еще по два года.

Шестнадцать тонн

Некоторых, немного, забрали сразу после университета. Остальных – через год. Неизвестно, что лучше.

Блинов распределился в вычислительный центр, в Караганду. Захотелось пожить самостоятельно. Программирование и свободная жизнь ему понравились, и работал он с удовольствием. Весной пришла повестка, но она не воспринималась серьезно. Блинов показал ее директору вычислительного центра, и тот успокоил, пообещав уладить вопрос. Как раз возникла новая задача, которую надо было почему-то сделать очень быстро (такие «быстрые» задачи потом никому и никогда не нужны). Директор твердо пообещал: «Если сделаешь за два месяца, то уж точно в армию не пойдешь».

Задача была связана с учетом простоев и ремонта горношахтного оборудования. После каждой смены горный мастер должен был записывать сведения о состоянии оборудования в специальные формы в специальных кодах. Эти данные передавали по телетайпу в вычислительный центр, где они и обрабатывались – накапливались, анализировались, включались в различные отчеты. Блинов весьма смутно представлял себе это горношахтное оборудование, и потому было решено устроить ему экскурсию в шахту.

Зачем люди работают в шахтах? И при чем здесь армия? Почему-то одни работают в шахте и служат в армии (чаще всего и то и другое), а другие – нет. Справедливости не существует, и Великая Революция провалилась. Но вопрос остается.

В шахту Блинов приехал рано утром, к началу смены, так как мастер предупредил, что спускаться они будут вместе с шахтерами. В раздевалке ему выдали все шахтерское обмундирование, включая каску и фонарь во лбу, и они двинулись вместе со всей сменой («Наверное, к лифту» – подумал Блинов). То пространство, куда вошли человек сорок, лифт не напоминало даже отдаленно. Это походило на большой старый плот (почему он так подумал? ведь никогда и плотов не видел, разве что в кино) с плохо подогнанными и ходящими ходуном (это выяснилось через несколько секунд) досками. Шахтеры стояли угрюмо и прямо – держаться было не за что. Пока Блинов с любопытством думал, что будет дальше, плот дернулся и, раскачиваясь, пошел вниз. Блинов чуть не упал, схватился

за мастера и согнул ноги. Ощущение, как на палубе качающегося корабля (опять же сравнение из кино). Свет меркнул. Оставались гореть только фонари во лбу. У плота не было никакого ограждения, никаких стен, никаких поручней. Он шел вниз, скользя по канатам (четыре каната – по одному у каждого угла). Со всех сторон чернела и сочилась грязной жидкостью земля. Что-то скрипело и чавкало. Вверху быстро удалялся и таял маленький квадратик чего-то светлого. Идеальный антураж для фильма ужасов.

Наконец плот остановился, и все двинулись в штрек. Здесь было довольно просторно, тускло светили фонари и можно было разглядеть рельсы, вагонетки и другое оборудование. Мастер что-то показывал и рассказывал, но Блинов слушал плохо, ему было неудобно. Они прогулялись по штреку, может быть, еще по каким-то выработкам, и тут мастер сказал, что они подошли к лаве и что Блинову непременно надо посмотреть, что в этой лаве творится. В лаве добывается уголь (видимо, до автоматизации это называлась забоем и здесь шахтеры рубили уголь отбойными молотками). Блинов слушал плохо, он понял, что сейчас они поползут вдоль этой лавы, сквозь ряды гидравлических стоек (высота проема 110 сантиметров, а расстояние между стойками – 90 сантиметров). Он опустился на четвереньки и пополз вслед за мастером, в зад которому светил его фонарь. А длина этой лавы 300 метров. Это для спринтера немало, даже если бежать.

Двигаясь молча, Блинов понял, почему ему было неудобно. Темно было, как у негра в... Смысл выражения, над которым он никогда не задумывался, теперь стал понятен – темнее не бывает. Видимо, у белых в этом самом месте светлее. Но это была не черная чернота, а именно темная темнота, которая давила. Конфуций мог искать черную кошку в темной комнате, но в лаве он бы искать ее не стал, равно как и у негра в... Может быть, Конфуций негров как раз и не видел. Иначе он предложил бы искать черную кошку понятно где. В лаве он точно не был. Темная комната теперь представлялась Блинову полной света. В этот момент (до этого было относительно тихо) слева что-то гроыхнуло, сверкнуло и стало со страшным скрежетом двигаться. Как потом выяснилось, начался процесс добычи угля – угольный комбайн вгрызлся в пласт и сбрасывал нарубленный уголь на конвейер. Конвейер уносил уголь в конец лавы, куда двигались и Блинов с мастером. Блинову показалось, что наступил конец света и он попал прямо в ад.

Комбайн с конвейером гремели, Блинов полз, ничего не соображая. Он старался ни о чем не думать (что работают комбайн и конвейер, он понял много позже), особенно о том, что происходит, потому что любая мысль наводила ужас, хотелось тут же лечь и забыться. Где-то на полпути навстречу попались два шахтера. Они ползком тащили бревно – видимо, где-то что-то надо было укрепить. Блинов приободрился – люди бревна таскают, а тут ползешь, можно сказать, с абсолютно свободными руками. В конце концов, все заканчивается, если не умрешь раньше, – закончилась и эта лава и можно было выпрямиться. Тут же у выхода, согнувшись в три погибели, стоял шахтер с лопатой и подгребал уголь, сваливающийся с конвейера при ссыпании на другой, перпендикулярно движущийся конвейер (если не подгребать, конвейер бы заклинило).

Мастер сказал, что надо передохнуть, и они попали в какую-то пещеру. Тут и там, как здоровенные светлячки, вспыхивали при повороте шахтерских голов фонарики – шахтеры присели «перекурить». Они сидели молча, и только слышно было, как сплевывается слюна. Блинова угостили. Насвай надо было заложить за нижнюю губу и, посасывая его, сплевывать слюну. Якобы заменяет никотин. Возможно, когда привыкнешь. Сидеть было намного лучше, чем ползти. Вставать даже через полчаса не хотелось, но мастер потащил в следующую лаву. Может быть, он добросовестно хотел показать как можно больше оборудования, а может, решил отбить всякую охоту у кого бы то ни было заниматься простоями и ремонтом горношахтного оборудования.

Вторая лава была намного легче с точки зрения ее преодоления – высотой под два метра. Кроме того, она была как-то освещена. Правда, сильнейший встречный поток воздуха заставил их преодолевать расстояние, как в сильнейший буран. Так, по законам Кирхгофа, работает шахтная вентиляция. В этой шахте было порядка тысячи различных выработок в разных горизонтах. Если где-то нет движения воздуха, то вероятно скопление метана, и тогда от любой искры может произойти взрыв с известными последствиями, о которых ежегодно сообщают средства массовой информации.

Зачем они спускаются в шахту. В мозгу Блинова неотвязно сидела песня «Шестнадцать тонн»:

*You load sixteen tons, and what do you get...
(Грузишь шестнадцать тонн и что имеешь?)*

Каким-то образом, эта песня на маленькой гэдээровской пластинке прорвалась в пионерский лагерь летом 1960 года, и школьники всячески кривлялись под нее, изображая то ли рок, то ли еще что, не понимая содержания. Песня английских шахтеров, которых, наверное, уже давно нет. Песня хорошая, поэтому она с регулярным постоянством возникает на радио до сих пор.

Зачем они идут в шахтеры? Краснобай с экрана телевизора говорит, что если закрыть шахты, то люди потеряют работу и умрут с голода. Неужели все дело в том, что

*I was born one morning, when the sun didn\'t shine
(В то утро, когда я родился, солнца не было).*

В третью лаву Блинову идти не хотелось. Мастер решил, что долг выполнил, и предложил подняться наверх, не дожидаясь конца смены, через другой ствол. Они вышли наверх и оказались совсем в другом месте, далеко от главного входа. Путешествуя по шахте, теряешь ощущение пространства и времени. Пространства и времени в шахте нет – только сингулярность где-то у негра в...

У каждой шахты есть «Ветерок» – нехитрое заведение, где шахтеры стоя пьют пиво с водкой или портвейн, закусывая всякой фигней. Ничего особенного, но выпить после шахты тянет сильно. Шахтеры идут после смены гурьбой, тяжело.

*If you see me coming, better step aside
(Держись подальше, когда я иду).*

Блинов вспомнил одного парня из Москвы, который приехал в Караганду после Горного института по распределению горным мастером на шахту. Несколько месяцев они жили в одной комнате в гостинице, пока не получили общежитие. Тот всегда поддавал после смены. Потом кто-то сказал, что он совсем запил и, не проработав и года, уехал.

Глаза целую неделю были как будто подведены тушью и никак не отмывались, как и у всех шахтеров. На недоуменные вопросы Блинов гордо рассказывал, как он посетил шахту, но при этом честно добавлял, что больше никогда и ни за что.

Программу он сделал, но в эксплуатацию ее так никогда и не запустили. Никогда мастер не будет заполнять эти дурацкие формы после тяжелой смены. К концу работы Блинова вызвали в военкомат и вручили предписание прибыть в распоряжение штаба армии где-то на Дальнем Востоке чуть ли не через неделю. Директор вычислительного центра, видимо, не очень-то и напрягался. Как впоследствии сказал один антисемит, обычные еврейские штучки (директором был Борис Владимирович Левин). Но это вряд

ли. Отвертеться можно было по знакомству или дав кому надо взятку, но в то время об этом мало кто знал и мало кто это делал. Теперь не делает только ленивый.

В армию не хотелось, но неизвестность влечет, особенно когда не очень понятно, что делать в этой жизни. Над крысами ставили такой опыт: создавали им в клетке очень комфортные условия, а затем делали черную дыру, в которой была полная неизвестность и в которую из комфортных условий лезть не было никакой необходимости. Крысы лезли в эту дыру из любопытства. Так и человек.

Курица – не птица, двухгодичник – не офицер

Двухгодичниками называли молодых людей, окончивших вуз с военной кафедрой и призванных в армию на два года офицерами. В начале 70-х годов служили очень и очень многие. Можно сказать, большинство. Причины выдвигались самые разные, и эффект был самый разный, как для армии, так и для призванных. На так называемую срочную (от слова «срок», а не «срочно») службу призывали в солдаты также на два года, но солдат двухгодичниками не называли.

Для прохождения воинской службы прибыл

До Уссурийска Блинов добирался долго – в плацкартном вагоне (билетов в купейный вагон, в котором положено ехать офицеру, естественно, не было, о самолете и говорить не приходится), где было много маленьких детей (к детям Блинов после этого стал относиться с недоверием) и очень душно. Все два года ему казалось, что он находится где-то на краю земли.

Он вышел одним из последних (торопиться было некуда), когда перрон уже почти опустел. Первым, кого он увидел на перроне, был однокурсник с соседнего факультета, сиротливо сидящий на чемодане. Они не были хорошо знакомы, но тут обрадовались друг другу, как родные. Блинов решил, что вдвоем будет веселее, но однокурсник уже получил назначение и отбывал в свою часть в затерянный уголок этого края земли. Он объяснил, где находится штаб армии, куда идти, к кому обращаться. Через пару часов с этого же перрона Блинов отправился в другой затерянный уголок этого же края, а вечером уже застилал кровать отсыревшими от вечной сырости простынями в избушке без курьих ножек, и потому с окном на полметра ниже уровня грунтовой дороги, которую и не было видно. Вида из окна не было вообще.

Весь следующий день он готовился к службе. Полдня получал и относил обмундирование. Пришлось ходить с полным мешком три раза. Чего тут только не было: форма повседневная, полевая х/б, полевая п/ш, парадная, шинели, бронетанковый костюм, сапоги яловые и хромовые, валенки и ботинки, рубашки, всякое белье, портянки, фуражки, шапки. И портупея – «надеваю портупею, и тупею, и тупею». Оставшиеся полдня пришивал погоны без наперстка, исколов все пальцы и возненавидев эту операцию на всю жизнь.

На следующий день рано утром прибыл в батарею, скрипя сапогами. Комбат, капитан Безматерных (как быстро выяснилось, его фамилия не означала, что ее носитель не матерится), был из солдат – остался на сверхсрочную (сверх срока). Солдаты таких не любят, потому что эти знают все их уловки и увертки.

Капитан двухгодичников не любил, так как диалектические противоречия между городом и деревней, а также между физическим и умственным трудом, которые коммунисты хотели изжить, никак не изживались.

– Так, – сказал капитан, – со службой потом разберемся, а сейчас берешь батарею и на станцию, надо разгрузи т. д.а вагона с углем, батарея сегодня дежурит. Только веди батарею через КПП, а не через дырку. Все, – закончил короткий инструктаж комбат, – старшина, строй батарею.

Военные говорят: «Если вы на гражданке такие умные, почему вы строем не ходите?»

И действительно. В строю легче, безопаснее, надежнее. Тон и темп в первых рядах задают здоровые, политически грамотные оптимисты (им все нипочем), в будущем комсомольские деятели. Как раз в армии они понимают, что лучше вести строй, чем пахать. Их нетак сильно терроризируют воспитанием дембели, заставляющие молодых

после отбоя отжиматься, болтаться на перекладине и выполнять другие «поручения».

Нормальные люди не высовываются, но и не отстают. Идти в середине строя очень легко – как в пелотоне велосипедной многодневки. Равномерно покачиваясь, строй несет тебя (достаточно попасть в ногу), и можно даже думать о чем-нибудь своем, например о девчонке, которая осталась в деревне.

Проблема строя – отстающие. Их можно разделить на две категории. Первые отстают по природе – неуклюжие, не умеющие попасть в ногу, маленькие с коротким шагом и прочие отъявленные неудачники и разгильдяи, – они, может быть, и хотят, но не могут. Над ними издеваются по вечерам больше всего. Вторые отстают принципиально – свободолюбивые дембели, достигшие положения, при котором могут демонстрировать, что им на все плевать. Их стараются не трогать, и чаще всего они передвигаются вне строя, если вообще передвигаются. Они не будут комсомольскими вожаками, но тюрьма, как говорят, по ним плачет. Как «воры в законе» не должны работать, так и они не должны ходить строем. Они любят издеваться над первыми по вечерам.

Вести строй тяжелее, чем идти в строю, особенно по гарнизону. Гарнизон – это не английский парк, в котором дорожки делают так, чтобы и людям было удобно, и траву не вытаптывали. В гарнизоне все спланировано так, чтобы расстояние между двумя точками (например, казармой и столовой) было минимум в два раза больше кратчайшего. Диагоналей нет – только прямые углы. Это позволяет минимум шесть раз в день (три приема пищи, туда и обратно) дополнительно приучать людей к строю. Тем не менее любой нормальный человек (а солдат, когда он не в строю, тоже может быть нормальным) старается углы срезать, а поскольку по гарнизону почему-то всегда болтается много людей без строя, то и дорожки даже в гарнизоне протаптываются.

Строй всегда готов превратиться в стадо баранов. Стоит только чуть-чуть зазеваться, и стадо баранов тут же норовит срезать угол. По закону Мэрфи, в этот момент обязательно появится какой-нибудь начальник, который остановит это стадо баранов, сделает вам, несчастному двухгодичнику (курица – не птица, двухгодичник – не офицер), соответствующее внушение, отправит вас назад, может быть к самой казарме, и потребует повторить этот марш, но уже под контролем и, возможно, с песней. Так что, как только строй начинает разваливаться, вы должны, как дирижер оркестра задает ритм на три четверти, командовать под шаг левой ноги: «Раз, пауза, раз, пауза, раз, два, три!» Офицеры, даже кадровые, не любят водить строй, они любят поручать это важнейшее в армии упражнение сержантам. Сержанты залихватски добавляют перед «раз» звук «а», как форшлаг перед нотой, и получается: «А раз, а раз, а раз, два, три!». В этом «а» весь сержант – вот я какой, как здорово я командую. Армия – это очень хорошая сортировка людей.

К концу службы большинство солдат привыкают ходить строем (удобно все-таки), а также чистить сапоги, подшивать подворотнички и не задумываясь (не то чтобы беспрекословно, но именно не задумываясь) выполнять команды. Если тебя насилуют каждый день, то рано или поздно начинаешь получать от этого удовольствие («стерпится – слюбится»). Некоторые сохраняют эту привычку на всю оставшуюся жизнь, что всегда идет на пользу как конкретному (насилуемому) человеку, так и (насилующему) обществу в целом. Так что, рано или поздно, ходить нам всем строем независимо от политического строя. При тоталитарном режиме ясно, что заставят, а при демократии мы построимся добровольно и с удовольствием.

Куда вести, к кому обращаться, где вагоны – в армии лишних объяснений (а они всегда лишние) давать не принято. Например, командиру орудия дается задание побелить кирпичики или подкрасить забор. При этом, где взять известь, или краску, или такую

мелочь, как кисти, никто не говорит. Сержанту может повезти, и все необходимое он получит у старшины в каптерке, но скорее всего надо будет искать по всему парку и где-то либо выклянчить, либо просто стащить. Самое интересное правило Блинов вывел довольно быстро – офицер не должен думать о том, где солдат может раздобыть необходимое. На наглый вопрос солдата: «А где взять краску?» следует послать его далеко не по уставу, сообщив, что именно там он все и найдет. Если начнешь думать или, не дай бог, помогать – задание уж точно выполнено не будет, а взыскание получишь именно ты.

Но в первый день Блинов ничего этого не знал. Не знал он также, как вести строй. Он думал, что строй сам знает, куда и как идти. Блинов и опомниться не успел, как этот самый строй (уже довольно размытый) резко, как стадо баранов, свернул к расселине в заборе. Видя его недоумение и желание остановить это безобразие, старшина сказал: «Да бросьте вы, тэщ лейтенант, так все ходят – тут в два раза быстрее». Так, стадом баранов, они дошли до самой станции. Старшина нашел коменданта, тот показал вагоны и выдал лопаты (повезло, мог и не выдать, тогда пришлось бы искать).

На станцию прибыло человек сорок. Точнее Блинов сказать не смог бы. Вполне может быть, что нескольких человек уже недосчитались.

Раздевшись до пояса, солдаты начали с прохладцей разгружать уголь. Лопат на всех не хватило, и какая-то часть солдат отошли в сторонку, как бы ожидая своей очереди. Блинов вспомнил и уборку урожая на целине, и стройотряд, разделся до пояса и взял лопату, надеясь вдохновить солдат и заработать какой-то авторитет. На него не обратили внимания. Старшина, сославшись на то, что у него дела в батарее, смылся (все старшины любят проводить и проводят время исключительно в каптерке – у них там хозяйство). Через полчаса Блинов с удивлением обнаружил, что их, разгружающих, осталось человек пятнадцать.

На его вопрос, куда все подевались, молодой воин (Блинов обнаружил, что те, которые остались возле вагонов, выглядят как-то моложе, чем тогда, когда все были вместе) махнул рукой в сторону оврага в сотне метров от железнодорожного полотна. При этом молодой успокоил его: «Да вы не волнуйтесь, никуда они не денутся».

Возмущение стукнуло Блинову в голову, он вскипел и решительно двинулся к оврагу. Перед ним предстала картина под названием «Привал». Позже она трансформировалась в «Привал дембелей», но в тот момент Блинов о дембелях знал только то, что дембель – это солдат последнего года срочной службы, готовящийся к демобилизации. Он слышал, конечно, что дембели любят издеваться над салагами (недавно призванными) и что именно этого боятся все солдатские матери, потому что в этом процессе случаются всякие ужасные вещи. Но ужасы носят единичный характер, а издевательства – это просто «тяготы и невзгоды» службы в армии, которые новобранец клянется «стойко переносить», принимая воинскую присягу. Блинов и сам присягал на студенческих сборах.

Человек двадцать пять, а может и больше (откуда-то появились недостающие), безмятежно грелись на солнышке, сняв сапоги, развесив портянки и раздевшись, кто до какой степени. Был сентябрь – золотая осень. Они мечтали о своей деревне (почему-то в линейных частях, особенно в пехоте, преобладают парни из деревни). Позже, когда Блинов делился первыми впечатлениями с другими двухгодичниками, которые уже отслужили год, то есть были тоже как бы дембелями (в среде двухгодичников дембельские отношения не поддерживались, они были скорее снисходительно-покровительственные по отношению к только что призванным), один из них дал пояснение, типа такого: каждый из них (солдат) вполне нормальный деревенский парень, но все вместе они представляют собой трудно управляемое быдло.

Блинов сразу понял, что поднять и построить это быдло он не сможет, но уже смутно подозревал, что принимать их правила нельзя – сядут на шею. Не зная, что делать, Блинов стал стыдить их, материться и упираться на то, что они не успеют разгрузить т. д. обеда. Некоторые совестливые (а такие всегда есть) отводили взгляд. Наиболее наглые (таких меньше, но они влиятельнее) развязно предлагали Блинову расслабиться и присоединиться к привалу, а салаги вагоны разгрузят – пусть попробуют не разгрузить. Никто без обеда оставаться не собирался. Основным мотив был такой – мы в свое время наразгружались, теперь их очередь.

О неуставных отношениях и дедовщине знают все. Большинство обвиняют армию и как институт, и конкретную советскую армию (они думают, что где-то там в армии курорт), и конкретных генералов и командиров, которые вместо боевой и политической подготовки занимаются коррупцией. На самом деле, армейское бытие просто отображает гражданское с каким-то коэффициентом. В любом коллективе (и не только мужском) всегда есть лидер, «шестерки» и унижаемые. Если дело не доходит до беспредела, все остальные молча с этим соглашаются.

Так было во дворе, в котором Блинов вырос: был Жорка, которого все боялись и тихо ненавидели, у которого были шестерки на побегушках, был и объект издевательств, согласившийся с этим (а куда денешься). Жорка не перегибал, в детских играх участия не принимал (у него были уже свои дела), поэтому его власть воспринималась как данное, и детство все равно было счастливым. Жорка закончил жизнь в тюрьме с отнявшимися ногами, не дожив до сорока. (Всегда лучше подождать, когда труп врага пронесут перед твоим домом.)

Так было в пионерских лагерях, в которых Блинов провел несколько сезонов. Обычно в отряде находились несколько человек, физически более развитых, и уже прибалтанных, и уже попробовавших девушку (по их словам). Среди них, естественно, выделялся лидер. Они устанавливали свои порядки и свои привилегии – лучшие куски, лучшие места (как бы в предчувствии, что рано или поздно придется спать возле параша), не участвовали в уборке, назначали объект для насмешек и т. д. Несколько шестерок вилось вокруг них. Все с этим смиралось, поэтому особых конфликтов не было. Блинов здоровым не был, драться не умел, но хорошо играл практически во все спортивные игры, особенно в футбол. Это ценилось, и его, а также таких, как он, не трогали. Смотрели косо, как всегда смотрят на выделяющихся людей, но не трогали. Оскорбленных и униженных Блинов не защищал просто по малодушию, но и защитников не встречал – разве что в кино.

Так было и в армии, так есть и в других исправительных заведениях. Мерзавцы, которые издеваются, избивают, доводят до самоубийства, есть и в армии, и эти случаи иногда попадают в прессу. Но на гражданке их несравненно больше, и большинство попадают в тюрьму еще до армии. Они – неизбежное зло, возможно, необходимое.

Блинову удалось поднять человек семь-восемь, которые встали то ли из жалости к молодому и, видимо, не злому пока лейтенанту, то ли на всякий случай. У вагонов его ждал лейтенант с красной патрульной повязкой. Он жестом пригласил Блинова следовать за ним. Они зашли за вагоны. Здесь два аккуратных патрульных солдата охраняли двух небрежно заправленных – очевидно, дембелей. Их лица показались Блинову знакомыми.

– Твой? – спросил начальник патруля.

– Похожи, – промямлил Блинов, – я еще не всех знаю, первый день в части.

– Ладно, забирать не буду, – сказал лейтенант, – поймали на станции, покупали вино. Забирай засранцев, но смотри за ними лучше.

Патруль ушел, а раздосадованная парочка, нимало не смущаясь, не обращая внимания на Блинова, двинулась напрямик в овраг. В этот момент второе Я, до поры до времени

находившееся где-то внутри (бывает так: смотришь на себя со стороны и думаешь – ну что этот идиот несет и откуда он взялся), заорало голосом Блинова, неожиданно даже для него самого:

– Стоять! (Дальше шли эмоции на вполне командном языке, которым, как оказалось, Блинов на сборах все же в какой-то степени овладел, но не пользовался.) Взяли лопаты и вперед, или я сам сдам вас на губу!

Дембели, ворча и не веря в угрозы лейтенанта, лопаты все же взяли. Ненадолго, конечно, но все же. Находясь и дальше под воздействием адреналина, Блинов на обратном пути закрыл расселину (как Александр Матросов амбразуру) и направил что-то вроде строя (настоящий строй ему сделать не удалось) через КПП. Стадо баранов, недоумевая и ворча (с ума, что ли, сошел лейтенант), покорилося – у стада нет высокой цели, поэтому оно всегда покоряется целеустремленной силе погонщика или овчарке. На территории гарнизона среди побеленных бордюров и плакатов, призывающих и наставляющих, ворчащая масса сама собой превратилась в не идеальный, но вполне различаемый строй, а на подходе к казарме даже дембели как-то подтянулись. Комбата боялись – это вам не двухгодичник-интеллигент. И не зря, – но об этом в другой раз.

Караул

Караул – это не в смысле «помогите, убивают», а выполнение боевой задачи по охране особо важных объектов. В караул на сутки заступает рота (батарея) с лейтенантом во главе:

*Не для хохмы, не для шутки назначается на сутки
Не какой-нибудь там хер, а дежурный офицер.
Целый день он все сидит и в окошко все глядит.
Как появится начальник, он кричит во весь...*

И так далее.

На каждый пост назначаются три бойца, которые, сменяясь под руководством разводящего сержанта каждые два часа, охраняют объект. Два часа на посту, два часа бодрствования (изучение устава) в караульном помещении, два часа отдыха в комнате отдыха (все «отдыхающие» на одном жестком топчане, ноги висят, смрад от портянок – до интоксикации). На посту тоже можно научиться спать, но стоя и с открытыми глазами, так чтобы при малейшем шорохе спросонья заорать: «Стой, кто идет», «Стой, стрелять буду», но ни в коем случае не стрелять. Солдат заступает на пост с автоматом и полным магазином. Именно в карауле происходят всякие нехорошие случаи, типа расстрела сослуживцев или самоубийств.

Блинов попал в караул на второй день службы, что бесчеловечно, потому что никто ничего ему толком не объяснил, а комбат сказал: «Читай устав». Устав он прочел, но в караульной службе есть тонкости, которые в уставе не отражены. Самую тонкую вещь он узнал на следующий день во время смены. Конечно, комбат предупредил его, что он должен тщательно все принять (караульное помещение, объекты, посты и др.). Принимал старшина батареи (дембель), он принес список замечаний типа: на втором посту не горит лампочка, на четвертом – повреждено ограждение, на пятом склад не опломбирован и т. д. и, наконец, в караульном помещении столы изрезаны, уставы исписаны. Сменяемый лейтенант (такой же двухгодичник, но с опытом) объяснил: на второй пост электрика вызвал (будет после ужина), дыра в заборе была всегда (через нее люди ходят), склад не функционирует (прапора не найдешь) и т. д., а столы и уставы изрезаны и исписаны со времен Великой Отечественной, а может быть и раньше.

На следующий день на смену прибыл караул из другой роты во главе с двухгодичником, который оказался намного педантичнее. Блинов был рад, что никаких происшествий не случилось и все объекты целы. Однако новый начкар (начальник караула) предъявил список замечаний, который содержал все те же, плюс еще какие-то, из которых наиболее возмутительным было отсутствие четырех капюшонов на плащ-накидках (ясно, что их и не было давно). Блинов попытался дать ему те же объяснения, но новый начкар их почему-то не принял. Он потребовал: на второй пост электрика тащи, дыру в заборе надо заделать (ну и что же, что люди ходят, дыру всегда заделывают), склад должен быть опечатан, уставы заменить, столы зачистить, капюшоны ищи где хочешь. Еще он сказал, что первый раз видит такого мудака.

Электрика старшина привел, другие недостатки устранять не стали, так как старшина сказал, что так было всегда и ничего страшного. Они вместе пошли на доклад к дежурному по части – комбату Блинова. Того, в свою очередь, меняет ротный этого Х. Теперь эти два капитана объяснили Блинову популярно, кто он есть. В конце концов, комбат пообещал дыру заделать завтра, уставы частично заменить, по остальным недостаткам сошлись на том, их не исправишь.

В десятом часу вечера все вместе они пошли на доклад к начальнику штаба по прозвищу Мао Цзедун, или просто Мао, за сходство грушевидной головы и не только. Несмотря на договоренность, новый дежурный список замечаний вручил начальнику штаба. Тот был не в настроении – как всегда, выяснилось позже. После небольшой паузы он спокойно и вместе с тем зловеще спросил Блинова: «Тэщ лейтенант, вашу мать, вы какого... вместо несения службы там делали» (как оказалось, это было самое мягкое выражение). Почувствовав угрозу, Блинов стал лихорадочно соображать, что же можно ответить (потом он хорошо усвоил, что надо, стиснув зубы, молчать, ибо каждое твое слово будет стопроцентно использовано против тебя, как предупреждают в кино американские полицейские). К счастью, страх парализовал его мозг, и он не успел ничего придумать. Мао вскочил и начал орать. Орал минут пять, употребляя исключительно нецензурные (мягко говоря) выражения (начиная с командира роты они все виртуозно владеют командным языком). Из этого ора следовало, что Блинов, раздолбай (естественно, он использовал значительно более грубые эпитеты), проедал пять лет хлеб рабочих и крестьян (учился в университете), чтобы развалить Советскую Армию, и почти уже ее развалил. Закончил он в таком смысле, что этого мудака не менять, пока не сошьет капюшоны на плащ-накидки.

Комбат послал Блинова к старшине, чтобы тот что-нибудь придумал. Уже после отбоя старшина нашел кусок брезента, из которого солдаты как-то нарезали что-то, что можно было использовать если не как капюшоны, то как обычный женский платок, и «капюшоны» эти всучили-таки смене.

Блинов вернулся в свой сарай с окном ниже уровня дороги и вечно сырыми простынями около одиннадцати вечера, не раздеваясь лег на кровать, отвернулся к стене и впал в глубокую депрессию. Больше всего его ужасала мысль, что этот кошмар будет продолжаться еще два года.

Сборы двухгодичников

Стрекачество в Советском Союзе было возведено в ранг морали. В первые годы советской власти энтузиасты-руководители, не жалея сил, своим рвением подавали пример, а многие начинающие советские люди, наслушавшись их пламенных речей, с энтузиазмом включались во всевозможные стахановские движения и ехали черт знает куда что-то строить или поднимать ради светлого будущего. В так называемые застойные годы руководители перестали быть энтузиастами (они всё поняли и лишь лицемерно изображали то, что когда-то было свято, стремясь устроиться как можно лучше), а большинство состоявшихся советских людей, видя это лицемерие, стрекачили.

Совет стрекачи т. д.л один из самых интеллигентных советских писателей Фазиль Искандер тем, кто не мог быть удавом, но не хотел быть и кроликом. Стрекачить, или «дать стрекача», надо понимать как увиливание от любых мероприятий, навязываемых начальниками. Сначала это собрания, демонстрации, субботники, добровольные дружины и т. п., но в конце концов это и работа, то есть основная деятельность. Большинство советских людей поняли это сами и стрекачили втихаря, не высываясь, но всегда и везде. Народная мораль стрекачество не осуждала. Правда, если работу, от которой увильнул стрекач, приходилось выполнять другим, то увильнувший назывался сачком и ему, по крайней мере, не аплодировали, а комсомольцы высказывали порицание.

В армии срекачат все призванные на срочную (обязательный срок) службу. Условно говоря, как только предоставляется возможность (а эту возможность ждут, ищут и организуют), солдат норовит забраться куда-нибудь в тень, снять сапоги, развесить портянки и вздремнуть. Но высший пилотаж – это попасть в какие-нибудь наблюдатели на полигоне, штабные писари, в спортивную роту, на любые сборы или отхватить отпуск с дорогой.

Кто и зачем придумал все эти курсы повышения квалификации, переквалификации, обучающие семинары и т. п.?

Нормальный руководитель относится к ним как чему-то неизбежному, возможно, полезному. Лучше было бы, конечно, если бы сотрудники работали и совершенствовались в процессе работы, читая специальную литературу или ковыряясь в Сети, что и делают нормальные сотрудники. Но департамент управления персоналом, от которого кроме вреда никакой пользы, изображая свою значимость, планирует, выбивает бюджеты, находит курсы, преподавателей и даже тестирует сотрудников. Те, кто организует курсы, без особого напряжения зарабатывают деньги. Те, кто проходит курсы, получают дополнительный отпуск в хорошем месте за счет компании, а затем, получив сертификат об окончании (сертификат выдается всем), становятся еще более полезными сотрудниками. Всем хорошо – спасибо бюрократам из министерств, которые от нечего делать придумывают такие мероприятия.

К этой категории мероприятий относятся и всякие военные сборы, за исключением того, что ни организаторам, ни участникам они удовольствия не доставляют – ужасные условия, баланда и околачивание груш, которое, как ни странно, тоже надоедает. Иногда, впрочем, на сборы призывались люди по профессии, которых где-то не хватало, например, призывают водителей и отправляют их на уборку урожая на военных машинах (не на танках, конечно).

Было такое светлое пятно и для двухгодичников. Какой-то умник в Министерстве обороны решил, что офицер, призванный из запаса, должен сначала пройти переподготовку, в том числе и для адаптации. Он, видимо, ориентировался на опыт

войны, когда новобранцев не посылали сразу на передовую, а обучали сначала где-нибудь на сборах.

По сравнению с действительной службой сборы давали отличную передышку и фактическое сокращение службы на два месяца. Комбат скрежетал зубами, когда на Блинова пришло предписание. Он должен был убыть на два месяца в Уссурийск, в какую-то радиотехническую часть, для прохождения этих самых благословенных сборов.

В Уссурийске в ноябре-декабре 1971 года была прекрасная погода (первый снег пошел в последний день сборов, в конце декабря). Осень была уже не золотая, но, может быть, еще слегка серебряная, когда желтые листья золотом уже не отдают, но выпадающий по утрам иней тает с восходом солнца. Но даже если бы погода была плохая, сборы не потеряли бы своей прелести.

Радиотехническая часть представляла собой заброшенный, неизвестно что и как производивший или ремонтировавший заводик. Информация была секретной, поэтому никто из участников сборов так и не узнал, что это за завод, — да они и не хотели знать. Сборы заводу навязали (надо было выполнять приказ министра обороны), поэтому в основном всем было до фонаря, чему учить.

Видимо, для ознакомления с особенностями караульной службы каждый из участников сборов должен был один раз за сборы заступить начальником караула для охраны объектов завода. Поскольку все участники сборов уже прослужили один-два месяца, они были хорошо знакомы с этими особенностями. Но если для Блинова первый караул стал трагедией, то здесь разыгрывался фарс. На полянке перед клубом выстраивался так называемый караул — десяток теток в форме охраны, к счастью, без оружия. Начкар принимал этот парад. Старшая тетка докладывала по обычной форме, после чего говорила: «Ну вы, товарищ лейтенант, идите отдыхайте — мы уж сами разберемся. Если вам чего-нибудь не надо, хи-хи». Тетки были такие, что ни о каком чем-нибудь речи не могло быть, несмотря на то что женщин большинство участников сборов не видели давно и перебивались письмами подругам или женам, кто успел жениться. Что и как тетки охраняют, никого не интересовало.

Какие-то занятия до обеда были, но если спросить у участников сборов, что и кто преподавал, никто не смог бы сказать. Неизвестно. Поскольку все не так давно были студентами, на занятиях играли кто во что горазд — крестики-нолики, выписывание слов, угадывание слов и т. п. Не играли только в преферанс, так как в преферанс предстояло играть весь вечер, а может быть и ночь — это уж как карты лягут. Довольно быстро приноровились играть на деньги в слова. Игра обычная — из букв некоторого длинного слова составляются все возможные слова. После вычеркивания одинаковых за оставшиеся начисляются очки — чем длиннее слово, тем больше очков. Разница (каждый с каждым, так как в игре могли принимать участие любое количество участников) умножается на стоимость очка в копейках. Выиграть много трудно, так как большинство — профессионалы. (Если, например, он видит слово «автор», то он автоматически выпишет «товар», «отвар», «тавро», «рвота» и еще долго будет спорить по поводу существования слова «втора», объясняя, что так называют вторую скрипку в оркестре.)

Поскольку в части не было солдат, не было и казармы и вообще гарнизонной инфраструктуры, что также способствовало расслаблению. Занятия проходили в клубе, а под жилье было переоборудовано какое-то помещение, в котором и расположились человек сто. Двухгодичники были со всего Союза, от Одессы и Ленинграда до Алма-Аты и Хабаровска. Математики, физики и прочие радиоинженеры. У основной массы распорядок был простой: до обеда игры на занятиях, после обеда отдых, а вечером другие игры — на нескольких столах расписывались «пульки», за другими выпивали, кто-то играл

в шахматы или настольный теннис, кто-то читал. В субботу и воскресенье занятий не было, и все дружно небольшими группами, кто с кем скентовался, выдвигались в город – в баню, рестораны и т. д. Денежное довольствие все получили на два месяца вперед – денег для бывших студентов было много. Иногда было интересно просто поболтать.

На сборах встречались интересные ребята, большинство были с техническим или физико-математическим образованием. Человек десять – из Харьковского университета, физики и математики, все евреи (создавалось такое впечатление, что в Харькове вообще живут только евреи). Абакумов учился в Одессе и евреев, мягко говоря, недолюбливал, а Блинову было все равно, а с ними интересно.

С двумя он подружился. Они были совершенно разные. Миша – весьма типичный, смуглый, сублильный, уже с залысинами, мягкий, очень пессимистичный (с печатью двухтысячелетней гонимости евреев на лице), всегда о чем-то думал, и с ним было интересно просто философствовать. Он все хотел бросить курить – покупал пачку дорогих сигарет и отдавал Блинову, надеясь, как он говорил, что жадность, в конце концов, заставит его бросить курить (на сборах он так и не бросил). Лёня, напротив, рыжий с шевелюрой, экспансивный до агрессивности. Играл на деньги во все что угодно, начиная с преферанса и кончая домино. На занятиях они с Блиновым играли в выписывание слов из букв длинного слова, договорившись о цене за слово. Однажды к ним захотел присоединиться кто-то из Ленинграда, и они «обули» его, как Лёня говорил, рублей на десять (немало).

Вечером играли в преферанс, и народ собирался вокруг их стола не столько последить за игрой, сколько посмотреть спектакль одного актера, который разыгрывал Леня. Он дергался, вскакивал, заламывал руки, причитал, что-то вроде «меня чехлят, на меня набрасывают чехол», после чего скандировал «че-хол, че-хол» или «я – несчастный зачесанный серенький козлик», изображая при этом рожки. Всяких пословиц у него был мешок. Были совершенно замечательные, такие как: «Если гора не идет к Магомету, то пусть она идет к е... матери» или «Лучше синица в руке, чем х... в сраке». И т. д. Матерщинник был жуткий, а в казарме сам бог велел. На реплику одного из интеллигентных молодых людей, что он предпочитает приличные анекдоты, которые можно рассказать в любом обществе, Лёня сказал, что анекдоты бывают либо смешные, либо приличные, и рассказал такой:

Гусар с дамой на балу. Скучно.

Дама: «Поручик, а давайте играть в пикантные двусмысленности».

Гусар: «А как это?»

Дама: «Ну вот, например, я вам говорю – поцелуйте меня в жо, поцелуйте меня в жо, поцелуйте меня в желтую перчатку».

Гусар: «А, понял – х... вам в ро, х... вам в ро, х... вам в розовые губки!»

Вся казарма надрывала животы, ржала и рыдала минут пять. И еще долго слышались всхлипы и стоны людей, которые были не в состоянии остановиться. Сейчас так не смеются, а Леня с Мишей наверняка ностальгируют где-нибудь в Америке – лучше синица в руке.

Но были и исключения, обычные для большой массы людей (любых объектов или индивидов), соответствующие нормальному распределению Гаусса. Человек пять-десять делали по утрам зарядку, что-то изучали, что-то читали, практически не валяя дурака. Соответственно, другие крайние пять-десять человек напивались ежедневно, на занятия не ходили, «забив» на все, в том числе и на свою жизнь. Удивительно, к этим людям обычно не привязывается даже начальство, видимо, махнув рукой – все равно ничего не добьешься. Кого-то другого могут пожурить или даже наказать, но только не этих. Никто

им почему-то не завидует.

Два месяца пролетели незаметно. Сборы заканчивались. Прошел и тут же растаял первый легкий снежок. Занятия закончились, игры надоели, и все просто валялись на кроватях в ожидании отъезда. Ни с того ни с сего приперся совершенно пьяный начальник сборов – в общем-то вполне вменяемый майор, с которым конфликтов не было. Он построил сборы непонятно зачем – все думали, что решил попрощаться, но вместо этого он стал орать, ругаться, угрожать («как стоишь, мерзавец») и вел себя крайне разнузданно. В конце концов, его послали куда подальше и разошлись.

Большинство советских молодых людей проходили за свою жизнь немало всяких сборов – пионерский лагерь, «зарницы», стройотряд, уборка урожая, военные сборы, картошка – когда порядка ста человек в течение месяца живут вместе под одной крышей, следуя единому распорядку. За это время коллектив сплочивается. Основой сплоченности является очень высокая степень солидарности в противостоянии начальству, которое следит и заставляет, а никто не хочет. Расставаться грустно. Но вот сборы окончены. Все торопятся, некоторые даже не прощаются, и ты уже один возвращаешься куда-то, забыв все, что за эти два месяца было. И больше ты никогда и ни с кем не встретишься. А если и увидишь кого-нибудь случайно, ты вы уже не будете родными, как когда-то.

Вторым типом стрекачества был отпуск. Все слышали, что офицеру, даже двухгодичнику положен отпуск, но в первые дни службы он казался несбыточной мечтой, которая если и сбудется, то неизвестно когда, и лучше об этом не думать. К счастью, всегда находятся люди, которые готовы совершенно бескорыстно поделиться своими знаниями, когда речь идет о стрекачестве. Им хочется успокоить свою совесть и привлечь как можно больше людей, чтобы те давали стрекача вместе с ними.

Бывалый двухгодичник лейтенант Пономарев, главный стрекач, имея отношение к теплотехнике, умудрился попасть на гарнизонную кочегарку и практически дал стрекача со всей службы, ведя исключительно гражданскую жизнь. Всех новичков он не просто обучал тому, как нужно использовать отпуск, но и снабжал газетой «Красная Звезда» с соответствующими разъяснениями (в рубрике «Ответы на вопросы»). Оказалось, что офицеру положен отпуск двое с половиной суток за каждый месяц службы, но при этом, если отпуск получается продолжительностью в десять и более суток, то к нему добавляется время на дорогу к месту проведения отпуска (туда и обратно, максимум 15 суток). Поскольку все призывались в конце лета (30-го августа), то отпуск за четыре оставшихся месяца набегал как раз на десять суток, дававших право на дорогу. Служившие в Прибалтике брали отпуск на Дальний Восток, служившие на Дальнем Востоке – в Прибалтику. Вот и 15 суток на дорогу.

Пономарев предупреждал, что выбить отпуск непросто. Командиры всех уровней уговаривают присоединить эти десять дней к следующему отпуску и гулять на всю катушку летом почти два месяца, и многие дураки соглашались. Но беда в том, что, во-первых, ты теряешь 15 суток на дорогу, во-вторых, отпуск надо брать зимой, когда холодно и муштра (летом и без отпуска можно отличного стрекача задать). Берешь отпуск плюс 15 суток на дорогу (проездные документы на поезд в купейный вагон), покупаешь билет на самолет (в авиакассах эти документы принимают с доплатой) и сваливаешь в декабре почти на месяц. Второй отпуск берешь в декабре следующего года и сваливаешь на полтора месяца, а там уже и до дембеля рукой подать. Вот газета «Красная Звезда» для начальников, а комбата и ПНШ (помощник начальника штаба, который все это оформляет) придется напоить как следует.

Именно так и поступили почти все, кого Пономарев обучил, а командование полка скрипело зубами. Но против «Красной Звезды» не попрешь.

Торжественным маршем

В образцовых гарнизонах общая вечерняя поверка проводится вечером каждую пятницу. На плацу выстраивается весь гарнизон (в нашем случае вся дивизия) приблизительно так, как выстраиваются части, принимающие участие в военных парадах на Красной площади и площадях других столиц нашей бывшей, некогда великой страны.

Интересно, что дивизия, в которой оказался Блинов, была еврейская. Командир дивизии и практически все его замы носили фамилии типа Рубинштейн и имели ярко выраженные, как сказал бы антисемит, этнические признаки. У Блинова был коллега, Мишка Рубинштейн (почему-то человека с именем Михаил обычно называют Мишкой, а не Мишей, видимо, имея в виду «мишку косолапого», который по лесу идет). Он, в ответ на замечание начальника: «Миша, вы кончайте-таки эти вот свои еврейские штучки» (когда делаешь замечание, уменьшительные неуместны), изумил его тем, что он по паспорту русский, так как у него мать русская. На что начальник успокоил его, констатируя, что даже если бы он не был Рубинштейном, никаких сомнений по поводу его происхождения ни у кого никогда не возникнет – достаточно взглянуть на него один раз. Мишка, кстати, в конце концов, оказался в Америке, а не где-нибудь в Израиле, что и требовалось доказать. Вот такие были командир дивизии и его замы. Как это получилось – уму непостижимо. Видимо, все-таки заговор.

Командир дивизии хотел, чтобы дивизия была образцовой, поэтому дивизионные проверки проходили каждую пятницу вечером. Начиналась она с символической переклички. После доклада какого-либо зама командиру дивизии о том, что дивизия построена, громкий чистый голос выкрикивал: «Младший лейтенант Крестьянинов!» Не менее громкий, чистый и торжественный голос отвечал: «Младший лейтенант Крестьянинов пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

Затем сам генерал зачитывал приговоры, вынесенные военным трибуналом округа за прошедшую неделю. (Короткое описание неуставных отношений заканчивалось зловещей фразой, которая должна была заставить задуматься всех присутствующих потенциальных преступников – «...военным трибуналом осужден и приговорен к... годам дисциплинарного батальона», ужас.)

После зачитывания приказов к трибуне приглашались старшие офицеры и командиры подразделений. Там генерал накачивал их наставлениями для образцового несения воинской службы на следующую неделю (своеобразная планерка). Младшие офицеры и личный состав в это время стояли вольно в свете тусклых прожекторов, переминаясь с ноги на ногу, ропща и нарушая строй, но не превращаясь в стадо баранов (всегда найдется выслуживающийся, который своим навязчивым рыканьем не даст этому стаду разбрестись). Ясно, что вечер в пятницу можно провести значительно интересней.

Командиры возвращались и накачивали личный состав тем, чем их накачали у трибуны. Иногда проводились какие-нибудь нескучные мероприятия, самым опасным из которых являлась проверка тревожного чемоданчика. Всегда неожиданно, перед самой проверкой, вдруг объявляют, что на поверку необходимо прибыть с тревожным чемоданчиком. Каждый офицер должен всегда иметь дома укомплектованный по инструкции тревожный чемоданчик (зубная щетка, подворотнички, уставы, консервы и прочая фигня на случай объявления тревоги, неофициально должна быть и бутылка водки). Почему его называли так ласкательно, не знаю, но может быть именно из-за этого его несерьезного названия очень многие офицеры как-то забывают про него. Каким-то образом Блинов прослужил два года без тревожного чемоданчика, поэтому каждая проверка портила ему нервы. Лучше всего срочно перехватить чемоданчик у добросовестного офицера, попавшего на пятницу в наряд. Но таких, как он, было много,

поэтому можно не успеть, и тогда единственный выход – отскочить из строя во время проверки, получить втык, покаяться, пообещать и снова забыть – до следующей проверки. Казалось бы, ну что стоит собрать один раз этот чемоданчик. Ан, нет. По законам, сходным с законом Мэрфи, независимо от того, собирал ли ты когда-нибудь тревожный чемоданчик или нет, в нужный момент его не будет.

Есть замечательная песенка в исполнении актера Панкратова-Черного:

А вот она стоял мой чемоданчик,
А вот она стоял мой чемоданчик,
А вот она стоял, а вот она стоял,
А вот она стоял мой чемоданчик.
А ну-ка убери свой чемоданчик,
А ну-ка убери свой чемоданчик,
А ну-ка убери, а ну-ка убери,
А ну-ка убери свой чемоданчик.
А я не убери свой чемоданчик,
А я не убери свой чемоданчик,
А я не убери, а я не убери,
А я не убери свой чемоданчик.

Песенка ассоциируется с «Черным квадратом» Малевича. Конечно, песенка не так лаконична, как «квадрат», но жанр обязывает.

И вот, наконец, главное действие. В конце поверки все подразделения проходят два круга по плацу сначала торжественным маршем, как на параде, а затем с песней – с песней и покидают плац. Звучит команда: «К торжественному маршу, поротно, дистанция на одного линейного» и т. д. Военный парад не раз в год, а каждую пятницу. Чтобы пройти правильно с перестроениями и поворотами, выполнить команду «Смирно!» перед трибуной (прямая нога поднимается высоко, шаг чеканится твердо, руки плотно прижаты, дух захватывает), надо много тренироваться, что мы и делали на занятиях по строевой подготовке. Думаю, что если бы в мире проводился конкурс на лучшее прохождение торжественным маршем, Советская Армия конкурс бы выиграла – вот она, загадочная русская душа.

Однажды наш гарнизон посетил командующий округом, генерал армии. Он прибыл на вертолете. Весь гарнизон, построившись, торчал на плацу часа два. Наконец вертолет появился, и гарнизон со злорадством наблюдал, как наш грозный командир дивизии подобострастно заковылял навстречу командующему. Оказалось, что генерал наш – немолодой уже человек, с брюшком, к строевому шагу совершенно не годен. Затем они обходили строй, приветствуя нас «Здравствуйте, товарищи танкисты!», – и мы в ответ: «Здравия желаем, товарищ командующий округом!», а затем, протяжное «ура-а-а», провожая их к следующему подразделению.

Наздоровавшись, командующий вышел не к микрофону на трибуне, а на середину плаца и произнес короткую напутственную речь. Говорил он жестко и отрывисто. Слова вылетали из сжатого рта, как команды, которые тут же надо выполнять. Закончил он словами: «Драчка будет большая, и к ней надо готовиться. Нам нужны командиры, которые сами поведут свои танки на врага». (В танковом полку командиры взводов, рот и даже полка имеют свои танки и находятся в них во время боевых действий.)

Шел 1972 год. Под врагом в этой драчке командующий подразумевал Китай. К счастью, командующий ошибся – драчка не состоялась. Вместо нее состоялся Большой Застой, и мы проиграли без войны.

Стрельбы

Можно привести много доказательств того, что в развивающейся Вселенной оружие уничтожения будет развиваться. В любом случае, сегодня оружие существует и перспектив его уничтожения не видно.

В описываемое здесь время оружие было стрелковое – из него стреляли металлическими пулями и снарядами. Пистолеты, автоматы, пулеметы, танки, пушки, ракеты и т. д. Оружие массового поражения тоже было, но не использовалось по вполне понятным причинам.

Главное в войне – убить как можно больше солдат противника. Тогда он (противник) становится сговорчивей. Соответственно, основная функция солдата – уметь стрелять из вверенного ему оружия. Пехота стреляет из автоматов, артиллеристы и танкисты из пушек, моряки торпедами и т. д. Чем сложнее оружие, тем дороже стрельба, тем реже из него стреляют. Баллистические ракеты в учебных целях запускают очень редко, а из автоматов Калашникова или пистолетов Макарова стрелять можно хоть каждый день. Блинов стрелять не любил, потому что плохо переносил звук выстрела – как-то неприятно бьет по ушам. Больше всего его удивляло то, что из автомата Калашникова в цель он попадал, потому что ему казалось, что во время выстрела его глаза инстинктивно закрываются, – попадал с закрытыми глазами. Не зря, видимо, «Калашников» так популярен. Но вот из пистолета Макарова в грудную мишень с расстояния всего 25 метров он так ни разу за всю службу и не попал.

На военной кафедре университета, в котором учился Блинов, готовили офицеров зенитной артиллерии. Основная задача зенитной артиллерии – сбивать самолеты противника. Зенитчики стреляли один-два раза в год на специальном полигоне.

Полигон и вообще всякие учения – лучшее время в армии для непрофессиональных военных. Нет дурацкой муштры и бесконечных бессмысленных команд (только для того, чтобы солдат не спал), есть хоть какая-то осмысленная цель и относительная свобода. Осенью на полигоне можно проторчать долго, если идут дожди (дождливый день считается днем зенитчика, потому что самолеты не летают, – тогда еще не летали). Если нет дождя, то уссурийская тайга в пору золотой осени – это мягкое солнце, все цвета радуги в лесу, дикий виноград разноцветным ковром опутывает желто-белую березовую чащу на опушке, грибы, лимонник, ягоды, лосось на нересте.

Комбат, отобрав наиболее бывалых деревенских ребят, занимался заготовками грибов, ягоды, рыбы и икры. На нерест шла сема – рыба семейства лососевых. Они уезжали ночью на бронетранспортере, и солдаты били рыбу острогами на перекатах в свете прожекторов. Рыбнадзор, естественно, отдыхает. Возвращались под утро и потрошили рыбу. Красивое зрелище – из вспоротого брюха вываливаются в ведро два здоровенных, как будто полиэтиленовых пакета, полных блестящей от влаги ярко оранжевой (красной) икры. Другие бродили по лесу и собирали грузди. Интересно, что ни один офицер никогда не собирал грибы – не офицерское это дело.

До ближайшего села было километров двадцать через речки без мостов, так что торчать приходилось безвылазно. Офицеров вывозили в ближайшее село по субботам в баню, и они опустошали магазин, набирая водки на неделю. Местные жители не любили офицеров. Младшие офицеры жили в казарме человек на пятьдесят, если не больше, солдаты в палатках. Здесь собирались зенитчики со всего округа, и было много знакомых (кто по сборам, кто даже по университету). Вечером карты или водка, или и то и другое. Девушек на полигон не завозили, так что жены офицеров могли спать спокойно, если,

конечно, не изменяли сами. Они любили изменять с солдатами – наверное, женщинам нравятся молодые, озверевшие, ни к чему не обязывающие парни.

Готовясь к стрельбам, накачивали солдат наставлениями да настраивали вечно расстроенную аппаратуру. На вооружении были легкие самоходные установки с четырьмя небольшими стволами и всякой автоматикой и древние – с двумя средними стволами и ручным прицелом.

В сентябре отстреляться не успели, а в октябре пошли дожди. В дождь самолеты не летают, и солдаты спали в палатках (любимое занятие всех подневольных людей), а офицеры маялись в казарме, потому что пить водку и играть в карты днем как-то неэтично, да и вечером надо же что-то делать. Двухгодовичники читали книжки – интеллигенция. Но вот тучки рассеиваются, и все по уши в воде двигаются к полигону, где относительно сухо.

Стрельба заключается в том, что над полигоном летит древний самолетик с полукилометровым тросом, на конце которого он тащит макет. Этот макет необходимо поймать либо локатором установки (для новых), либо ручным прицелом (для древних), а затем обстрелять. Вообще должны стрелять несколько задач, самые сложные из которых – в движении. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Основную сложность создают сопки. Самолет появляется неожиданно, и времени, чтобы его поймать, очень мало.

Но это не касается нашего героя. Блинов с Серегой Абакумовым (коллега-двухгодовичник) во время стрельб выполняли обязанности страхующих.

Для древних установок эти обязанности довольно просты. Страхующий сидит на борту установки сверху (башня полностью открыта) и наблюдает за стволами – если стволы направлены на самолет или людей, необходимо предотвратить выстрел. Поскольку радиосвязь не работает уже лет двадцать, основной инструмент страхующего – довольно увесистый красный флажок, которым необходимо бить по шлемофону первого номера (весь экипаж находится внизу, в башне) для предотвращения выстрела. На самом деле с ручным прицелом казусы практически исключены – наводчик ясно видит, куда будет стрелять, а в самолет он не попадет, даже если очень сильно захочет.

Комбат дает другой инструктаж. Главное, объясняет он, обстрелять цель, потому что во время войны за необстрелянную цель ставили к стенке, а теперь поставят двойку и придется снова стрелять, а кому же хочется. Если же цель обстреляна, то комбат может отрегулировать оценку с наблюдателями (они где-то сидят и оценивают, насколько близко к макету прошли снаряды) с помощью спирта или водки. Поэтому стволы должны быть всегда направлены на сопку, из-за которой появится самолет, а если страхующий видит, что цель не поймана и самолет уходит, необходимо бить первый номер по голове (шлемофону) до тех пор, пока он не выстрелит.

Слава богу, с древних установок стреляли только с места, и все обошлось. Самолет увидели слишком поздно, и бессмысленно было крутить штурвалы прицела. Блинов как сумасшедший колотил сержанта Гаврилова по башке, и тот дал короткую очередь куда-то в сопку, никого не подстрелив. Комбат, поматерившись, несмотря на свою фамилию – Безматерных, залез в бронетранспортер и поехал к наблюдателям. Привез пятерку, как всегда. Батарея капитана Безматерных всегда стреляла отлично.

Обязанности страхующего автоматической установки были сложнее. Из установки на длинном проводе (метров двадцать) выведен размыкатель цепи стрельбы – цепь стрельбы электрическая. Страхующий стоит рядом с установкой (установка закрыта, и места для страхующего в ней нет) и должен следить за стволами, и при малейшей опасности (направлении стволов на людей или самолет) нажать на тумблер размыкателя, тем самым

предотвращая выстрел. История создания этого устройства была печальной. В этих новых установках был конструктивный дефект – когда отключались гидроприводы,двигающие стволы и башню, стволы падали в горизонтальное положение, а башня, крутнувшись, замирала в произвольном положении. Однажды после стрельбы экипаж выключил гидроприводы и командир установки по инструкции произвел контрольный спуск. Неожиданно (видимо, во время стрельбы произошла осечка) установка дала залп из всех четырех стволов по бронетранспортеру, на котором в это время грелись на солнышке солдаты в ожидании своей очереди стрелять – семь человек как ветром сдуло. Может, вранье, но размыкатель и страхующий теперь были.

Когда стреляли с места, еще ничего. Стоишь себе с размыкателем и нажимаешь на тумблер по окончании стрельбы, когда стволы установки смотрят черт знает куда. Один раз они развернулись прямо на Блинова, и тот, несмотря на то что нажал на тумблер, инстинктивно упал на землю (инстинкт самосохранения, береженного бог бережет). Видимо, решив, что что-то не в порядке, тут же попадали и все, кто стоял рядом, в том числе помощник начальника ПВО полка капитан Вишневецкий (щеголеватый, всегда весь подшитый, выглаженный и начищенный капитан рассказывал как тащится его жена, когда видит его в белых армейских кальсонах). Сконфуженный, он долго орал на Блинова – типа, какого черта ты падаешь, если у тебя размыкатель. Ну что тут объяснишь, когда стволы, которые только что стреляли, смотрят прямо тебе в глаза.

Намного хуже приходилось страхующему при стрельбе в движении. Для страхующего это пятьсот метров бегом за установкой. Абакумов боится первую установку, Блинов – вторую.

Перед залетом возле установки наблюдается жуткий ажиотаж. Начальник ПВО полка, его заместитель, командир батареи и командир взвода вчетвером дают последний инструктаж механику-водителю. Бедный солдатик затравленно смотрит на них из люка. Эти четверо одновременно матом пытаются объяснить ему, как нужно двигаться. Серега Абакумов стоит в стороне с размыкателем в руке и пытается сообразить, как бежать. Вот из громкоговорителя доносится: «...Залет боевой. Стреляет батарея капитана Безматерных». Скорее всего, они втолковывали ему, что нужно стартовать плавно по команде, иначе с чего бы он рванул так, что Серега чуть не упустил размыкатель. Длинный и худой Серега, в развевающейся плащ-накидке, без фуражки (она слетела от резкого старта), бежал, высоко выбрасывая колени, чтобы не увязнуть в лужах, держа перед собой размыкатель, как уздечку лошади. Вряд ли он мог следить за направлением стволов. Самолету повезло – его не сбили.

Следующей стреляла установка Блинова. Он запаниковал. Спринтер по натуре, он боялся, что на пятьсот метров в таком темпе у него просто дыхалки не хватит. Все повторилось: эти четверо что-то орали бедному водителю, потом объявление по полигону. Блинов увидел самолет в последнюю секунду (он буквально выскочил из-за сопки), и в это мгновение водитель рванул, как если бы он стартовал в гонках на «Формуле-1». Блинов тоже рванул, фуражка слетела. Он бежал, не глядя на стволы, только чтобы не увязнуть в лужах. И вдруг впереди появилась лужа, у которой другой берег не просматривался. Он понял, что ему ее не пройти, выпустил из рук размыкатель и побежал вокруг лужи. Грязный с ног до головы Блинов еле добежал до конца дистанции, нашел размыкатель и залез на башню установки. Экипаж, выглядывая из люков, издевательски сочувствовал. Предстоял второй заезд.

Отстреляли, как ни странно, на отлично. Бочки с грибами, рыбой и икрой были тоже готовы (икра у капитана не получилась, уметь надо), и осень, уже не золотая, заканчивалась. Пора, как говорится, на зимние квартиры.

Девушки

На первый взгляд, проблема ограничения общения с женским полом двухгодичников не касается. После службы они свободны в передвижении, а с погонами и деньгами девушку найти не так трудно. Но в описываемое время и в том месте, где служил Блинов (а таких мест было большинство), проблема существовала. Во всяком случае, у большинства двухгодичников полка девушек не было.

Исключение составлял Долганов, который неумоимо куда-то мотался и кого-то находил. Где-то у него была жена моряка, который вечно был в рейсе, где-то молодая вдова, где-то дура какая-нибудь влюбившаяся. Он не бахвалился, часто брал с собой кого-нибудь из тех, кто попадет под руку, и пассия Долганова приводила подругу, с которой у этого, кто попадет под руку, естественно, ничего не получалось.

Поселение, в котором находился гарнизон, делилось железной дорогой на две части. В одной жили местные жители, в другой располагался гарнизон. В гарнизонной части были: собственно гарнизон, офицерский городок, в основном для старших офицеров, с одной стороны гарнизона (в нем были четырехэтажные дома со всеми удобствами, офицерская столовая, которая вечером работала как ресторан, и другие элементы обычной городской инфраструктуры), и малопригодный для нормальной жизни офицерский поселок для невезучих младших офицеров – с другой стороны.

В офицерском городке жили белые люди – старшие офицеры и другие «втершиеся» личности, включая даже прапорщиков. Каким образом и куда надо было втереться, чтобы получить жилье в офицерском городке, знали только втершиеся, аналогично тому, как получали жилье вообще в стране построенного социализма. Жилья не хватало катастрофически, и в очереди стояли практически все граждане этой страны. Без очереди получали только втершиеся или купившие. И тогда можно было купить, о чем население уже догадывалось, но где взять деньги, знали не все, а наивные люди думали, что надо обязательно воровать. Сейчас любой вопрос решается намного проще – надо дать денег, причем известно, сколько и кому. Раньше было интереснее, хотя определенные расходы были необходимы.

Большинство двухгодичников были людьми интеллигентными, втираться не умели, поэтому жили в поселке для невезучих. В нем были две длинные улицы, застроенные так называемыми «финскими» домиками (неизвестно, откуда такое название, так как очень сомнительно, чтобы финны жили в таких домиках, разве что когда-то очень давно, в царской России). Домик на два входа, в каждой половине три комнаты и кухня. На кухне – печка. Другие удобства во дворе: на четыре дома одно деревянное строение на четыре очка с выгребной ямой (очко – это ромбовидная или круглая дырка в деревянном полу, в отличие от солдатских туалетов здесь все же каждое очко имеет свою, если так можно выразиться, кабину) и одна колонка (металлическое сооружение с краном, на который вешается ведро; чтобы включить воду, надо поднять и удерживать рычаг, расположенный сбоку). Был еще сарайчик, куда завозили уголь на зиму.

Самое паршивое дело было пользоваться уборной осенью (туалетом описанное выше деревянное строение при всей фантазии назвать было нельзя), когда постоянно шли дожди. Выгребная яма заполнялась водой, причем вода была где-то внизу на глубине полутора метров, так что если человек шел первый раз справить большую нужду, он ничего не подозревал. Он спокойно присаживался на корточки над очком и начинал думать о чем-то приятном, пока прямая кишка делала свое грязное дело. В момент облегчения какашка летела вниз, и (подлые законы физики) оттуда с глубины полутора метров поднимался всплеск, который по тем же подлым законам попадал точно в то место, откуда оторвалась какашка. Человек от неожиданности чуть не слетал с помоста и

произносил нехорошие слова, — а что еще можно сделать? В дальнейшем техника какания вырабатывалась естественным образом у всех одинаково — после отделения какашки надо мгновенно сместить задницу в сторону от очка, чтобы подлый всплеск пролетел мимо. В этот момент многие даже злорадствовали — ага, не попал. Гипотетически можно было бы носить с собой какой-нибудь отражатель и подставлять его под всплеск, но это совсем нереально — после небольшой дискуссии этот вариант был отмечен. Все крутили тазом.

В каждой половине жили по восемь двухгодичников (3—3—2). В других домах жили невезучие младшие кадровые офицеры с семьями (одна семья на половину дома) — бедные их жены. Иногда попадались какие-то штатские люди — возможно, бывшие военнослужащие, которых не смогли выселить.

Напротив общежития был такой же домик, который был перепланирован так, что одну комнату с кухней с отдельным входом занимала молодая одинокая женщина по имени Акси́нья (на ум сразу приходил «Тихий дон» и Элина Быстрицкая). Еще до того, как Блинов ее увидел, он слышал много шуток и намеков от уже отслуживших год ребят. Интересно, что в них не было ничего неприличного, как это обычно бывает в мужской компании, напротив, ощущалось какое-то уважение.

Однажды в воскресенье, когда все умиротворенно маялись, наслаждаясь бездельем, Долганов, взглянув в окно, очень быстро для своих габаритов выскочил за дверь. Остальные, и Блинов вместе со всеми, прильнули к окну. Акси́нья шла за водой к колонке, которая, как уже было сказано, находилась между домами. То, что это именно Акси́нья, было ясно без всяких слов.

Адекватно описать впечатление, которое производила фигура Акси́ньи, невозможно. Основные части женского тела, как известно, — грудь и то, что ниже спины. Невозможно было сказать, и никто не говорил, что у нее были большие сиськи или круглая попка, хотя они были приличные по размеру, а размер, как известно, имеет значение. Это бы сразу все опошило. Грудь была немаленькая, но упруго и вместе с тем мягко стояла, и видно было, что не из-за лифчика. То, что ниже спины (все доступные слова слишком пошлы, чтобы это описывать), было идеально овальным (не круглым — круглая попка действует непосредственно на основной инстинкт) и выдающимся ровно настолько, чтобы не быть плоским, но и, не возбуждая основной инстинкт, пробуждать интеллект. Между грудью и тем, что ниже спины, была талия, не то чтобы осиная, но подчеркивающая все. Она не была красавицей, но лицо было удивительно приятным и без стервозности, которая почти всегда сопровождает красивые женские лица. Глаза с поволокой соответствовали фигуре, обещая неземное блаженство. Произведение искусства, в общем. Человек терял дар речи, видя эту красоту, но похотливые мысли ему в голову не приходили. Высокое искусство — высокие чувства. И это в то время, как в радиусе километра очень трудно было встретить вообще какую-нибудь девушку. Можно предположить, конечно, что именно из-за этого отсутствия и разыгрывается воображение у сексуально озабоченных молодых людей, но психоз был массовый. Сексуальная энергия, назло Фрейду, упрямо не сублимировалась в интеллектуальную, оставаясь где-то внизу.

Долганов уже набирал воду, удерживая рычаг, и что-то без умолку плел и плел. Акси́нья смеялась. Желавшие поднести воду Акси́нье не выстраивались в очередь — они выскакивали, кто быстрее. Она никому не отдавала предпочтения, поэтому возможность мило побеседовать и полюбоваться ею с близкого расстояния сохранялась у всех. Кстати, когда она шла в описанное выше деревянное строение, которое также находилось между домами, все наблюдавшие жалели ее, представляя, как она, бедная, будет крутиться, и не выходили, дабы не поставить ее в неловкое положение.

Есть женщины, которые не убивают надежду ни у кого. Они как бы намекают:

постарайся, и все возможно. Но в сплетни злых языков, не допущенных к столу, о том, что она с любимым, как-то не верилось. Очевидно, должны соблюдаться два условия: необходимое – должен понравиться (это непредсказуемо и неисправимо, если уж не понравился), и достаточное – стараться надо сильно и искренне. О том, чтобы сразу затащить в постель, не могло быть и речи.

Долганов набирал воду и плел. О чем-то большем никто, кроме него, не мечтал. Долганов, естественно, к ней захаживал, но, очевидно, безрезультатно. Он старался, и она привечала его, как друга. Народ в общаге злорадствовал, и Аксиныя нравилась им еще больше (если уж у Долганова не получается, то, видимо, хорошая девушка и, самое главное, не надо думать о том, чтобы к ней попасть – потому что, когда злые языки говорили, что она с любимым, желание подло просыпалось). Всегда лучше «мне нравится, что вы больны не мной».

О чем-то большем никто не мечтал, потому что любовником Аксиныи был командир танкового полка, в котором все эти двухгодичники служили, подполковник Борзов.

Подполковник Борзов был невысокого роста, худощавый, но крепкий, злой на службе мужик. Настоящий командир, возражения неуместны. Он нечасто употреблял мат, язык его был настолько командным в прямом смысле этого слова, что и без мата его все прекрасно понимали. Полк всегда был отличным. Блинов увидел Борзова чуть ли не на следующий день после выхода на службу во время утреннего построения полка. После обычных процедур, положенных по уставу, командир давал важные наставления. Неожиданно его взгляд, привычно сканировавший строй, остановился на ком-то, и командир тут же вышел из себя.

– Лейтенант Безруков, – заорал он, – вы что веселитесь, из-за вашего разгильдяйства погиб молодой парень! Ему бы жить, а не вам. Вы не Безруков, вы Безголов. Вас судить надо, а вы тут веселитесь.

И так далее.

Безруков давно уже не веселился и стоял по стойке «смирно» – на него жалко было смотреть. Считалось, что незадолго до этого по его вине погиб молодой солдат (в армии люди гибнут и в мирное время, часто просто по глупости). Безруков сдал караул, но, вместо того чтобы довести солдат до казармы и проконтролировать сдачу боевого оружия, он отдал свой пистолет Макарова помощнику – сержанту, поручив ему сдать оружие, а сам двинулся домой (не терпелось выпить). Сержант довел солдат до казармы, где они сдали автоматы, и повел на ужин. Но пистолет Безрукова он не сдал, хотел слегка повыпендриваться. В столовой он стал демонстрировать пистолет. Какой-то молодой солдат попросил подержать оружие, и сержант милостиво дал ему пистолет, предварительно вынув магазин. Направив его на дверь столовой (там в этот момент никого не было, он знал уже, что направлять ствол на человека нельзя), бедолага спустил курок. Пистолет был снят с предохранителя и заряжен (один патрон остался). Зачем Безруков зарядил его, он и сам не мог объяснить (оружием в карауле не балуются). Прогремел выстрел. В это время мимо столовой шел строй. Пуля попала молодому бойцу в живот (из пистолета Макарова очень трудно попасть в цель, если захочешь), и он скончался в госпитале.

Борзову потребовалось много усилий, чтобы замять дело, иначе полк не был бы признан отличным, что, в свою очередь, чревато замедлением карьеры, поэтому он отвязывался на Безрукове при каждой возможности. К концу службы Безруков спился и не стал даже возвращаться домой. Говорят, так и болтался где-то в деревне с собутыльниками.

Борзов приезжал к Аксиные два раза в неделю и проводил у нее часа два.

Командирский газик стоял, особенно не скрываясь, несмотря на то, что Борзов был женат (он, естественно, жил в офицерском городке на противоположной стороне гарнизона). Говорили, что он хотел бросить жену и жениться на Аксинье и предлагал ей, но она отказалась. Ребята в общаге грустили, когда видели недалеко командирский газик.

Блинову однажды повезло. Он пошел в уборную, а в это время Аксинья вышла за водой. К счастью, нужда была малая и можно было терпеть. Оказавшись, таким образом, к колонке ближе всех, Блинов автоматически воспользовался ситуацией.

– Вы что, новенький? – Аксинья приветливо улыбнулась.

– Да, давайте помогу.

Напряжение спало, и Блинов, повесив ведро на кран и подняв рычаг, уже что-то нес про неудобства деревенской жизни. Он и не заметил, как они оказались на ее крыльце.

В отличие от взрослого мужчины, неискушенный молодой человек может получать удовольствие просто от общения с понравившейся ему женщиной, даже не думая о том, чтобы затащить ее в постель. Искушенным женщинам, с другой стороны, нравится восторг почитания неискушенных молодых людей. Они не допускают близости, потому что знают, что в постели от молодого человека толку будет мало, а обучать его – значит все опошлить. Зато так приятно ощущать чистый, восторженный, без намека на похоть взгляд.

Они сидели на крыльце, она что-то подшивала или штопала. Тема разговора не имела никакого значения. Голос у нее был приятный, низкий, и все, что она говорила, Блинову нравилось. Он *был* уже на грани того состояния, когда мозг молодого человека под влиянием сублимирующейся энергии начинает работать неадекватно. В этом состоянии человеку кажется, что перед ним идеал, в котором все идеально – голос, речь, глаза, улыбка, и, оказывается, по математике в школе у нее была пятерка. Если бы она поманила пальчиком, любой потерял бы голову. Но она не поманила. К счастью. Все, что ни делается – все к лучшему. Блинов потом всегда вспоминал чеховского Ионыча, которого они изучали в школе целую четверть. Повесть он прочел много позже, но тогда, в школе, учительница очень заостряла внимание на эпизоде, когда уже обрюзгший обыватель Ионыч (вот в кого он превратился, с возмущением подчеркивала учительница) едет в коляске и думает: «Как хорошо, что я тогда на ней не женился» или что-то в этом роде.

Время истекло, и он поплелся в общагу выслушивать завистливые подтрунивания ребят. Через несколько дней Блинов убыл на сборы, потом отпуск, а потом была зима. К этому времени Борзов уехал в Академию Генерального штаба в Москву (то-то жена радовалась, скандалы по поводу Аксиньи у них были постоянно). Видимо, Аксинья затосковала (говорили, что загуляла), и через некоторое время у нее появился сожитель из дембелей, лет на семь ее моложе. Чем он ее взял – неизвестно. За водой она больше не ходила.

Весной прошел слух, что она наградила своего солдатика сифилисом (в общаге в это решительно никто не хотел верить), и они уехали лечиться в районный центр. Говорили, что, тем не менее, солдатик никаких претензий к ней не имел и был готов набить морду любому, кто скажет о ней плохое слово. Больше их никто не видел.

Немного позже в соседнем доме с другой стороны поселилась симпатичная молодая соседка с неоформившейся, несмотря на свои двадцать лет, фигурой, с торчащими коленками. Ее прозвали кузнечиком, и ни о чем таком никто, даже

Долганов, не помышлял. Неожиданно через некоторое время было обнаружено, что дневальный по общежитию Сапунов значительную часть времени (делать ему, в общем-то, было нечего) проводит у нее, помогая по хозяйству, но было очевидно, что до интимных отношений дело не дошло – с Сапуновым она дружила (бывают такие якобы простые, а на самом деле довольно стервозные девушки, которые используют наивных

молодых людей каким-нибудь, только им известным способом, а может быть, просто держат про запас). Еще через какое-то время она все-таки подцепила кадрового офицера из пехотного полка, Сапунов перестал ходить к ней и впал в глубокую депрессию, свойственную впечатлительным молодым людям после неудавшейся первой любви, а первая любовь почти всегда, на их счастье, заканчивается грустно. Кстати, счастливая первая любовь чревата либо глупым браком на всю жизнь, либо трагедией типа «Ромео и Джульетта».

Больше в поселке даже смотреть было не на кого.

На вечера отдыха в Дом офицеров не ходил никто, потому что делать там было нечего – в полупустом зале сидели по краям неприкаянные, несимпатичные жены кадровых офицеров (бедные женщины проводят молодость в гарнизонах), в то время как их детишки резвились в центре зала.

Обычно в субботу двухгодичники большой компанией не попавших в наряд шли на станцию в баню, а затем в ресторан. Банька была небольшая, деревянная, но с настоящим, по-русски сухим паром. Вся гигиена в общежитии в течение недели ограничивалась утренним умыванием холодной водой из рукомойника. Металлический сосуд с дыркой снизу, которая заткнута свободно болтающимся металлическим стержнем. Резким движением руки загоняя стержень внутрь сосуда, открываешь дырку, из которой доли секунды, до того как стержень, падая под силой тяжести, снова заткнет дырку, выплескивается вода – очень экономичное, актуальное в условиях дефицита воды устройство. Баня в субботу доставляла истинное удовольствие. Если человек попадал в наряд на субботу-воскресенье, то баня для него пропадала (она не работала в будние дни), и приходилось крутиться в общежитии с тазиком, нагревая воду в чайнике.

Ресторан представлял собой небольшую комнату на станции, в которой было три-четыре стола (не столики, а именно столы). Повариха готовила борщ, котлеты и другую нехитрую, на первый взгляд, русскую еду. На самом деле, действительно вкусные борщ и котлеты встречаются нечасто. Сельдь, и причем отличная баночная сельдь, не была на Дальнем Востоке дефицитом (в отпуск все тащили с собой пару банок), а соленые грузди были в каждом доме, так что водка шла хорошо. Заканчивали разговоры о службе, о гадах – начальнике штаба, зампотехе, заме по бронетанковой службе и других начальниках в общежитии вечером. В воскресенье – преферанс. Какие уж тут девушки.

Исключение составлял Долганов. Каким-то образом он умудрялся и в бане побывать, и водки выпить, и уехать на свидание куда-нибудь в Уссурийск или Владивосток. Иногда, когда у Долганова накрывались все его свидания, он уговаривал кого-нибудь пойти на танцы (теперь они называются дискотеками, хотя отупляющая их суть ничуть не изменилась) в деревню посмотреть на местных девушек. В деревне на танцах деревенские девушки были, но были и деревенские парни (шпана всякая), которые офицеров очень не любили. А за что их любить, философски вопрошал собиратель книг Пономарев (он мотался за книгами по всему округу и каким-то образом находил даже абсолютно дефицитные, а в Советском Союзе любая приличная книга была дефицитом) – со своей зарплатой они легко могли отбить любую девушку, которых на Дальнем Востоке катастрофически не хватало.

В гарнизоне действовал приказ командира дивизии, запрещающий появление офицеров в гражданских местах развлечений в военной форме, но гражданская одежда никого из местных не вводила в заблуждение. На танцах стычки были практически исключены, так как где-то неподалеку всегда находились либо наряд милиции, либо военный патруль, но ходить туда не любили, да и снимать там девушек было чревато, да и кого там было снимать. Постояв какое-то время в стороне и насмотревшись на

толкующуюся деревню, ребята возвращались в общагу.

Но Долганов был очень настойчивый. Однажды ему приглянулась какая-то девушка (как говорится, на безрыбье). Он увидел в ее взгляде аванс, как он любил выражаться. Впрочем, авансы он видел всегда, и очень может быть, что девушки всегда эти авансы ему давали. Он был не просто высоким (около двух метров), он был именно здоровенным, обычно к этому слову добавляется: мужиком или детиной, но он не был ни мужиком, ни детиной. Он был здоровенным, а другого слова не подберешь, но интеллигентным. Он не наглел и не хамил вообще, а с девушками тем более, и они сразу это чувствовали. Их рефлексы срабатывали раньше интеллекта, что и отражалось во взгляде – рефлекс выражали готовность.

Танцевать он не любил. Видимо, чувствовал, что со стороны в танце не смотрится. Особенно он не любил контактные танцы, потому что голова партнерши находилась, как правило, низко для танца (не так чтобы совсем неприлично, но все же). В этот раз он танцевал и, естественно, что-то плел. Неожиданно, к ним подскочил парень из местных (назовем его так же, как и Владимир Высоцкий, – «тот, кто раньше с нею был»), схватил девушку за руку и стал тянуть к себе. Девушка другой рукой мертвой хваткой вцепилась в куртку Долганова, и они стали разрывать на части и девушку, и куртку. Тот, кто раньше с нею был, уступил и, бормоча угрозы в адрес девушки, отошел к друзьям. Вечер был испорчен.

Девушка засобиралась домой и попросила Долганова проводить ее, так как этот ей покоя не даст – любят девушки подставить того, который на новенького, а заодно и проверить его. Несмотря на то что никого из ребят к этому времени уже не было, Долганов не боялся – обычно случайные люди с ним не связывались из инстинкта самосохранения. Провожать не хотелось, но что делать.

Дружков было всего трое, такие же замухрышки. Они шли где-то позади, отпуская всякие замечания. Тот, кто раньше с нею был, чувствовал, что до головы Долганова кулаком ему не достать – намного раньше Долганов достанет его своей длинной рукой с огромным кулачищем, – и ему было обидно. Можно было, конечно, воспользоваться палками или еще чем-нибудь, но он, как ни странно, не хотел до этого опускаться, надеясь, что с девушкой еще не все потеряно – тот, кто раньше с нею был, надеялся, что еще с нею будет.

Они подошли к дому, но девушка и не думала отпускать Долганова. Она попросила его зайти, так как этот все равно покоя ей не даст. В другой раз Долганов подумал бы – какая удача с первого захода, но сейчас было очевидно, что ничего ему не светит и придется просто сторожить. В этот момент желудок заявил о себе нехорошими предчувствиями. Долганов вспомнил, что что-то в ресторане ему не понравилось. Он попытался уговорить желудок немного подождать, но не тут-то было – тот вышел из под контроля. Долганов решительно поднялся с девушкой на второй этаж и, войдя в квартиру, сразу направился в туалет, стараясь идти прилично.

Он еле-еле успел снять брюки и заглушить звуки, дернув ручку унитаза. На лбу выступила испарина, на языке вертелось «дяблство екако». Он вспомнил Баязита, в компании с которым на последнем курсе он иногда выпивал и играл в карты (Долганов не был азартным, в карты играл просто за компанию). Баязит принес откуда-то игру, которая заключалась в том, что из букв обычного слова надо было составить, может быть несуществующее, но забавное слово. Приведенная выше формулировка неприличного выражения была забавна и могла употребляться и употреблялась без стеснения. Другим любимым выражением Баязита в ответ на вопрос, на который нет ответа, было – «хйу гое наетз». Тоже забавно. Человек, столкнувшийся в первый раз с этими выражениями, не

сразу и поймет. «Дяблство екако».

Девушка поставила чай, и они просто сидели. Аванса как будто и не было. Долганов вспомнил рассказ Юрия Кукина на какой-то встрече о том, как запрещали песню «Гостиница» («Ах, гостиница моя, ты гостиница. На кровать присяду я — ты подвинешься...»). Ничего там такого не было, но воспитатели советской молодежи в духе морального кодекса строителя коммунизма чего только не запрещали. Больше всего Кукина возмущало, что из общежития, куда он пришел в гости к девушкам, его выставили в одиннадцать часов вечера, как и положено, и он только и успел, что посидеть на краешке. «Я на краешке сижу и не подвинулся...». Обидно. Можно сказать, из-за этого и песню написал.

Долганов сидел на краешке и безнадежно рассказывал девушке, которая не знала, кто такой Кукин, как этот Кукин просидел весь вечер на краешке, написал про это песню, а они увидели в ней что-то аморальное. В этот момент тот, кто раньше с нею был, стал стучать в дверь, что-то требовать и угрожать — естественно, девушке (Долганова он в упор замечать не хотел). И немедленно желудок отозвался стандартной реакцией. «Дяблство екако», ведь подумает, дура, что это от страха. Тот, кто раньше с нею был, буйствовал, а Долганов приклеился к унитазу. Девушка тоже стала угрожать милицией, гарнизоном солдат и свидетелями (соседи явно в свидетели не хотели и делали вид, что спокойно спят). Наконец тот, кто раньше с нею был, уgomонился. Успокоился и желудок. Потом Долганов долго перечислял меню ресторана (а ел он очень много) и спрашивал девушку, что бы это могло быть.

Спать до развода оставалось совсем мало. Часа в четыре утра, произнеся в очередной раз «дяблство екако», он плюнул на все и решительно попрощался с девушкой. На улице никого не было. Терпение шпаны иссякло, да и психологически они успокоились, видя, что свет в окне не гаснет. Они чувствовали, что при свете вряд ли они там чем-нибудь занимаются, а если он не завалил ее до четырех утра, то уже и не завалит (и ведь были правы!). И черт с ними — спать охота, а разобраться можно и завтра, безо всяких здоровенных свидетелей.

Долганову сразу стало легче, и желудок как-то повеселел, то ли от того, что он уже был совсем пустой и нечем было расстраиваться, то ли от того, что не придется объясняться с парнями.

Вот и все девушки Блинова за два года армии — с одной поболтал, другую видел через дорогу, а о третьей слышал. Вызвать девушку за деньги, как это сегодня делают все кому не лень, тогда было нельзя. В стране строителей коммунизма проституции не было, а если и была, то далеко не для всех. Никто, правда, по этому поводу не переживал. Долганов говорил, что пока он «мужчина в самом расцвете сил», он может найти девушку и бесплатно.

На одном из первых телемостов между США и СССР одна женщина сказала ставшук потом крылатой фразой: в Советском Союзе секса нет. Действительно, секса в том понимании, какое вкладывалось в это слово на Западе, в Советском Союзе не было. Советские люди, благодаря ограничениям и ханжеству, даже в случайных связях занимались любовью.

В условиях ограничений «любовь зла — полюбишь и козла», что в армии и случается при первой же открывшейся возможности. Ну и что же, что, — как говорил Шалва Апциаури (двухгодичник из Грузии, служивший в танковом полку связистом) с грузинским акцентом, подчеркивая звук «ч», и выходило очень забавно. Ну и что же, что.

Переворужение

В противостоянии СССР и США был период, одной из основных характеристик

которого была так называемая «гонка вооружений». На самом деле в истории цивилизации гонка вооружений всегда была, есть и будет. В этой гонке победители если и бывают, то очень ненадолго. Соперники неизбежно догоняют. Очевидная ее цель – создание новых видов оружия, которые могут дать преимущества в войне. Более ценный результат с точки зрения движения к Совершенству – исследование окружающего мира. Без создания и испытания ядерного оружия человек не проник бы в тайны ядра. Можно спорить по поводу того, что создание Советским Союзом ядерного оружия предотвратило ядерную войну. Можно подумать, что в противном случае американцы бомбили бы всех подряд. Обладания лучшим оружием достаточно для того, чтобы вести переговоры с позиции силы. Более того, конец света вряд ли наступит в результате войны на истребление – ядерной, кибернетической, химической, генетической или какой-либо другой. Программирование такого конца со стороны Создателя было бы глупостью. Пришельцы более вероятны, так как в этом случае побежденные либо продолжают существование в новом качестве, либо оставят свой след, будучи истребленными. Тогда необходимо готовиться, и единственный способ естественного стимулирования развития оружия (административное стимулирование даже при осознании и одобрении единого развития вооружений всеми народами быстро зайдет в тупик без конкуренции) – гонка вооружений.

Алчность империалистов, светлые идеи коммунистов, амбиции исламистов необходимы для поддержания определенного уровня этой гонки. Другой вопрос – война. Сегодня кажется, что человечество достигло такого уровня, когда оно способно предотвратить тотальную войну на истребление (мелкие конфликты и карательные операции сильных над слабыми не в счет). Но кто знает, что будет завтра. Человек играет с детства, играет все больше и крупнее, а война – это просто очень, очень большая игра.

В гонке вооружений многие виды оружия приходят и уходят без сколько-нибудь серьезного использования, просто сыграв свою роль в эволюции. Комплексы 57 мм зенитных пушек, созданные после войны, благополучно отработали свой физический и моральный ресурс (более двадцати лет) к концу 60-х без серьезного применения. На смену громоздким комплексам пришли новые установки, включающие в себя и локатор, и компьютер, и усовершенствованную ходовую часть, и т. д. Перевооружение проходило по графику – очередная часть направлялась в учебный центр для обучения на новой технике и ее получения. Подошла очередь и батареи капитана Безматерных переходить на новую технику.

Путь был не близкий – через весь Советский Союз на поезде. Ехали долго, не то восемь, не то девять суток с пересадками обычными поездами. Но не утомились. Солдаты ехали в общем вагоне, и дежурить пришлось каждому (от батареи ехали четыре двухгодичника) всего пару раз. Все остальное время пили и играли в карты. Округ отправил три батареи, так что в вагоне (купейном, как и положено офицерам) находилось более десяти двухгодичников. Скучно не было. Но даже если бы и было скучно, ни солдаты, ни офицеры не жаловались – поезд катится, а служба идет. В поезде человек в некотором смысле обретает, как ни странно, намного большую свободу. Физическое ограничение избавляет и от всех традиционных обязанностей, а также делает невозможным во что-либо вмешаться. Ничего не надо делать, потому что ничего сделать нельзя. Ждать также нечего, потому что плохое томительное ожидание – это ожидание без точного указания времени события, а в поезде точно известно, когда это путешествие закончится. Вдруг освобождается голова. Основное занятие – смотреть в окно на проплывающие мимо просторы необъятной Родины, леса и степи, перелески и полустанки, на которых зачем-то и как-то ухитряются жить люди, воспитывая грязных,

сопливых и оборванных детей.

В начале марта весь контингент оказался наконец в учебном центре на берегу моря. Центр секретный, но все местное население было прекрасно осведомлено о его существовании и назначении, так как особых секретов в общем-то и не было. В начале застойных 70-х годов должного внимания безопасности не уделялось – все были уверены, что войны не будет, а террористами даже не пахло.

На территории учебного центра был палаточный городок, в котором все и разместились. Палатка устанавливалась над ямой – один метр в глубину, по периметру кладка в полкирпича. В солдатских палатках, как обычно, нары, а в офицерских – шесть кроватей в два яруса. В одном углу печка (не май-месяц, как любят говорить солдаты), которую топят, слава богу, дневальный, в другой поставили взятый напрокат телевизор – единственная отрада вечером. На Дальнем Востоке у них в общежитии почему-то телевизора не было – и прием плохой, и новости с опозданием на один день. Так что по вечерам все смотрели программу «Время», а мелодия «Манчестер – Ливерпуль», под которую передавали прогноз погоды, с тех пор ассоциируется с этой палаткой. По субботам и воскресеньям офицеры могли выехать в небольшой городишко Б. на специально выделенных для этой цели грузовиках в баню и просто развлечься. Еще купали в деревне ведро сухого домашнего вина и пили, полулежа на кроватях, зачерпывая вино из ведра кружками. Никаких особых происшествий. Только однажды ночью один бок кирпичной кладки размыло дождем, и кирпичи, грязь, вода с шумом хлынули на лежащего внизу Серегу. Спросонья показалось, что наступил конец света.

В апреле потеплело и стало совсем хорошо. Как-то в город на гастроли приехали «Песняры», и офицеры собрались на концерт. Один офицер должен был остаться с солдатами для поддержания порядка в батарее (те все равно умудрялись убегать в соседнюю деревню, доставали где-то вино; удивительно, как они, такие вонючие и неотесанные, умудряются еще и девушек найти, в то время как молодые интеллигентные офицеры не могут). Бросили жребий, выпало Блинову. Что делать – не повезло. Но на следующий день, в воскресенье комбат сказал, что теперь их очередь отдыхать и они вдвоем с Блиновым поедут в город развлекаться. Переоделись в гражданку, сели в грузовик, приехали в городишко, погуляли по городу и пошли в кафе, где пили водку, видимо, много. Очнулся Блинов в каком-то дворе в двенадцатом часу ночи. Машины, естественно, на полигон уже уехали, комбат куда-то пропал, куда идти, что делать – непонятно. Плюс похмелье и вообще на душе мерзко.

Он помнил только, что до полигона двадцать километров, и это где-то недалеко от села П. Он пошел куда глаза глядят и стал голосовать в надежде поймать попутную машину. Безднадежно. Остановился мотоциклист, сказал, что может подвезти до какого-то места, откуда дорогу найти легко (одна дорога), но километров двадцать идти придется, если никто не подвезет. По крайней мере, мотоциклист задал ясное направление.

И Блинов пошел. Была ранняя весна, довольно прохладно, идти предстояло почти всю ночь. Сначала он немного бежал, чтобы разогреться, потом орал песни, подбадривал себя всячески, шел и шел. Степь да степь кругом. Где-то чуть не заблудился, но чудом дошел до села П., а от него оставалось всего шесть километров, причем дорогу он знал, так как в наряде патрулировал это село. Рано радовался. Оставалось совсем немного, но ноги перестали слушаться, а в голове повис какой-то туман. Блинов присел у края дороги и, завалившись, стал засыпать.

Почему мы заставляем себя делать все это – вставать утром (каторга), идти на работу (хуже каторги), чего-то делать, изображать, служить в армии и т. д. и т. п.? Почему бы просто не заснуть, замерзая. Неважно где – в горах, на дороге, в снегу, под стук колес.

Кайф. Ничего не надо. Наконец-то все позади. В голове что-то мелькает – ты ведь замерзнешь, ты опоздаешь, где-то жена и дети (далеко), друзья (вообще не видно), нельзя лежать, надо идти. Но кайф. Какой кайф. Глаза слипаются. Ничего нет, кроме кайфа. Никакого страха – инстинкт самосохранения вырубился.

Сквозь этот кайф он смутно видел, как два воина, видимо, возвращаясь из самоволки, пытались поднять его (давай, вставай, сейчас патруль будет возвращаться, заберут), но потом один из них вдруг сказал, что это, мол, офицер, брось ты его. И они бросили. Блинов остался лежать и кайфовать дальше. Потом из села возвращался какой-то майор. Этот возражений не слушал, все пытался взвалить Блинова на загривок и тащить (ноги его совершенно отказали). Неизвестно, дотащил бы он его или нет, но тут возвращалась патрульная машина (было уже что-то около шести утра), Блинова, как мешок с картошкой, забросили в кузов и довезли до самой палатки, где дневальный по фамилии Соловей, сильно удивляясь состоянию товарища лейтенанта (вроде не пьяный, но ни идти, ни говорить членораздельно не может), занес того в палатку.

Блинова колотило, ни о каком разводе речи быть не могло. Ребята дали чаю, помогли лечь и даже не спрашивали ни о чем. Не спрашивали, потому что (как потом рассказали) часом раньше привели комбата – в чуть лучшем состоянии, но с большим фингалом под глазом. Он вышел к полигону не в том месте и наварался на пост. На оклик часового (стой, кто идет) комбат послал его куда подальше, добавив, что он – капитан Безматерных (его фамилия – издевательство над капитаном Советской Армии). Но он был в штатском и в, мягко говоря, не очень хорошем виде, поэтому часовой (не очень-то солдаты любят офицеров) с большим удовольствием заехал ему в глаз (слава богу, что не стрелял по уставу) и отвел к начальнику караула. Комбат на развод тоже не поднялся, ему вклеили десять суток. А Блинов до конца цикла не ходил в столовую, потому что майор рассказал их начальнику ПВО подполковнику В., как тащил его невменяемого лейтенанта (когда он тащил Блинова, он спросил его из какого он округа, и тот по простоте душевной сказал), и В. (надо отдать ему должное), собрав всех молодых офицеров, сказал, что теперь они с майором будут опознавать мудака-лейтенанта в столовой. При этом В. с недоумением и осуждающе смотрел на Блинова (ведь был такой скромный, интеллигентный) – «не будем показывать пальцем, хотя это был слоненок».

Май закончился, закончился и учебный курс. Батарея должна была отправиться на завод за техникой, а затем в часть. Но Блинову повезло. Официальная должность его была технической, и технические офицеры, а их было трое, должны были остаться для прохождения практики. Более того, поскольку жить в учебном центре было негде (на место их батареи прибывала другая), они должны были снять жилье в селе, в шести километрах от учебного центра, и каждый день с утра являться на занятия. Комбат скрежетал зубами, матеря тупую военную бюрократию, которая от нечего делать придумала такую отмазку от службы для сачков.

Вместе с ребятами из соседней батареи их набралось шесть человек, и они сняли две комнаты у добросердечной тетки в селе. Фантастическая служба. Тетка с утра поила их свежим молоком, а потом «поспели вишни в саду». Начался курортный сезон, и можно было купаться и загорать на отличном пляже. В конце курса они уговорили сержанта, помощника начальника штаба, перенести убытие на неделю позже и, добавив еще одну законную неделю на дорогу, разъехались по домам на полмесяца. Увильнуть от службы – святое дело для советского человека. И никаких угрызений совести.

Капитан Безматерных с личным составом батареи и новой техникой добирался до части военным эшелоном без купейного вагона дней двадцать. Этого он долго не мог простить и в отместку заставил Блинова принять участие в боевых зимних учениях.

Учения

Боевые учения – это игра в войну для взрослых. Надо хоть как-то на практике проверить технику и личный состав. В принципе, учения ничем существенным от детских игр не отличаются, но если уж армия неизбежно существует, то пусть лучше играют, чем воюют. Кстати, одна из побочных целей всех карательных операций второй половины двадцатого века (это не война – когда многократно превосходящая по военной мощи держава якобы из каких-то моральных соображений вторгается на территорию небольшого государства, якобы в чем-то провинившегося, и творит всякие безобразия, испытывая новую технику и новые методы на реальных мишенях). Главная цель участвующих в учениях – отличиться перед высоким начальством, которое следит за ходом этих учений с какого-нибудь наблюдательного пункта. Польза, конечно, есть – отрабатывается взаимодействие между разными подразделениями, разными родами войск и т. п. Но суть не меняется – это детские игры. В играх человек отрабатывает все, что может пригодиться ему в реальной жизни. Самое интересное заключается в том, что люди, как правило, во время учений гибнут, но по глупости.

Комбат взял Блинова на учения в качестве командира взвода ЗСУ-57-2 (зенитная самоходная установка с двумя пушками калибра 57 мм выпуска не то 1949, не то 1953 года). На самом деле должность у Блинова была техническая – он отвечал за настройку счетно-решающих приборов на «Шилках» (ЗСУ-23-4), тогда, в 1971 году, еще секретных. Зенитная батарея входила в состав танкового полка, и потому все установки были на гусеницах. Формального командира взвода забрали в котельную (практически он служил как на гражданке и издевался над военными), а Блинова заставляли его подменять.

ЗСУ-57-2 была совершенно допотопной установкой. На базе среднего танка помещалась бронированная открытая сверху башня, из которой торчали две пушки с упреждающим прицелом. Здесь же, на свежем воздухе, находился и весь экипаж – два наводчика (по азимуту и углу места, то бишь по горизонтали и вертикали) и заряжающий. Сказать, что зимой, при минус пятнадцати с ветром, в этом кабриолете было холодно, значит ничего не сказать.

А учения были зимой. К учениям готовятся долго, не меньше месяца. Все это время приводится в рабочее состояние техника. Танки в полку, так же как и зенитные установки, были не только устаревшие, но и изношенные, точнее состарившиеся, и потому требовали постоянного ремонта. Учения должны начинаться по внезапной тревоге, но о дне и времени тревоги все знают за месяц. Кроме техники необходимо подготовить элементы бытовой инфраструктуры в полевых условиях – палатки, топчаны, печки и др. Еще одна интересная процедура – комбат строит личный состав и сообщает, что антифриз пить нельзя, и каждый боец должен расписаться в ведомости в том, что он понял. Это делается для того, чтобы снять с себя ответственность на тот случай, если кто-то будет пить антифриз и загнется. Некоторые все равно пьют (они пьют не только антифриз, но и любую спиртосодержащую гадость), и кто-то обязательно загнется.

Вот наконец наступает время «Ч». Полк должен выйти из гарнизона в полном составе, а на учения пойдет только второй батальон под прикрытием зенитной батареи. Старые танки зимой заводились плохо. Те, которые завелись, дергали с помощью троса те, которые не могли завестись самостоятельно. В зенитном взводе заводились две установки, а две другие надо было дернуть. Ажиотаж стоял жуткий, так как полк, согласно нормативам, должен выйти в течение тридцати минут. Те, которые завелись, помогали тем, которые не завелись, мешая друг другу. Порядок выхода колонны был безнадежно нарушен, и пристроиться к своему подразделению оказалось не так просто. Шум двигателей, гам и мат. В зенитном взводе две установки заводились, а две, как и

положено по статистике, нет. Комбат, как сегодня сказали бы, «зажигал» на бронетранспортере и, высунувшись из люка, матерился на чем свет стоит, несмотря на свою неподходящую для капитана Советской Армии фамилию. Полк сформировал более или менее организованную колонну только к обеду.

Второй батальон с зенитным взводом двинулись на железнодорожную станцию на погрузку, а для остальных боевая тревога на этом закончилась. Вторым батальоном командовал подполковник Парамонов. Это был довольно пожилой, успевший повоевать в Великую Отечественную войну (контуженный на ней) мужик. Военную карьеру он не сделал, так как был прямой и резкий служака. Таких не продвигают по службе, но в случае необходимости вся надежда на них. Батальон Парамонова был лучшим, поэтому на учениях он отдувался за всех.

Погрузка танков на платформы – не такое простое занятие. Танки заползают с конца состава по двум наспех сколоченным направляющим (немцы, наверное, использовали для этой цели специальный пандус) и продвигаются к голове состава. На платформе их закрепляют. Удивительно, но никто не свалился. Одна зенитная установка заглохла на «пандусе», и ее долго заводили, но все обошлось. Парамонов был везде, и везде был слышен его раздраженный командирский голос. Наконец погрузка закончена, и Парамонов, построив отбывающих на учения перед составом, произнес короткую, но зажигательную речь. Во время этой речи его голос постепенно твердел и повышался, и кроме того он для убедительности размахивал здоровенным дрыном. Закончил он криком: «Мне поручили доставить вас в район учений, и я вас доставлю, трам-тарарам-бам вашу мать» и, повернувшись к вагону, швырнул в него дрын, чуть не проломив деревянную обшивку. Если бы за составом залегли немцы, то батальон после этой речи был бы готов к рукопашной атаке.

Вагоны, в которые погрузили личный состав, почему-то называют «теплушками», хотя с первого взгляда они производят впечатление «холодушек» (ветер свистит изо всех дыр и из не закрывающейся плотно задвижки). В конце вагона на полу установлены «самолеты» (почему их так называют – одному богу известно, потому что летать на них никак нельзя), которые похожи на пляжный лежак без ножек. На этих нарах солдатам предстояло провести ночь, из-за отсутствия места тесно прижавшись друг к другу. Старшие офицеры ехали в штабном вагоне, но командиры взводов, в том числе Блинов, должны были быть с солдатами и «стойко переносить тяготы и лишения воинской службы» (из воинской присяги). Замерзнуть Блинов не боялся, так как был одет по сезону (человек с юга, он плохо переносил холод), как кочан капусты. На нем были: теплое белье, полушерстяная полевая форма и меховой бронетанковый комбинезон с поднятым воротником, шерстяные носки, зимние портянки и валенки, шапка-ушанка с всегда опущенными и завязанными под подбородком ушами. Пронизывающий до костей ветер с моря добраться до тела Блинова не мог. Приходилось, конечно, потеть, но жар, как говорят, костей не ломит. Во время учений Блинов не раздевался около недели, и ничего. В одном американском боевике крутой спецназовец на вопрос, почему он не моется (действие развивается где-то на природе зимой), отвечает, что пот и грязь делают его тело водонепроницаемым, поэтому простуда ему не грозит. Нет худа без добра.

Теперь Блинов понял, почему комбат такое большое значение придавал изготовлению печек. Печка представляла собой стомиллиметровую трубу, одним концом приваренную к металлической пластине, на которой труба могла стоять (для большей устойчивости применялись самые разные приспособления). Сбоку прорезалось отверстие, к которому приваривался сосок. Принцип действия печки был очень прост – через сосок в трубу заливалась и поджигалась солярка. Труба раскалялась и хорошо грела. Солдаты тут

же стали сушить портянки, отчего в теплушке смрад стоял невероятный – в нем чувствовались вся дневная усталость немых ног, вакса и кирза сапог, грязь из станционных луж и еще черт знает что, не говоря уже о том, что солдаты с большим удовольствием пердят. Но Блинову это было уже до лампочки – обессиленный и размороженный теплом, он свалился на нары и, не раздеваясь, провалился в абсолютную пустоту, засыпая, как говорят по-русски, «без задних ног». Где-то в голове так и повис без ответа вопрос, что это за задние ноги.

Разгрузившись на каком-то небольшом разъезде, колонна двинулась в сопки Маньчжурии (комбат насвистывал соответствующий вальс). Взвод должен был занять позицию в запасном районе и окопаться. Атака планировалась на следующее утро, так что ночь предстояло провести в палатке. Как комбат ориентировался на местности по карте (сопки нависали отовсюду и обзора не было никакого) и ориентировался ли вообще – неизвестно. Блинов топографическим картам предпочитал игральные, поэтому в ориентации участия не принимал. В какой-то момент они напоролась между сопки на танк командира полка (прибывший незадолго до учений вместо Борзова новый командир был какой-то незлой и от этого истеричный) – чумазый от копоты командир полка, высунувшись из люка, матерился, не понимая, куда исчез Парамонов вместе с батальоном. Наконец, комбат выбрал место и дал команду окопаться. Окапывались весь оставшийся день – снег, мерзлый грунт, окопы для установок, окопы для палаток и всякая суеда типа разогреть и съесть сухой паек. К вечеру запалили в палатках печки-трубы, и Блинов, умывшись снегом, снова провалился в пустоту на теперь уже персональном «самолете».

Утром получили команду выдвинуться в район атаки и присоединиться к танковому батальону. Батальон должен был кого-то атаковать, а взвод-батарея – обеспечить противовоздушную оборону. В район атаки вышли к обеду. Танки батальона встали перед большой сопкой, зенитные установки на расстоянии метров двухсот. Комбат отрядил Блинова на первую установку, несмотря на то, что командир зенитного взвода, в отличие от танкистов, должен находиться в бронетранспортере (комбат хотел, чтобы Блинов вкусил тягот и лишений по полной программе). Места в установке не было, и Блинов приспособивался как придется. Радиосвязь в установках не работала уже лет двадцать, так что понять, что делать, можно было только по нелепому флажку, которым размахивал комбат на бронетранспортере. Взвод занял позицию, расположившись по всему фронту (расстояние между установками порядка ста пятидесяти метров, так что при заведенных двигателях орать бесполезно).

Глуши т. д. двигатели опасно – две установки самостоятельно не заводились. Простояли минут тридцать, и тут танкисты заглушили двигатели, повылазили из танков и стали открывать сухие пайки. Решив, что атаку отложили на после обеда, комбат дал команду обедать. Солнышко светило вовсю, а сухой паек был вполне приличный (каши, тушенка, галеты и т. д.), и зенитчики в предвкушении одного из немногих удовольствий расслабились.

Но закон Мэрфи и его многочисленные следствия носят объективный и глобальный характер – в этот момент Парамонов, видимо, получил приказ атаковать. Танкисты быстро свернулись и двинулись на сопку (танки у Парамонова заводились). Комбат яростно махал флажком, но и так было ясно, что две заводящиеся установки должны дернуть две незаводящиеся, а расстояние между ними – метров сто пятьдесят. Пока дергались и снова расходились по фронту, танки скрылись за сопкой. Взвод рванул вслед за ними на максимально возможной скорости. На сопку буквально вылетели, и перед

Блиновым предстала картина атаки. Довольно большое поле длиной с километр, если не больше, и где-то сбоку что-то вроде трибуны, на которой много военных (потом

говорили, что был сам командующий округом). Впереди в полукилометре куда-то прут танки, стреляя холостыми. Сверху на них парами пикируют МИГ и. Зенитчики, вспомни наставления комбата, стали крутить стволами, изображая противовоздушную оборону. Прошли на ура.

Вот и все боевые учения. Никто, слава богу, не погиб.

Последние полгода прошли под знаком ожидания демобилизации, и ничто уже не могло сломи т. д.х двухгодичника, который к этому времени был прилично закален. По совету Пономарева Блинов взял второй отпуск в декабре и отбыл на родину на сорок пять суток, после чего оставалось дожидаться августа.

По возвращении он обнаружил на их половине общежития в трех комнатах с кухней одного Серегу Абакумова. Остальные куда-то рассосались. Выяснилось, что новый начальник ПВО полка майор Фомичев категорически против того, чтобы у молодых офицеров в общежитии дежурил дневальный, в обязанности которого входило топить печку и готовить нехитрую пищу, например, суп из консервированной сайры (сварил картошку с луком и бросил туда из банки сайру). Дневального сняли – народ разбежался кто куда, остались Абакумов с Блиновым. Последний месяц зимы стал последним кошмаром.

Самым сложным оказалось отопление – топить некому и нечем (уголь некому заготовить). Блинов с Абакумовым возвращались со службы, на которой свирепствовал все тот же майор Фомичев, после семи вечера. Первое, что необходимо было сделать, – это попросить или украсть где-нибудь у соседей пару ведер угля (уголь хранили в деревянных ларях открыто, так что доступ был достаточно свободным). Затем самая неприятная процедура – выгрести вчерашнюю золу. Поскольку протопить всю половину за вечер было невозможно, да и не имело смысла, ребята переселились на кухню, умудрившись поставить кровати вокруг печки – конструкция была сложная из-за недостатка места. Растопив печку, они ставили чайник и садились на кровати ужинать – коленки почти упирались в печку. На ночь загружали в печку второе ведро и, укрывшись всеми одеялами и шинелями, грезили о дембеле или вспоминали первый год службы, когда еще служили ребята первого призыва. Коллектив был классный, один Долганов чего стоил. Призванных новичков было мало, да и какие-то не те. Преферанс, баня, ресторан, Владивосток – все ушло. Не было даже Аксины. Все когда-нибудь кончается.

Вот и последний караул, и уже ничего страшного в выполнении этой боевой задачи нет. Рутинка – развод, принять, поспать, еще поспать и сдать. Помощник бывалый, так что беспокоиться не о чем – и примет, и сдаст. Комбат, заступая дежурным по части, стал, как обычно, страшать проверками, настраивая на бдительную службу.

Главное указание касалось двенадцатого поста. Этот пост находился на стрельбище в трех километрах. Далеко. Поэтому смена часовых на нем производилась не через два часа, а через четыре. По этой причине пост считался дембельским – можно долго спать и на посту (два раза по четыре часа, никогда никто не проверяет), и в караульном помещении (два раза по восемь часов), но дембель, даже опухая от сна, никогда не жалуется – солдат спит, служба идет. На самом деле, и это ни для кого не было секретом, на этом посту дембели менялись через восемь часов и, таким образом, ходили еще меньше, а спали еще больше. В принципе, какая разница. Но комбат решил испортить Блинову последний караул и строго-настрого приказал меняться через четыре часа, как и положено. Блинов, как более или менее добросовестный офицер, спорить не стал и команду транслировал до разводящего (на этот пост полагался отдельный разводящий – естественно, из дембелей), сержанта Князева. Тот что-то поворчал, типа: да кому этот пост нужен, но спорить не стал (зачем качать права, когда можно просто сделать по-своему).

Через четыре часа Блинов заметил, что смена на двенадцатый пост не ушла. Он пошел в комнату отдыха и обнаружил там, естественно, спящего Князева. В комнате стоял

сморд от сапожной ваксы, пота и испорченного от постоянного пердения воздуха (почему-то воины всегда и везде пердят; и ведь нельзя сказать, что они переедают, – видимо, качество пищи все же не очень).

«Князев, почему не меняете часового?» – строго и жестко спросил Блинов.

«Да бросьте вы, товарищ лейтенант», – нехотя потягиваясь, ответил Князев.

Фамильярность сержанта ударила в голову (перед кем это он тут выламывается, на два месяца позже призывался, скотина). Ноги Князева в сапогах свешивались с короткого топчана. До этих сапог было метра два, и Блинов, слегка разбежавшись, как бы пробивая футбольный штрафной удар, что было силы прямым подъемом ударил по сапогам снизу. Ноги подлетели в воздух, и Князев от неожиданности совершил кульбит. Блинов, громко ругаясь и угрожая сдать Князева на гауптвахту, на ходу зачем-то расстегивая кобуру пистолета (никогда за два года он его вообще не доставал), резко двинулся в свою комнату набирать телефон гауптвахты. Не успел он поднять трубку, как Князев с часовым, застегивая на ходу ремни и все остальное, забрасывая автоматы за спину, проскочили перед окном. Ну и ладно. А в остальном, прекрасная маркиза... До дембеля оставалась всего неделя. Солдаты любили вырезать на дереве столов, скамеек, заборов: «Дембель неизбежен, как победа коммунизма». Коммунизм, может быть, и неизбежен, но это когда еще будет. А дембель неизбежен, к счастью, даже в большей степени, – вот он.

Блинов вспомнил, как год назад он провожал Сашку Виста. Вист был танкистом. Чернявый, симпатичный, поджарый, он был мало похож на немца, но служил, в отличие от многих, достаточно добросовестно (немец – он и в Африке немец). Из-за удивительной фамилии его всегда прикалывали преферансисты: Вист – ты вист или пас, или – какой ты вист, если вистовать не умеешь ни фига и т. д. В последнее воскресенье службы Виста они втроем (присоединился еще один двухгодичник – Попов) поехали отметить это событие во Владивосток. Вообще, во Владивосток ездили не часто – далеко, да и делать особенно нечего. Выпить проще дома, а девушек ни у кого, кроме Долганова, не было. В основном перед отъездом в отпуск ездили на барахолку за чем-нибудь японским для родственников.

Почему-то Попов поехал в военной форме (обычно все ездили в гражданке). Залетел он буквально через десять минут после выхода из электрички. Было воскресенье, народу толпы. Морской патруль на каждом шагу. Попов не заметил очередной патруль и был остановлен за то, что не отдал честь. Удостоверение у него забрали, и за ним Попову предстояло идти к коменданту в шесть вечера. Настроение было испорчено.

Весь день моросил мелкий дождь. Поболтавшись какое-то время по городу (гулять по Владивостоку тяжело – сопки) и заглянув на барахолку (японские товары), часа в четыре решили пообедать в известном с дореволюционных времен ресторане «Золотой рог». Обеденное время закончилось, и в ресторане было пусто. Официантку ждали долго. Потом долго препирались, заказывая то, чего не было или кончилось. В конце концов что-то заказали и начали пить водку. Уже через неделю Виста не будет. Расставаться грустно, и под эту грусть водка шла хорошо. В половину шестого Попов распрощался и пошел к коменданту за удостоверением слушать обычные нотации. Официантка продолжала раздражать.

Блинов вспомнил случай на первом курсе. Как-то вечером они (человек восемь первокурсников) пошли пить пиво в большой пивной зал. Денег было мало. Пиво, на которое деньги были, кончилось быстро, а вечер только начинался – и что было делать дальше без денег? Тут один из них,

Таранов, казавшийся наиболее лихим, предложил «сделать динамо» (сбежать, не заплатив). Официантка, кстати, тоже достала (ну что со студентов возьмешь). Таранов собрал все деньги и сказал, чтобы все двигались к выходу, а он подождет минут пять и,

если эта сучка придет, рассчитается, а если нет, убежит. Вся компания с предосторожностями, по одному, начала движение к выходу. Было тесно, столики стояли близко, и к выходу пришлось буквально продираться. Оставалось метров пятнадцать, когда все увидели, как Таранов просвистел мимо них и первым оказался у дверей. В панике все рванули к выходу, забыв о предосторожности, и, выскочив на улицу, побежали что было сил прочь от ресторана. Отдыхались на квартире у одного из них, стыдя Таранова, который, в свою очередь, не понимал, как можно было так долго выходить. Но деньги остались, и можно было вечер продолжить. Интересно, что никаких угрызений совести никто не чувствовал.

Тем временем Блинов с Вистом выпили и съели заказанное и были изрядно в подпитии. Можно было рассчитаться и двигаться дальше, но официантки не было. Ну, достала. Блинов отдал номерок на куртку в гардеробе Висту и велел, чтобы тот оделся и забрал его куртку. Сам он остался ждать официантку. Казалось, что ее не было целую вечность. Видимо, точно так же потерял ощущение времени Таранов в ожидании официантки – время остановилось (интересно, торопит ли время приговоренный к казни). Блинов поднялся и пошел к выходу (из зала к выходу вниз вела широкая лестница с ковровой дорожкой). Вист, уже одетый, с курткой Блинова в руках, мирно беседовал с высокомерным швейцаром. Блинов надел куртку, они попрощались с швейцаром, вышли на улицу и рванули по ней вверх по направлению к ЦУМу, быстро смешавшись с толпой. До электрички было еще часа два, и друзья решили зайти в ЦУМ и на сэкономленные деньги (хоть и не было такой цели – зажать деньги, уверяли они друг друга, просто решили проучи т. д.ру) купить Висту шляпу. Шляпу купили очень приличную. И никаких угрызений совести – стыдно за то, что не стыдно ни капельки (порядочный человек – он на то и порядочный, чтобы найти оправдание любой своей подлости). Интересно, уехал ли Сашка Вист, как и большинство казахстанских немцев, в Германию. А хороший был советский офицер, несмотря на то что двухгодичник. Он бы и воевал хорошо, но, слава богу, не пришлось.

И разбрелись эти русские, украинцы, евреи, татары, немцы, грузины, казахи и все, все, все нацмены по просторам их необъятной, в то время единой Родины, которую они клялись защищать до последней капли крови. А теперь они живут в разных независимых государствах, а многие – в странах вероятных в то время противников (не будем показывать пальцем). Интересно, вспоминают ли они эти два года?

Дембель Блинова прошел как-то буднично. Ждешь, ждешь долго чего-нибудь, а потом – бац, и ничего особенного. Было больше волнений в ожидании приказа. Считалось, что военная бюрократическая машина тормозит увольнение в запас, поэтому надо было как-то проявлять инициативу – писать запросы, суетиться и т. д. Это должен делать ПНШ (помощник начальника штаба), если его своевременно ублажить.

Весной на должность ПНШ прибыл новый капитан. Военный в нем не просматривался никак, и даже форма сидела на нем, как потертый, неопрятный костюм на клерке третьего разряда, который в тему дополняли залысины и очки. Военные капитана презирали, поэтому ему нравилось общаться с двухгодичниками – интеллигентные, как-никак, люди. Двухгодичники призывались в разное время, поэтому и увольнялись поочередно в течение двух-трех месяцев. Выпить капитан был не дурак, так что он стал частым гостем в общежитии. Очередной увольняемый в запас поил его сначала за суету, потом за получение приказа и, наконец, за оформление документов и дембель. Серега уехал вначале лета, и его еще было кому проводить. Блинов увольнялся в августе, и провожать было практически некому – кто уже уволился, кто был в отпуске, а танкисты – на полигоне.

Прощание было не столько грустным, сколько скучным, и даже напиться толком было не с кем. На следующий день Блинов уже сидел в аэропорту и в ожидании своего рейса наблюдал, как с ревом каждые пятнадцать минут взлетали казавшиеся тяжелыми бомбардировщики Ту-16 (ровного места на Дальнем Востоке мало, поэтому аэропорт был всего один, и взлетная полоса использовалась как гражданскими, так и военными самолетами), очень похожие на гражданский Ту-114, который почему-то так и не прижился. Последнее напоминание об армии, и всё.

Все военнообязанные (а это все здоровые мужчины и некоторые женщины, независимо от того, отслужил срочную службу или нет) являются военнообязанными запаса и должны состоять на учете в военкомате (военный комиссариат) по месту жительства. При изменении статуса, места работы или места жительства военнообязанный обязан сообщать в военкомат. За нарушение правил учета военнообязанный может быть наказан, существовала даже соответствующая статья закона.

Суть запаса заключается в том, что в государстве с обязательной воинской службой любой военнообязанный в соответствии с законом о прохождении воинской службы в случае необходимости может быть призван на действительную воинскую службу. Главный случай – война. Но не только. Молодые люди, не имеющие отсрочки (не поступившие в высшие учебные заведения), призываются, как правило, в восемнадцать лет. Получившие высшее образование и звание офицера запаса призываются в случае дефицита кадровых офицеров, и это действительно дело случая. Иногда призывают почти всех, иногда единицы. Многие проскакивают, особенно если подсуетиться. Но бывали и такие невезучие, которые, отслужив срочную службу в солдатах, поступали в институт, по окончании которого затем служили еще и в качестве офицера.

Из армии увольняются не на свободу, а в запас. Видимо, в Министерстве обороны есть специальная программа для периодической переподготовки военнообязанных запаса. Понять ее простому смертному невозможно, однако время от времени некоторые попадают на переподготовку на один-два месяца, кому как повезет. Точнее, не повезет, потому что на переподготовку попадают далеко не все. Хуже всех приходилось водителям – их могли кинуть на уборку урожая куда-нибудь на целину, а общеизвестно, что водители пахать не любят – они любят крутить баранку.

В народе участников сборов по переподготовке называли партизанами, и было за что. Обитающие в наспех поставленном и не оформленном по-военному палаточном городке, в списанной форме без знаков отличия, в расхлябанном виде (не подшитые, не начищенные), не соблюдающие дисциплину, участники сборов появлялись неожиданно около продуктовых магазинов. Правда, в отличие от партизан, вино и закуску они покупали, а не экспроприировали. Народ партизан не любил, но жалел – люди, в основном, безобидные и невезучие (надо же умудриться попасть на сборы), а таких народ жалеет, потому что завидовать нечему.

Вот пришел солдат с фронта

За призванным на действительную воинскую службу полностью сохранялось в как бы застывшем виде его гражданское положение – место жительства, место работы, должность и др. Сохранялась даже очередь на квартиру, которая, в отличие от всего застывшего, двигалась.

Но пока человек воюет или служит в армии, на гражданке чего только не случается, поскольку жизнь почему-то продолжается. Стареют родители, рождаются дети, жены изменяют, девушки забывают данные слова и уходят с твоими теперь уже бывшими друзьями, однокурсники заканчивают аспирантуру и кое-кто даже защищается, сослуживцы растут по службе. Человек возвращается из армии в гражданскую жизнь, видит и слышит все это, и в нем просыпается загнанное куда-то сапогами тщеславие. Ты отстал, парень.

Отгуляв отпуск, Блинов пришел в вычислительный центр в радостном предвкушении

работы и общения с коллегами. В очереди на квартиру он был уже вторым среди молодых специалистов, и можно было рассчитывать на получение квартиры уже в этом году, так как дом достраивался. Директор, тот самый, который обещал отмазать его от армии, но не отмазал, принял его лично, поздравив с окончанием воинской службы. Но потом как-то странно спросил о дальнейших планах. Что ж тут неясного, если пришел сюда, – тут директор как-то неестественно обрадовался, сказав, что тогда легче. Можно подумать, что ему было бы очень тяжело, если бы Блинов решил идти куда-нибудь в другое место. Дальше – больше: директор попросил Блинова ответить честно, полезны ли были эти два года для его профессии, и Блинов честно ответил, что абсолютно бесполезно. Неестественное благодушие слетело с лица директора, он посерьезнел и сказал, что вычислительный центр теперь занимается только производственной деятельностью, и программистов всех будут сокращать. Но Блинову предоставляется отличная возможность – стать первым начальником смены операторов с высшим образованием, потому что эту деятельность надо усиливать.

Это было унижение, почти как в армии. Тупое, по инструкции, выполнение чужих программ, работая в смену – двенадцать часов в день, двенадцать часов в ночь, отсыпной и выходной. Директор еще что-то суетливо обещал, надеясь в душе, что Блинов не согласится (об очереди на квартиру ему, естественно, было известно, и жалко квартиру в новом доме в новом районе отдавать невесть откуда свалившемуся Блинова, вместо кого-то, кому она предназначалась). Но Блинов, стиснув зубы (ведь какой позор), согласился, злорадно подумав про себя – пойду хоть сторожем, а получу квартиру – работу найду. Больше он директора не видел, так как тот месяца через три уехал в Литву.

Наиболее близкие друзья ушли, но знакомых осталось много. Самым неприятным открытием для Блинова стали его непосредственные начальники. Начальником отдела была тетенька, которая до армии Блинова работала оператором и брала, что называется горлом. Ее заместителем был парень, который опять же до армии Блинова учился где-то заочно, и Блинов постоянно решал ему контрольные по математике, которой этот парень не знал напрочь, будучи еще и туповатым слегка. Командовать Блиновым они стеснялись, но «ценные» указания давали, и с этим Блинов смириться так и не смог.

Девушки в смене попались приятные и добросовестные. С ними было хорошо работать, и не надо было распускать хвост, потому что они были не его вкусе. Первый месяц старшая объясняла ему технологию выполнения основной задачи, как когда-то сержант – помощник начальника караула объяснял ему тонкости несения караульной службы. Для своего времени и этой техники (ЭВМ Минск-22) программный комплекс был очень приличным. Основная работа начиналась после десяти часов вечера, когда с химических лабораторий поступали по телетайпу данные о качестве отгруженного угля. Самое подлое заключалось в том, что телетайп врал очень часто – на распечатке одно, а на перфоленте другое. Если перфолента не проходит контроль, то ее надо распечатать, найти несоответствие и исправить – пробить или заклеить т. д. рку в перфоленте, для чего все девушки знали коды и носили с собой в халате дыроколы и клей. Потом данные сортировались, сливались, обрабатывались всю ночь. С семи утра начиналась печать банковских документов, которая продолжалась 2,5–3 часа. Печать необходимо закончить к одиннадцати, иначе деньги в банке задержатся на сутки и будет скандал.

Самое неприятное заключалось в том, что АЦПУ (алфавитно-цифровое печатающее устройство) так долго без сбоев работать не могло, а сбой можно было обнаружить только визуально – на листе, заполненном буквами и цифрами, вдруг появлялась белая вертикальная полоса, что означало, что символ в этой позиции и запал, и эти документы банк не примет. Невыспавшиеся девушки стояли поочередно возле устройства и ждали

этой полоски. Сейчас это смешно, но для того, чтобы повторить печать, была разработана целая технология, которую Блинову удалось ускорить в два раза, после чего его все зауважали и даже не хотели отпускать, когда он все-таки решил уволиться.

В какой-то момент он почувствовал, что дичает. Все люди идут на работу, а Блинов – с работы, и наоборот. Все в выходные отдыхают, а Блинов работает. Но были в этой параллельной всему миру жизни и светлые моменты, без которых ни одна, даже самая пропащая, жизнь не обходится. В один из четырех дней своего рабочего цикла, в дневную смену,

Блинов повадился ходить к одному из начальников отдела – Зайцеву. Днем работы было мало, и девушки справлялись. У Зайцева был отдельный кабинетик, в котором он значительную часть времени играл в шахматный блиц с приятелями, как он их называл. Попал в приятели и Блинов, так как играли они примерно в равную силу.

Зайцев был с брюшком, лысоватый, добродушный мужчина немногим старше тридцати лет. Он считался суперпрограммистом, но плохим организатором, поэтому отдел у него был для фикции, а чем он конкретно занимался, никто не знал. На вопрос, зачем ему такой большой живот, он добродушно отвечал, что девушки его и так любят, а он любит выпить и закусить. С ним было интересно поболтать, он много читал, очень любил «Мастера и Маргариту». Уже в начале семидесятых он был настроен поддиссидентски (именно настроен, диссидентом из-за лени и благодушия он бы никогда не стал) и объяснял, что ресурсная зависимость приведет когда-нибудь к дезинтеграции Союза.

Они часто стали оставаться после работы играть в шахматы. Никто в это время уже не стучал в дверь и не мешал. В рабочее время Зайцев закрывал дверь, и когда кто-нибудь торкался, они прекращали стучать по часам, и игра приостанавливалась. Об этих играх знали все, но смотрели как-то сквозь пальцы. Самое интересное заключалось в том, что торкнувший мог тут же позвонить по телефону, и Зайцев, несмотря на советы всех приятелей не поднимать трубку, брал ее, и, первое, что он слышал, было: какого черта дверь не открываешь. Однажды этим торкнувшим оказался заместитель директора (он любил иногда зайти к Зайцеву и приобщиться к умным разговорам), и он строго отчитал Зайцева (ведете себя как мальчишка). Зайцев обиделся, но закрываться, играть и брать трубку не прекратил. Ему всё прощали.

Предварительно они шли в гастроном и покупали три бутылки красного вина, хлеб и плавленый сыр. До Зайцева Блинов красное вино не пил, предпочитая водку, но с вином в шахматы играть было намного приятнее, чем с водкой. Зайцев ввел коэффициент рентабельности алкогольных напитков, вычисляемый как произведение объема на содержание алкоголя, деленное на стоимость (грамм x градус/копейка) и по этому коэффициенту болгарское красное вино ($800 \times 12/165 = 58$) было рентабельнее даже «коленвала», самой дешевой водки ($500 \times 40/362 = 55$) и лишь немного уступало любимому всеми портвейну № 12 ($500 \times 17/137 = 62$) или любой бормотухе. Но портвейн и бормотуху Зайцев категорически не пил, к водке нужна более серьезная закуска, а коньяк был уж очень нерентабелен.

Вино пили стаканами, как воду, закусывая плавленым сырком. Отличное сочетание – и играть можно, и болтать в приличной степени раскрепощения. Самая дешевая свобода, но свобода. Пару раз они после игры заходили к Зайцеву домой поужинать. Его вторая жена была лет на десять моложе (первая жена не выдержала шахматных блиц-турниров, разбила шахматную доску о голову Зайцева и ушла), и Зайцев говорил ей (голос у него был мягкий, язвительно-шутливый, так что никогда нельзя было определить, шутит он или говорит всерьез, а всерьез он говорил очень редко): «Дорогуша (или Дуся), не угостишь ли

ты нас чем-нибудь вкусненьким?» Жену звали не Дуся, она была еще довольно наивна и вся рдела непонятно от чего: то ли от сомнительного удовольствия быть названной дорогушей или Дусей, то ли от подозрения, что над ней издеваются. На стол, тем не менее, накрывала.

Как-то в понедельник с утра Блинов набрал номер Зайцева и в ответ услышал чей-то холодный голос: «Его убили». В вычислительном центре рассказывали леденящую душу историю.

От удовольствия Зайцев не отказывался никогда и изменял как первой жене, так и второй. Большинство людей изменяют в браке. Этот тезис лучше не обосновывать многочисленными причинами, а просто постулировать следующим образом: для любого человека существуют условия, при которых он будет изменять (перечисление этих условий займет слишком много места и они всем известны). Безусловно, есть люди, которые проживают всю жизнь с одним человеком, так и не изменив. Для кого-то соответствующие условия не созрели, но есть и такие, которые просто не способны на измену, и им, естественно, изменяют, и они, узнав об измене, жалеют о том, что изменить не способны.

Оказалось, что у Зайцева была подружка в другом городе. Началось это давно, во всяком случае до второго брака. У Зайцева был приятель и однокурсник Пильщиков, который жил в этом самом городе. Зайцев часто посещал этот город и всегда останавливался у Пильщикова. Они, естественно, отмечали это событие. У жены Пильщикова была подруга, жившая по соседству, которая иногда составляла им компанию вместе с мужем, но иногда и без мужа. Муж ее был мент без образования, угрюмый и охотник. Зайцев с Пильщиковым вели умные разговоры, женщины таяли, а муж подружки скрипел зубами, тем более что они часто над ним подтрунивали, совершенно не принимая во внимание полное отсутствие чувства юмора у мента. Мент часто уезжал в конце недели на охоту, и Зайцев завел с его женой небольшую интрижку: он – от нечего делать, она – от скуки и безысходности своего брака. Встречались они нечасто, и им было хорошо вместе.

«Сколь веревочка не вейся...» Мент стал что-то подозревать, и ему было очень обидно. В очередной приезд Зайцева они, как обычно, хорошо посидели вечером. На следующий день мент поехал на охоту, а друзья вчетвером (Пильщиков со своей женой, Зайцев с женой мента) отправились на дачу Пильщикова за город с ночевкой. Криминал очевиден. Они приятно провели время (осень только начиналась, было много фруктов) и в воскресенье к обеду засобирались домой. Женщины пошли на остановку автобуса, Зайцев решил заскочить на речку освежиться, а Пильщиков остался прибрать и закрыть дачу.

Немного раньше мент вернулся с охоты неожиданно рано (подозрение достало его) и, не обнаружив жены, все понял. Ему не надо было подтверждений, все было ясно, как белый день. Он открыл бутылку водки и выпил подряд два стакана, зажевав куском черствого хлеба. Взял ружье, сел на мотоцикл и поехал на дачу. Он хорошо знал место, потому что и сам там бывал. Двигался он на автопилоте, от злости и водки не соображая ничего. Пильщиков еще был в доме, когда подъехал мент. Тот, не говоря ни слова, выстрелил ему в голову – Пильщиков скончался, не успев даже удивиться. Мент рванул на остановку, где обнаружил женщин, ожидающих совсем не его. Сначала он выстрелил в жену (в область сердца), затем в жену Пильщикова. Женщины упали. На остановке кроме них не было никого – было еще рано, возвращаться в город. В этот момент мент увидел Зайцева, который спускался по тропинке к остановке. Мент снова зарядил ружье и выстрелил в Зайцева. Тот медленно осел, упал и скатился с тропинки в небольшую ямку.

В это время подошел автобус, но мент дал по стеклам еще один залп, и автобус уехал. Видимо, в голове мента ничего не осталось. Он вернулся на дачу и выстрелил себе в рот.

Как и положено, легче всех, легким ранением, отделалась жена мента – он не попал ей в сердце (пьян все-таки был). Жене Пильщикова пришлось тяжелей, но и она выжила. По трассе шли машины, и какие-то добрые люди подобрали женщин и отвезли в больницу. Зайцев завалился в ямку, и его не было видно ни с трассы, ни с тропинки. У него было пробито легкое, и он потерял сознание. Его обнаружили через несколько часов, но было поздно – он потерял слишком много крови.

На похоронах было много народу. Зайцева любили и уважали искренне – он был умен, доброжелателен и никогда не претендовал ни на какие должности. Мент этого понять не мог, ему было обидно, если можно так сказать, до смерти.

Вечером, запершись в кабинетике Зайцева, наиболее близкие друзья напились, как любил говорить сам Зайцев, вдрызг. После этого в вычислительном центре Блинову было нечего делать; квартиру он получил, параллельная операторская жизнь ему надоела, и он уволился.

Первая треть жизни, бестолковая и бесцельная, как служба в армии, закончилась. Надо было что-то делать.

Сборы по подготовке командиров батарей

Говорят, что история повторяется дважды – сначала в виде трагедии, а второй раз – в виде фарса.

Блинову не повезло – он служил в армии и три раза был на различных сборах. В конце концов он стал испытывать ностальгию по казарме. Дело в том, что чем больше регламентирована жизнь, тем меньше обычных забот и обязанностей, тем свободнее ощущает себя интеллект человека. Один из великих французских философов вступал в армию для того, чтобы заниматься философией, а основную идею продумал в экстремальной ситуации во время войны, проведя сутки где-то в деревне за печкой. Многие начинали писать в тюрьме и на каторге (не дай бог). Если к этой свободе добавить еще библиотеку, общение с себе подобными и возможность иногда выпить, то можно пережить бессмысленность воинской службы в мирное время, ее тяготы и лишения и даже тупость и хамство старших по званию.

По бессмысленности и результату офицерские сборы для призванных в армию военнообязанных можно сравнить только с тренингами и обучающими семинарами, на которые теперь модно направлять сотрудников в солидных компаниях. Беззаботное времяпровождение с некоторой пользой (сертификат) для самих сотрудников (особенно, для тех, кто не умеет и не хочет работать самостоятельно), минимальной пользой для компании, зато с большой пользой для организаторов.

Не прошло и трех лет после дембеля, как Блинова призвали на сборы по подготовке командиров батарей. Зачем нужно столько командиров батарей уже списанной техники, никому не известно. Известно только, что проще команду выполнить, чем ее обсуждать. Недалеко от города Ош на юге Киргизии была размещена какая-то кадрированная часть (техника законсервирована, а личного состава нет, за исключением некоторых старших офицеров), при которой и проводились эти сборы.

На сборы прибыло порядка ста тридцати человек со всего Союза, от Грузии до Сахалина. Вряд ли можно было понять, по какому принципу комплектовались эти сборы. Здесь были молодые люди и мужики от двадцати трех до сорока лет, служившие и не служившие, зенитчики и черт-те кто. Ребята из Аджарии попали совершенно случайно – просто некого было по пришедшей разнарядке послать, у них даже высшего образования не было. Они вели себя скромно и все свободное время играли в футбол. Разместились в палатках по шесть человек в два яруса. Стояло, слава богу, лето, и можно было обходиться без печек.

Сугубо мужская компания, практически никакой дисциплины, незамысловатые занятия (в основном лингвистические игры типа – угадать слово из пяти букв, составить максимально возможное количество слов из букв заданного, крестики-нолики и др.), хороший сон после обеда, спорт (для некоторых книги), карты, выпивка. Почему-то обходилось без женщин.

С самого первого дня народ, призванный на сборы, начинает кучковаться – разбиваться на кучки, как неухоженная газонная трава. Причины объединения в кучки могут быть самыми разными – от общности интересов до соседства по палатке. В какие-то моменты разные кучки объединяются для совместного противостояния начальству. В принципе, народ кучкуется всегда и везде, но в местах длительного совместного проживания это проявляется наиболее ярко. Кучка может защитить, отстоять перед начальством, в кучке можно веселее провести время. Но, с другой стороны, в кучке приходится соблюдать неформальную кучковую мораль, а именно, помогать, защищать,

делиться и т. д. Всегда находятся люди, которые не хотят кучковаться и стараются сохранять независимость, но даже им иногда приходится к кому-нибудь присоединяться.

Блинов оказался в кучке из 6–8 человек – все они закончили один университет, играли в слова и карты, любили выпить и не любили армию. Так получилось, что у кого-то в гарнизоне оказался знакомый, призванный на два года, и у него спрятали гражданскую одежду (в партизанской форме в городе ни выпить, ни погулять). Первое время, когда еще были деньги, в субботу и воскресенье они переодевались в гражданку и ехали гулять в город. Через пару недель деньги у всех закончились, и все жили ожиданием переводов из дома. Переводы были растянуты во времени, и на городские рестораны денег уже не хватало. Стандартным развлечением стали походы вечером на каменистую гору, расположенную недалеко от гарнизона. На деньги, которые удавалось наскрести, набирали дешевого портвейна, высокая рентабельность которого была доказана еще Зайцевым (Блинов рассказал о нем), и плавленых сырков. Обычно в разных местах горы собиралось несколько кучек с аналогичными намерениями и запасами. Вечером на горе было прохладно, очень близко светили звезды. Портвейн расслаблял и развязывал язык. Был один интересный парень, который всегда напивался вусмерть, и его приходилось тащить в гарнизон. Его старались избегать, уходили на гору тайно, но ничего не помогало – у него был нюх, и он всегда безошибочно находил их. В конце концов пришлось смириться.

Город Ош кроме пары ресторанов запомнился городским парком, в беседках которого местные мужчины целыми днями пили зеленый чай (злые языки говорили, что их женщины и дети в это самое время работают на хлопковых полях). Чайник стоил всего пять копеек, так что, на худой конец, на чай с лепешкой какие-то копейки всегда можно было найти (портвейн разливали под полой). Так, полулежа на ковре за низеньким круглым столом, можно было убить время, которое никак нельзя было употребить на что-нибудь полезное.

По понедельникам начальник сборов, вредный, стукаческого типа майор, проводил общий развод. После уморительных формальных процедур построения и доклада этот майор с упорными терпением и тупостью все два месяца читал нотацию, начинавшуюся фразой, которая стала на сборах крылатой: «Продолжается употребление спиртных напитков, продолжается курение в палатках...». Народ одобрительно гудел, так как никаких мер борьбы с этими вредными в советской армии явлениями никто не предпринимал, хотя речь всегда заканчивалась обещанием найти и наказать виновных.

За два месяца случилось только одно серьезное происшествие.

Обед в солдатской столовой, мягко говоря, своеобразен. Столы рассчитаны на десять человек, которые размещаются на двух скамейках. На столе – десять алюминиевых мисок и два котелка. В одном – первое (жидкая баланда с несколькими, намного меньше десяти, кусочками не то мяса, не то сала, не то косточек, которые нужно как-то разделить), в другом второе (аналогичная баланда, но в виде каши). Плюс хлеб и какое-то питье. К обеду все уже голодны, потому что завтрак (хлеб с маслом и что-то вроде каши) происходит рано, в восемь утра. Столовая была летняя, так что в ней был свежий воздух и стояла веселая атмосфера – занятия на сегодня закончились, осталось поесть, поспать и поиграть или выпить.

В тот день обед, как обычно, гремел мисками и ложками, когда вдруг кто-то истерично заорал: «В супе черви!» Все стали присматриваться к содержимому миски, и действительно, в том, что должно было называться мясом, обнаружили червячков. Слабонервные выскакивали, чтобы сплевать. Более серьезные тут же вспомнили восстание на броненосце «Потемкин» и начали бузить. Такая причина. Поднялся гвалт –

все кричали и стучали ложками по мискам и столам, а потом с призывом «Братва, едем на обед в Ош!» начали стихийно расходиться. В это время прибежал начальник сборов вместе с двумя капитанами, и им удалось каким-то образом построить большую часть сборов. Майор сказал, что, действительно, в первом было испорченное мясо, и виновные будут наказаны, но во втором мясо нормальное (он сам только что попробовал), и призвал всех вернуться в столовую и съесть второе. Но тут сборы проявили редкое единодушие – несмотря на вопли майора, все дружно разбрелись и из гарнизона вышли кто куда. На ужин никто не явился.

Вечером большинство были в поддатом состоянии и веселы. Буза продолжалась. Настроение было такое, что теперь у них есть полное право послать все куда подальше, по крайней мере сегодня. Пили вино, пели песни и играли в карты. Разве что девушек, как всегда, не было (если бы сборы происходили в наше время, девушки были бы точно). Бузили даже те, кто в общем-то достаточно лояльно относился к сборам, в силу природного чувства ответственности (бывает и такое, и с такими людьми приятно работать) или солидной должности. Один мужик по фамилии Калюжный (очень какая-то солидная фамилия) прибыл на сборы из Красноярского горкома партии. Ему было больше сорока лет, и по виду он был кем-нибудь на уровне зам заведдела. Молодежь на сборах не знала, большая это должность или нет, но обращались к Калюжному уважительно, несмотря на то что он относился к сборам добросовестно и как коммунист помогал начальнику сборов, как мог. Возможно, в Красноярск пришла разнарядка на приличного коммуниста – вот он и попал.

Редко пьющие люди, выпив больше нормы, ведут себя неадекватно. Большинство, конечно, просто вырубается, блюют и сильно мучаются по утрам. Но Калюжный был здоровый мужик из Сибири, и он поймал кураж. Он затягивал традиционные застольные песни типа «Из-за острова на стрежень» или «Славное море – священный Байкал».

Ближе к отбою к палаточному городку подошел дежурный по части капитан Мамиконов. На сборах капитан Мамиконов вел занятия по тактике ведения современного боя. Капитан участвовал в войне Израиля с Египтом и рассказывал некоторые эпизоды из этой войны. К нему относились нормально – все-таки воевал человек. Когда он рассказывал, как однажды израильские «Миражи» разбомбили одну их позицию и нельзя было вынести раненых, потому что бомбы рвались в течение трех суток, у него на глазах были слезы. Капитан строго потребовал прекратить веселье и разойтись. Ну, на разойтись у нас, как известно по Владимиру Высоцкому, сразу соглашаются и начинают «расходиться». Сначала капитана приглашали поддержать компанию, потом пытались уговорить оставить их в покое – мол, через час-два сами утихомятятся, потом заговаривали зубы, но капитан был неумолим.

Тогда ему стали популярно объяснять, что гнилым мясом даже офицеров запаса кормить нельзя, и разговор перешел в стадию взаимных обвинений на все более повышенных тонах. Больше всех выступал как раз Калюжный – он все время пытался объяснить капитану, что он, Калюжный – большая шишка, а Мамиконов какой-то капитан, который, опять же по Высоцкому, никогда не будет майором. Это задело капитана за живое, и он начал орать, что он-де наводил порядок в Чехословакии и наведет порядок и здесь, в Оше. Дальнейшее произошло так быстро, что никто не заметил процесса. Все увидели результат – каким-то непонятным образом Калюжный опустил фуражку капитану на уши. То ли фуражка была большая, то ли голова или уши маленькие, то ли Калюжный был очень здоров. Это был перебор. Капитан схватился за кобуру, но одумался, махнул рукой и побежал в караульное помещение с криками: «Я сейчас вам всем покажу кузькину мать!» Кузькину мать обещают показать очень многие (даже

Никита Сергеевич в ООН обещал), но никто ее так и не видел. На этот раз кузькина мати появилась в виде двух караульных с автоматами, которых привел капитан, чтобы увести Калюжного на гауптвахту – тот, осознав весь ужас положения, не сопротивлялся.

На следующий день начальник сборов и его помощники пытались закручивать гайки. Строили, выговаривали, угрожали. В части провели экстренное партийное собрание, на котором постановили – просить Красноярский горком партии исключить Калюжного из партии. Ужас. Попытки завязать базар пресекались жесткими командами и угрозами (смотрите, и вам на производство напишем) и заканчивались упражнениями типа – упал, отжался. Но постепенно пыл начальства стал угасать – Калюжный все-таки, в отличие от подавляющего большинства участников, к сборам относился добросовестно, был немолод и имел троих детей. Он был какой-то потерянный, пытался оправдываться, и его все жалели. Начальнику сборов говорили: «Вы что, товарищ майор, не русский, что ли? Ну капитан, он татарин, ему простительно – татары, сами знаете, они пьют по-другому. А вы-то что? Человек с Байкала приехал, решил спеть. Опьянел, потому что он же непьющий, коммунист, семьянин, а закусывать, между прочим, гнилым мясом не будешь». И т. д. Или: «Зачем вам, товарищ майор, ЧП (чрезвычайное происшествие) на сборах? Вам на пенсию надо подполковником уходить, а ЧП – сами знаете бюрократов, начнут задерживать».

Постепенно все сводилось к тому, что вы все, конечно, разгильдяи, но черт бы с ним, ну, побузили, зачем он фуражку на уши ему надел? Боевой капитан – ему обидно. Капитана уговаривали в каждом взводе, в котором он проводил занятия, извинялись и выгораживали Калюжного как могли. Блинов и Смолин пообещали сделать ему контрольную работу (капитан учился заочно в военной академии) по теории вероятностей. В конце концов Калюжный отделался чем-то более мягким, типа выговора с занесением или, может быть, даже без занесения. В коллективе всегда есть солидарность, надо только ее разбудить.

За неделю до окончания сборов, когда занятий как таковых уже не было, а все должны были готовиться к экзамену (никто, естественно, не готовился, разве что Калюжный, все играли нагло и даже в карты, практически на глазах у преподавателей). Тут капитан и напомнил Блинову со Смолиным о контрольной. Что делать – ведь обещали. Дело в том, что, несмотря на довольно большое количество математиков и физиков (по образованию), теорию вероятностей никто не знал. Отношение к этому предмету и его преподавание было таким, что единственное, что они усвоили, это то, что вероятность выпадения орла при подбрасывании монеты всегда равна 0,5. Но контрольные для заочников делали все – кто знакомым, кто за деньги. Если методичка (методическое пособие для решения контрольных) хорошая, то контрольную можно сделать, ничего не понимая в предмете.

Кроме методички Блинов со Смолиным нагло потребовали бутылку водки и разрешение покинуть часть на время выполнения задания. Смолин был большим и неуклюжим, как медведь. В детстве он был вундеркиндом, рано закончил школу и в университете начал заниматься какой-то физикой. Он не вступал в кучки, за исключением случаев, когда можно было выпить. У него было две странности. Во-первых, он не мог находиться в спокойном состоянии – он должен был либо что-то решать, либо двигаться. Во время послеобеденного сна, когда все с большим удовольствием заваливались поспать, Смолин начинал ходить между палатками, как загнанный в клетку тигр. Потом вдруг резко срывался куда-то, и только его и видели. Потом выяснилось, что он нашел в Оше вдову, которая постоянно его поила – выпивка была его второй странностью. Он не просто любил выпить (кто ж не любит), он готов был пить постоянно

и сколько угодно. При этом его нельзя было назвать ни пьяницей, ни алкоголиком – он всегда был в более или менее адекватном состоянии. Алкоголь был необходим ему, как вода или воздух. Смолин смывался один и как-то незаметно. Его никто никогда не искал.

Капитан принес методичку и бутылку водки, и Блинов со Смолиным пошли в ближайшую закусочную на свежем воздухе, в которой в этот ранний час никого еще не было, да и сама закусочная не работала. Денег не было, попросить у капитана денег на закуску наглости не хватило. К тому же Смолин сказал, что если закусывать бутылку на двоих, то эффективность действия алкоголя может сильно упасть. Для большей эффективности и растягивания удовольствия надо пить из горлышка, поэтому он отлил половину бутылки себе во фляжку, а оставшуюся половину отдал Блинову. С горем пополам, прихлебывая водку, они сделали контрольную, единодушно заключив, что больше тройки капитану не получить. Ну и черт с ним. Смолин рванул в Ош к вдове добавлять, а Блинов пошел в часть на обед.

Лето заканчивалось. Небо было еще чистое, но уже висела какая-то дымка, размывавшая очертания далеких объектов и предвещавшая в скором будущем осень и окончание чего-то (в данном случае сборов).

Прощание, как всегда, было скомканным – получившие военные билеты тут же бежали на автобус, боясь опоздать на самолет или еще куда. Никаких душевных речей (два месяца вместе все-таки) – просто: «Пока, еще увидимся». Мало кто встречается, но если порой знакомство и продолжается, то рассчитывать на то, что два месяца совместной жизни в казарме гарантируют особые доверительные отношения, нельзя. И эти ребята в определенных обстоятельствах предадут точно так же, как и другие друзья, потому что предадут только друзья. Враги или просто знакомые предать не могут – у них нет моральных обязательств, которые накладываются дружбой.

Развертывание законсервированного полка

В структуре вооруженных сил некоторых государств существуют так называемые законсервированные части. Независимо от истинных причин существования таких частей, их основная цель – возможность быстрого развертывания в случае необходимости (войны). Вся техника в этих частях законсервирована, а личный состав отсутствует. Несколько старших офицеров, как правило бесперспективных, выполняют нехитрые обязанности по поддержанию какой-то боевой готовности – в основном пьют водку и живут как гражданские люди («работают» с 9-00 до 18-00).

Логическим следствием необходимости поддерживать боевую готовность является практика приписывания к этим частям военнослужащих запаса, живущих в этом районе. Формированием таких частей занимаются военкоматы – специальные отделы заполняют все вакантные должности законсервированной части военнослужащими запаса в соответствии с их досье, при этом специальность военнослужащего может или совпадать или быть достаточно близкой. Блинов был приписан к зенитному полку, дислоцированному где-то под Темир-Тау, в должности командира взвода. Зенитный полк был вооружен комплексами С-60, которые устарели еще в то время, когда он изучал их на военной кафедре, и которые были сняты с вооружения, когда он проходил военную службу.

Еще более логичным является время от времени проверять боеготовность законсервированной части – проверяются командиры части, техника, военкомат по обеспечению мобилизации и качество личного состава.

Но Блинов ничего этого не знал, хотя вполне может быть, что в военкомате его об этом уведомили в свое время – просто не обратил внимания. Узнал Блинов об этом в самый неподходящий момент. В армию призывают (в народе почему-то говорят –

забирают) всегда в самый неподходящий момент. Одного парня (Блинов познакомился с ним на сборах в Оше) забрали во время медового месяца. Он места себе не находил и через неделю сорвался в самоволку на выходные, а это было очень непросто – из Оша в Алма-Ату (деньги на самолет собирали всей кучкой). Он изводил себя оставшиеся два месяца и в конце концов развелся буквально через месяц после возвращения со сборов. Ревность не регулируется.

Блинова вызвали в отдел кадров, где ему подло всучили повестку, предписывающую на следующее утро явиться в военкомат, оформив предварительно отпуск на один месяц. Подлость заключалась в том, что обычно продвинутые молодые люди стараются игнорировать повестки, приходящие на дом (достаточно не расписываться в получении), в надежде на то, что какого-нибудь лоха все равно найдут (военкомат всегда выдает избыточное количество повесток именно по этой причине). Расписавшись в получении повестки в отделе кадров, Блинов стал именно тем лохом, которого нашли. Вдвойне обидно. Суета знакомых в последний момент ни к чему не привела – было слишком мало времени. Пришлось отложить внедрение работы в Ленинграде (как оказалось, на полгода, а написание диссертации – на год). Пришлось отложить решающее свидание в дошедшем до точки кипения романе с женщиной, которая устала ждать (в результате и роман закончился – может быть, к лучшему).

На следующее утро Блинов явился в военкомат, и его с несколькими такими же лохами отправили в Темир-Тау. Здесь им и объяснили, что они призваны участвовать в развертывании зенитного полка, а их как офицеров призвали на неделю раньше для подготовки этого развертывания.

Ужинали в солдатской столовой, где самым удивительным оказалось наличие в каше мяса в достаточном на десять человек количестве. Большая часть офицеров оказались бывшими сержантами, поэтому наличие мяса удивились все. Сначала подумали, что это сделано специально для офицеров, но недоверчивые тут же убедились, что и на других столах мяса достаточно.

Местные рассказали, что несколько месяцев назад командиром полка был назначен подполковник Сапунов. Это был молодой (немного больше тридцати), здоровый, по-военному квадратный мужик. Служил он рьяно, закончил академию, карьера летела к неизбежному генеральству, но подвело здоровье, и он, по существу, был списан. В один из первых дней новый командир пришел проверять работу столовой (обычно прапорщики мясо безбожно воруют, потому что солдат должен стойко переносить тяготы и лишения воинской службы). Сапунов подвел начальника столовой к первому в ряду столу, заглянул в котелок, копнул половником и спросил прапора, где мясо. Тот начал нести какую-то пургу в свое оправдание, но Сапунов слушать не стал – он взял котелок и надел его на голову потерявшего дар речи прапора. Каша сползала ошметками по всему прапору, начиная с ушей и кончая сапогами. Затем Сапунов подвел прапора к следующему столу, и операция повторилась. В столовой была гробовая тишина, обед еще не начался. На вопрос Сапунова, стоит ли продолжать проверку (столов было несколько десятков), прапор закрутил головой, давая понять, что он все понял. С тех пор мясо в каше было. Другое дело – кто его ел.

В другой раз, выговаривая кому-то в назидание, он для убедительности проломил кулаком, точнее сказать, кулачищем, сороковку (доску толщиной 40 мм). В общем, нового командира полка боялись, а следовательно, как говорят в народе, уважали.

Командир собрал призванных так называемых офицеров (язык не поворачивается назвать этих бедолаг офицерами) после ужина и объяснил, что завтра их вывезут в район дислокации развертываемого полка и они будут готовить палаточный городок (ставить

палатки) для приема солдат, которых (около двухсот человек) призовут через неделю. Это было что-то совсем новое – офицеры ставят палатки для солдат, а не наоборот. После услышанных за ужином легенд роптать никто не стал – достаточно было одного взгляда, чтобы в эти легенды поверить.

На следующий день Блинова со товарищи вывезли в район дислокации – чистое поле со старыми окопами под палатки километрах в тридцати от Караганды. Было начало апреля, еще лежал снег, а ветер в степях центрального Казахстана до так называемого глобального потепления дул жестоко во все времена года. Командир полка большую часть времени был рядом, так что сачковать было невозможно. Сначала ставили палатки, потом разравнивали щебень, которым засыпали дорожки между палатками, выравнивали и даже побелили кирпичики вдоль дорожек. К концу недели палаточный городок принял вид лагеря образцового партизанского отряда. Кроме того, командир полка проводил с ними занятия, и они готовили, смешно сказать, ненавистные планы-конспекты для проведения занятий с личным составом. Ночью закутывались в шинели и топили буржуйки. Водки не было.

В пятницу командир уехал, и Блинов с еще двумя карагандинцами решили смыться на субботу в город, благо, никто не собирался их контролировать, так как всем, кроме командира полка, это развертывание было до лампочки. Измесив изрядное количество грязи, они выбрались на трассу и поймали попутный автобус. В университетском общежитии, в котором жил Блинов, его с радостью встретили коллеги, молодые преподаватели, и веселье продолжалось почти всю ночь. Девушкам очень понравилось грубое белое солдатское белье (Блинов вспомнил капитана Вишневецкого, который рассказывал, как тащила его жена при виде белых кальсон). Странно ведут себя иногда девушки, да и женщины тоже с точки зрения разумного человека. Такое ощущение, что их сексуальная энергия, в противоречие с Фрейдом, сублимируется не в интеллектуальную для развития цивилизации, а черт знает во что. Но стоит только поверить в ее желание, как этого желания словно и не было вовсе. В воскресенье, выпив с утра пива, пришлось возвращаться в поле. А вечером их вернули в расположение части, чтобы в понедельник с утра начать развертывание.

В понедельник с восьми утра в расположение части начал прибывать личный состав полка. Большинство, такие же неудачники, как Блинов, прибывали самостоятельно, но некоторых вытаскивали из дома тепленькими с милицией. Это были молодые рабочие парни, уже отслужившие срочную службу. Большинство были после воскресенья с похмелья, небритые, с всклокоченными волосами, одетые кто во что горазд. Все вместе они производили впечатление сброда, который вытащили из ночных притонов. Их быстро переодевали в партизанскую форму (гимнастерки без знаков различия) и собирали в клубе. Здесь их делили на батареи, взводы и расчеты. Двоих пришлось отпустить, так как они по приговору суда должны были отбыть на поселение.

Не без проблем, но после обеда колонна вышла из расположения части. Грузовики (ЗИЛ-130) тащили зенитные пушки. Обошлось без приключений. Только однажды, на переезде через железную дорогу, которая была несколько выше, одну машину потащило по гололеду назад, и ствол пушки, которую эта машина транспортировала, въехал в кабину следующей машины, пробив лобовое стекло. На месте партизан распределили по палаткам и оставили в покое до утра.

Утром светило солнце. Подъем был произведен по распорядку, так называемые офицеры безуспешно пытались выгонять партизан на зарядку и другие мероприятия. Наконец после завтрака полк был построен, и произошло первое явление командира полка. Очевидно, настроение сброда надо было ломать, так как уже просматривались

лидеры, что-то постоянно брякающие и сеющие настроение тихого саботажа. Командир произнес короткую речь, которую закончил неожиданным требованием постричься (при этом он снял фуражку и показал свой полубокс – вот такая должна быть прическа). Наиболее нахальные посмеивались и явно не собирались укорачивать гривы. Командир полка дал два часа на эту операцию. «Парикмахеры», которые умеют обращаться с машинкой, всегда находятся свои. Им раздали машинки, и стрижка началась. Наиболее нахальные отошли греться на пригорок, самые безответные дали себя постричь, а большинство партизан, как бы назло, постриглись наголо, но для полевых условий это было вполне оправдано, не говоря уже о «мастерстве парикмахеров», которые все равно изуродовали бы любого.

Через два часа полк был снова построен. Командир полка разделил всех на несколько шеренг и прошел все шеренги сзади, придирчиво проверяя длину волос. Он вывел (точнее довольно жестко вытолкнул) всех гривастых, оказавшихся в явном меньшинстве, из строя и, взяв машинку, посадил на табуретку самого нахального, плотно прихватив его где-то в районе горла. Тот не успел глазом моргнуть, как машинка сделала борозду вдоль всей его головы, начиная со лба. Смешно не было, но все смеялись. Строй не распускали, и всех остальных постригли наголо перед строем. После этого командир зачитал распорядок дня, сказал о необходимости поддержания дисциплины, объяснил, что передвигаться по расположению на занятия, на обед и другие мероприятия все будут строем повзводно, представил командиров взводов и дал команду приступить к занятиям.

Самым невероятным было то, что через две недели этот сброд разворачивал зенитный комплекс с подключением радиолокатора и счетно-решающего прибора для синхронной стрельбы, почти укладываясь в нормативы, и, кроме того, на импровизированном полигоне отстрелял по танкам с прямыми попаданиями (зенитная пушка по наземным целям стреляет очень точно, как и автомат Калашникова). Ребята были в приподнятом настроении, и видно было, что они гордятся собой. Такие вот были военнослужащие запаса. К счастью потенциальных противников (не будем показывать пальцами), они не развязали войну в то время, иначе им бы, конечно, не поздоровилось. Их военнослужащим и во сне не могли присниться условия, в которых был готов воевать советский солдат.

История всех сборов Блинова закончилась как-то печально. Через несколько лет его призвали на неделю, непонятно зачем, прямо на военную кафедру университета, который он закончил когда-то. Ничего не изменилось за прошедшее время – те же самые ископаемые пушки, с которых когда-то началось знакомство с армией. На занятиях опять играли в слова, несмотря на уже приличный возраст. Руководил кафедрой полковник Сапунов (полковника ему все-таки дали). Он изменился до неузнаваемости – был совершенно индифферентен и грустен, как если бы жизнь его заканчивалась. Она и закончилась через несколько месяцев – он умер от рака. Такие командиры и раньше встречались нечасто, а теперь и в будущем их не будет. Но и войны, наверное, не будет, и воины перевелись, в соответствии с новыми тенденциями в развитии цивилизации.

Конец военным обязанностям

Почти двадцать лет Блинова не вызывали в военкомат. Казалось, о нем наконец-то забыли. За это время, кроме того, развалился Советский Союз и прекратила свое существование одна из самых больших армий на земном шаре.

Забыл об армии и Блинов. После пятидесяти он решил, что никто его искать не будет, и прекратил информировать военкомат о своих перемещениях, как по месту работы, так и по месту жительства. Но нет – армейская бюрократия работает, как «Замок» Кафки. Его нашли по новому месту жительства и вручили повестку. Блинов долго думал, идти или не идти, но в конце концов решил сходить – мало ли что. В военкомате ему объяснили, что армия, хоть и другого государства, но существует и унаследовала все правила и инфраструктуру, что с учета его снимут только в пятьдесят пять лет, и что он, следовательно, злостно нарушил правила учета, не появляясь и не информируя в течение почти десяти лет. Попугав еще немного, майор сказал, что придется оплатить штраф. Штраф был совсем небольшой, и Блинов с большим удовольствием его оплатил. Майор пообещал, что в пятьдесят пять лет его вызовут и торжественно снимут с учета, но обещания своего не исполнил.

Больше Блинова в военкомат не вызывали, и ему оставалось только иногда ностальгировать по казарме, рассказывая за бутылкой разные истории, которые приключились с ним в армии когда-то очень давно. И только при оформлении пенсии он должен был в числе других документов представить и военный билет. По счастливому стечению обстоятельств он его не выбросил, не сжег и даже не потерял – военный билет валялся среди прочих ненужных, как всегда кажется нормальному человеку, документов, которые жена хранит в специальном портфеле, и его необходимо в первую очередь спасти во время пожара и других стихийных бедствий. На размер пенсии военный билет не повлиял, как, впрочем, и другие документы, включая справку об очень высокой зарплате. Пенсию назначили до обидного маленькую.

Так и остался Блинов не снятым официально с военного учета старшим лейтенантом зенитной артиллерии. Интересно, что большинство его коллег, в армии не служивших ни дня, дослужились в запасе как минимум до майора. Обидно, конечно. Всего-то сорок лет в армии – и уже старлей, но майором никогда, слава богу, не быть.

Необходимость армии

Пришла пора подвести некоторые итоги.

Война – очевидное зло для большинства конкретных людей. Тем не менее каждое государство вкладывает значительные средства в содержание своей армии, а историю человечества можно представить в виде истории войн. Более того, многие люди сознательно отдают всю жизнь службе в армии.

Великая война (Вторая мировая) осталась далеко позади. Все народы, государства, организации, функционеры и рядовые члены общества, получив возможность быть услышанными через средства массовой информации, твердят о мире. За мир борются все, начиная с ООН и военных супердержав, типа США или СССР, кончая самыми реакционными режимами. И именно в этой борьбе за мир все, даже самые нищие страны, имеют свои армии и расходуют средства на поддержание их боеготовности и наращивание вооружений.

Зачем? Почему люди воюют? Будет ли Третья мировая война?

Возможно, те, кто придут в процессе эволюции на смену человеку, смогут договориться и не воевать. Или же в процессе деградации человек достигнет такой степени безразличия, что ему не за что будет воевать – пищи достаточно (перепроизвели на сотни лет вперед), а основной инстинкт атрофировался.

Ни тот, ни другой варианты сегодня, к сожалению или к счастью, не просматриваются. Человек до сих пор в значительной степени управляется инстинктами, а дефицит ресурсов поддерживается объективно, независимо от политики, сберегающих технологий, охраны среды и прочих красивых слов. Можно, конечно, упереться в ответ, который на такого рода вопросы дает один из персонажей Виктора Пелевина – «закон жизни» или «тайна веков».

Если же попытаться найти рациональные причины того факта, что армия была, есть и будет (в обозримом будущем), то среди них можно обнаружить и следующие:

- борьба за ресурсы;
- инстинкт насилия;
- сфера бизнеса;
- воспитание члена общества;
- звездные войны;
- мораль.

Наверное, есть и другие, но и этих – достаточно.

Борьба за ресурсы

Существование любого объекта окружающего нас мира, будь то элементарная частица, атом, молекула, растение или животное, в том числе человек, основано на извлечении энергии из окружающей среды и расходовании этой энергии на выполнение своих функций. Если мир (любой его «кусочек») развивается, то количество объектов увеличивается, что, в свою очередь, приводит к дефициту ресурсов и конкуренции за эти ресурсы. Будем считать, что в развивающемся мире (нам не нужен мир деградирующий) дефицит ресурсов неизбежен. Самая жесткая конкуренция возникает между объектами одного типа, так как объектам одного типа нужна одного и того же типа энергия. Кто-то пощипывает травку, которой не хватает на всех баранов, кто-то ест тех, кто пощипывает травку, а травоядных становится все меньше, а человеку нужны земля, природные ископаемые и многое другое, чего всегда не хватает на всех.

Государство, как и любой объект окружающего мира, для своего существования

должно обеспечивать энергией и другими ресурсами своих граждан – членов общества.

В условиях конкуренции за ресурсы каждое общество, как и любой объект окружающего мира, должно быть в состоянии выполнять функции защиты своих ресурсов и захвата чужих ресурсов в случае необходимости. Для выполнения этой функции государство создает армию.

Из-за денег ссорятся между собой муж и жена, предают друзья, нападают враги. Борьба за ресурсы ведется на всех уровнях цивилизации. Мир во всем мире означал бы конец развития в масштабах Земли, поэтому до тех пор, пока этого не произошло, необходимость всегда обеспечит дефицит ресурсов, рождение в необходимом количестве «воинов», появление воинствующих народов.

Инстинкт насилия

Энергию можно только забрать у другого объекта, поэтому любой объект имеет свой способ извлечения энергии. Человек, как и любой индивид органического мира, имеет инстинкт насилия.

Инстинкт насилия имеет такую же силу, что и инстинкт самосохранения. Ему не нужна логика – он ищет выход. Человеческое общество изобрело мораль для сдерживания инстинкта насилия – «не убий», «не укради» и т. д., – но отменить инстинкт насилия пока не может. Можно ли сохранить жизнь как таковую, кастрировав человечество?

Удовлетворять инстинкт насилия цивилизованно, если так можно выразиться, можно в армии, полиции, бандитских группах, спортивных и бойцовских клубах и т. д. Люди получают разные качества от рождения – кому-то будет горе от ума (от ума всегда только горе), а кому-то мучиться от агрессивности.

Деньги

Основной причиной любой войны является борьба за ресурсы, поэтому война в экономически развитом обществе – это бизнес, основным двигателем которого являются деньги. Военный бизнес имеет много аспектов:

- разработка и производство вооружений приносит даже больше прибыли как цель разработки, нежели способ ведения войны;
 - победа в войне может принести различные выгоды, например, контроль над стратегическими ресурсами;
 - торговля вооружением – один из самых выгодных видов бизнеса;
 - восстановление экономики после войны – бизнес;
- и т. д.

Очень часто развитие вооружений является локомотивом экономического и интеллектуального развития общества, а достижения военной промышленности рано или поздно становятся доступными для использования в мирных целях. Разработка новых видов оружия – основной двигатель развития науки и интеллекта.

В войнах заинтересованы все, кто зарабатывает на этом деньги.

Мораль

Неисчислимы бедствия, которые война несет конкретным людям, очевидно, поэтому мораль осуждает войны как способ разрешения противоречий. Война требует морального оправдания, например, могут быть оправданы война за независимость, война за сохранение целостности территории, миротворческая акция и т. д. Для тех, кто начинает войну, нужен благовидный повод, и они его найдут. Яркий пример – война в Ираке. Несмотря на очевидную причину, для обоснования войны приводились моральные аргументы. Цель, которую преследовали деньги, достигнута, но и мораль получила свой аргумент. Неуклюжие и лицемерные обоснования никого не убедили, а результат лишь демонстрирует, что нарушение морали ни к чему хорошему не приводит.

Лицемерие достигло невероятного уровня в двадцатом веке. Лидеры государств (особенно так называемых демократических) производят впечатление говорящих машин, которые без суфлеров и субтитров знают, что говорить. Их слова не просто расходятся с делом – их речь живет сама по себе, как если бы кто-то свыше вкладывал ему слова прямо в рот, минуя мозг. Нет смысла перечислять их имена.

На этом фоне выделялся Джордж Дабл Ю Буш (извращенное русское ухо явственно слышит Джордж Долбо Е Буш). Так вот этот Дж. Долбо Е Буш производил впечатление человека, искренне верившего в то, что он говорит, – то ли наивность, граничащая с неадекватностью, то ли актер непревзойденный. Ему сказали, что он должен дать свободу иракскому народу, и он решил сделать это. Иногда в его глазах было видно, что он подозревает что-то нечистое в замыслах пославших его, например, какие-то нефтяные интересы. Но он добросовестно старается прогнать крамольные мысли и искренне удивляется отсутствию атомной бомбы. Ну и что же, что? Мы все равно освободим иракский народ от Саддама. Задача из черного юмора в стиле Курта Воннегута: когда число иракцев, погибших от свободных взрывов, превзойдет число иракцев, погибших по приказу Саддама, если известно, что всего за время правления Саддама погибло столько-то человек, а ежедневно в свободных взрывах погибает в среднем столько-то? Кстати, если мирных граждан, погибших в свободных взрывах, намного больше, не означает ли это, что человек, освободивший этот народ для этих взрывов, должен быть повешен?

Нужна ли свобода, которую несут люди, приговорившие другого человека (даже преступника) к повешению и показавшие казнь в прямом эфире всему миру (Средневековье отдыхает)? Возникает вопрос – держали ли они в руках евангелие? Задумывались ли они о том, что сказал бы Иисус Христос по этому поводу?

Деньги приведут к войне, и оправдание найдется, но мораль, как бы лицемерно ее не применяли, постепенно уменьшает вероятность бессмысленных войн и снижает их жестокость.

Воспитание члена общества

Когда-то все мужчины были воинами. Во многих государствах законы о всеобщей воинской обязанности либо существуют, либо могут быть введены в случае угрозы существованию государства. Моральное основание всеобщей воинской обязанности заключается в том, что в случае отечественной войны любой член общества, который может взять в руки оружие, должен его взять, независимо от своего желания. Для того чтобы быть в состоянии это сделать, каждый член общества должен пройти определенную военную подготовку, то есть должен быть призван для несения воинской службы на определенный срок. Служба в армии – это фактически лишение свободы на определенный период жизни. Человек лишается свободы передвижения, выбора рода деятельности, одежды, пищи и т. д. и принуждается к выполнению определенного регламента жизни и приказов (отупляющая дисциплина и тяжелые тренировки), что, в свою очередь, является основой всех отклонений и нарушений, связанных с армейской службой.

Молодые люди, которые своевременно проходят военную службу, находятся в возрасте (18–20 лет) юниоров: еще не совершеннолетние, но физиологически абсолютно готовые выполнять свою основную миссию – продолжение рода человеческого. В принципе, их изолируют от гражданского общества на два года. Кто-то попадает служить в город и имеет возможность получить увольнительную или сходить в самоволку, кому-то повезет с отпуском, но в любом случае большая часть срока службы проходит за забором воинской части без доступа к девушкам. Солдатских борделей давно нет.

По поводу длительного воздержания мнение периодически меняется – то вредно, то полезно. В каком-то смысле полезно – предотвращает ранние браки по глупости, а, как

известно, любовь зла. Вряд ли в этом возрасте воздержанием можно снизить потенцию – скорее наоборот. Можно, конечно, мастурбировать, но в гарнизоне нет специальных помещений, а уединиться для этого интимного занятия не так просто.

По Фрейду эта энергия должна сублимироваться в интеллектуальную. Поскольку среди солдат не так много интеллектуалов (те поступают в университеты или «отмазываются» другими способами), точнее будет сказать – «бьет в голову». И тогда нехорошие пять процентов маргиналов начинают издеваться над слабыми пятью процентами. Настоящих плохишей не так много, как кажется (большинство еще до армии попадают куда надо). В любом случае, в любой армии существуют нарушения, начиная с издевательств над молодыми и кончая коррупцией. Уровень нарушений отображает общее состояние общества – чем общество демократичнее, тем меньше нарушений.

Несмотря ни на что, армия является основой боевого духа нации, патриотизма и дисциплины. Общество без боевого духа обречено на угасание, а патриотизм – не пустые слова. Армия – это мускулы общества. Даже если нет угрозы войны, они должны быть, и при этом в хорошей форме. В противном случае дряхлеет и разваливается весь организм. Военные парады – это соревнования по бодибилдингу между государствами.

Еще одна важная функция, которую выполняет армия, – воспитание дисциплинированного гражданина. Дисциплина является основой боеготовности армии, поэтому главная цель воинской службы в мирное время – привить культуру выполнения приказа и приучить переносить все тяготы и лишения воинской службы. Дисциплинированный человек – основа идеального общества.

Самая лучшая альтернатива армии в воспитании человека – спорт. Спортивные батальоны хорошо заменяют войны, а занятия спортом воспитывают не намного хуже армии.

Звездные войны

Прекратят ли когда-нибудь люди убивать друг друга, диких зверей или еще кого-нибудь? Дать однозначный ответ на этот вопрос и аргументировать невозможно. Допустим, человечество отрегулировало процедуру решения любых спорных вопросов без оружия, никто ни кого не убивает, оружие исчезло. Тогда, например, могут появиться пришельцы, о которых столько говорят и которых давно ждут, и не в гости. И заберут всё, как говорится, голыми руками. Наблюдатели из Вселенной сказали бы в этом случае – ну и поделом дуракам, – имея в виду нас, землян. С другой стороны, Создатель вряд ли допустил бы такой исход, оставив человечество без оружия, – даже те, кого истребили на земле, сопротивлялись, хоть и луком со стрелами против ружей. Следовательно, внутри человечества должно поддерживаться напряжение, достаточное для развития оружия в максимальной степени на случай появления пришельцев. Пусть это будет лазерное, компьютерное или какое угодно другое оружие, но назначение его будет таким же, что и сегодня, – убивать себе подобных. Что и требовалось доказать.

Развитие Вселенной вступает в фазу возможных контактов различных разумных систем. Противоречия между ними неизбежны и, скорее всего, будут носить все тот же характер борьбы за энергетические ресурсы. Методы и средства ведения войны могут быть другими (даже сегодня нетрудно предсказать перенесение боевых действий в космос или Интернет), но человечество должно быть готово к ведению таких боевых действий. Это и есть основная причина сохранения армии как таковой. Все члены общества будут реальными или потенциальными солдатами единой армии человечества. Тот же пелевинский персонаж советует на всякий П (пожарный случай) «качать крылья». Видимо, надо качать крылья, чтобы не «порвали парус».

Надежды пацифистов

Исход войны в большинстве случаев предreshен и может быть легко вычислен на компьютере. Армия – это демонстрация силы и аргумент в компьютерном моделировании. Например, можно разыграть танковое сражение, моделируя реальные характеристики танков (скорость, броня, поражающая способность), используя данные об их количестве, структуре танковых подразделений и даже посадив за терминалы реальные экипажи с конкретными людьми. Зачем убивать друг друга, если результат можно вычислить? Тогда война будет напоминать сетевые компьютерные игры, в которых основной целью будет захват ресурсов, а методы – перераспределение денежных потоков, диверсии в сети, повреждение программ и т. д. Но это когда еще будет, и будет ли...

«Покой нам только снится».

А нужен ли мир во всем мире?

Покой обретают покойники (да упокой, Господи, их душу), а тем, кто хочет жить, покой не нужен. В Вечном Царстве будут (может быть, существовать, но не жить) другие. Но не мы, живущие сегодня.

Е-... (Краткая история одной вселенной)

*Не отчаивайся—
лучше не будет.*

Неизвестно, что было вначале. Некоторые считают, что сначала было слово, но слово не может быть само по себе – его кто-то должен сказать. Большинство считают, что вначале и всегда был, есть и будет... назовем его Создателем (в разных религиях его называют по-разному). Проверить нельзя, но поверить можно. Хуже другое – невозможно ответить на вопрос, зачем он ВСЕ это создал. Правильный ответ – пути Господни неисповедимы. Однако люди почему-то (видимо, так уж Создатель задумал) пытаются понять Его замысел и все время исследуют окружающий мир и придумывают какие-то теории о происхождении и смысле существования Вселенной.

Я расскажу историю одной Вселенной почти от начала и почти до конца.

В некотором царстве, в некотором государстве... Нет. История началась, когда никакого царства или государства не было. Нельзя даже сказать, что история эта случилась в некотором пространстве и времени, потому что история началась еще тогда, когда пространства и времени тоже не было, что представить себе невозможно.

В общем, Вселенная, о которой пойдет речь, могла быть, а может и будет, а может, мы в ней и живем.

Если совсем коротко:

- В начале было...
- Затем появился человек
- Человек построил цивилизацию
- И цивилизация распространилась по всей земле
- Но вместо процветания наступил глобальный кризис
- А е-... подкрался незаметно
- И е-... распространился повсюду
- Распространившись повсюду, е-... убил человечество
- А в конце было...

В начале было

Всегда были, есть и будут одна субстанция (*энергия*) и два противоборствующих начала – *свобода* и *необходимость*.

Круговорот энергии

Вселенная появляется в процессе Вечного круговорота энергии. Суть процесса заключается в том, что энергия, то освобождается (свободой), то связывается (необходимостью).

Энергию нельзя выделить в чистом виде, но ВСЕ, что можно наблюдать в окружающем мире (может наблюдать, например, человек), является ее проявлением – объекты, их движение, взаимодействие и др.

Большой Взрыв – это единственный момент, когда энергия получает абсолютную свободу. Порождаемая при этом Вселенная представляет собой процесс связывания освобожденной энергии.

Рано или поздно в процессе развития Вселенной степень связывания энергии достигает такого уровня, при котором происходит Большой Взрыв, в результате которого энергия снова освобождается. Рождается новая Вселенная, которая снова связывает освобожденную энергию и т. д. Этот круговорот вечен – его никто не запускал и он никогда не закончится.

Свобода и необходимость

В окружающем мире всегда можно наблюдать, как некоторая неодолимая сила в своем стремлении осуществиться преодолевает светом космические расстояния, бурным потоком воды сметает все на своем пути, прорастает травой сквозь асфальт, сосной из камня, живет во льдах, вырывается мыслью сквозь тюремную решетку – это свобода. Но есть и другая сила, которая всегда стоит на пути первой в виде пространства и времени, гор, асфальта и камня, тюремной решетки и моральных табу – это необходимость.

Борьба этих сил порождает противоречие между пространством и временем, светом и тьмой, волками и овцами, художниками и попами, деньгами и моралью. Они рождаются, живут и умирают, и это продолжается в материальном мире до тех пор, пока первая сила не исчерпает себя в борьбе со второй, которая сама существует только благодаря первой. Но тогда свобода опять пытается вырваться из вечных объятий, и все повторяется снова и снова. Любое существование есть результат борьбы этих противоположных начал.

Свобода является источником любого процесса во Вселенной, будь то движение, химическая реакция, электричество или мышление. Необходимость является целью любого процесса, будь то свершившееся перемещение в пространстве, повышение температуры, магнитное поле или мысль. Свобода проявляется в процессе, тогда как необходимость – в результате процесса.

Необходимость – это неизбежность того, что произошло или должно произойти. Например, человек необходимо проходит стадии рождения, созревания, старения и смерти. То же самое можно отнести и к любому объекту Вселенной, в том числе и самой Вселенной. Того, что произошло, уже нельзя избежать, поэтому можно считать, что все произошедшие события абсолютно необходимы.

Другое дело – события будущие. Невозможность точно предсказать будущие события очевидна. Например, человек смертен – необходимость, но смерть конкретного человека (координаты в пространстве и времени) случайна. Необходимость определяет, например, что рано или поздно должна возникнуть органическая жизнь – основа интеллекта. Но как

и когда это конкретно произойдет – неизвестно. Если бы Вселенная была абсолютно детерминирована, то абсолютно все было бы известно с самого начала. Такой мир бессмысленно было бы «проигрывать», так что осуществление Вселенной предполагает наличие определенной случайной составляющей в его развитии. Эта доля неопределенности (случайность) и есть проявление второго начала – свободы.

В бесконечном круговороте энергии Вселенные следуют одна за другой. Каждая Вселенная является в некотором смысле улучшением предыдущей. Последовательность Вселенных стремится к Совершенству – некоторой предельной Вселенной.

Если в несовершенном мире происходят реальные изменения, то Совершенство – это нечто застывшее, в котором нельзя изменить ни Прошлого, ни Будущего. Генерировать «не случившиеся» состояния бессмысленно, так как они имеют место быть точно так же как и «случившиеся». Если бы Совершенство могло быть достигнуто, то на этом закончилось бы все. Совершенство – это полное исчерпание возможностей для развития, это абсолютная смерть. Так что, что Совершенство недостижимо, а круговорот энергии – это вечный процесс движения к Совершенству.

Цель Вселенной

Непрерывное улучшение возможно только при наличии связи между вселенными – каждая вселенная развивается на основании Генома Вселенной, который строится и передается ей от предыдущей Вселенной. Геном содержит множество правил (законов) существования, определяющих развитие Вселенной. Геном передается через абсолютно минимальные элементы, образующиеся в результате Большого Взрыва. Эти элементы развиваются затем в элементарные частицы, часть из которых уже известна, часть – нет. Таким образом, опыт передается от Вселенной-родителя к Вселенной-потомку через Геном Вселенной, который содержится в ее минимальном строительном элементе.

Геном Вселенной не определяет ее развитие абсолютно точно от начала до конца. Он представляет собой минимальное полное множество законов существования, которых достаточно для того, чтобы обеспечить развитие Вселенной, сохраняя некоторую долю непредсказуемости, поэтому во Вселенной все предопределено, но ничего нельзя предсказать заранее.

Это множество законов строится интеллектом в процессе познания им Вселенной. Оно является априорным по отношению к следующей Вселенной, которая, в свою очередь, развиваясь на основе этого множества законов и познавая их, строит аналогичное множество для следующей Вселенной. История материального мира не повторяется, и множество законов существования совершенствуется с каждым осуществлением.

* * *

Геном можно сравнить с Богом, который определяет все существование, но не вмешивается в него. Вселенная, определенная Богом-Отцом, в процессе познания своего Бога-Отца строит Бога-Сына, который будет Богом-Отцом для следующей Вселенной. Бог создает Вселенную, а Вселенная создает Бога, совершенствуясь с каждым осуществлением. Можно также считать, что все это начал Первый Бог, праотец всех Богов, назовем его Создателем, которого на самом деле никогда и нигде не было и представить которого можно только в виде предела ретроспективной последовательности Богов. Итак, *все* это (описанное выше и ниже) было задумано Создателем, которого на самом деле никогда и нигде не было.

Затем появился человек

Сначала все было хорошо, в том смысле, что свободы было много и случалось все, что могло бы случиться, но где-то к середине существования Вселенной стало понятно, что без какого-то упорядочивающего начала цели (построения модели новой Вселенной) не достичь. И тогда, как и было задумано Создателем, появилось разумное существо (нам удобнее будет называть его человеком).

Не каждая звездная система порождает живую природу, так же как далеко не в каждой раковине созревает жемчужина. Тем не менее жизнь появляется во многих местах Вселенной и во многих случаях эволюционирует до разумного существа. На Земле условия для возникновения жизни сложились. Возможно, многие системы, давая начало живой природе, по разным причинам (глобальные катастрофы, недостаток ресурсов) не доживают до стадии интеллектуального развития. **Человек** появляется на планете Земля (в других звездных системах появляются другие разумные существа), как венец эволюции органической жизни (природы), поэтому он считает себя царем природы. Но только над органической жизнью он и может царить, безжалостно истребляя ее, мать свою.

От индивида до человека

Предшествующий живой природе мир химических соединений завершается клеткой, которая является основным строительным материалом объектов живой природы. Первые клетки могли жить сами по себе (в виде простейших одноклеточных), добывая и освобождая энергию из окружающей среды и размножаясь делением. Главной особенностью клетки был геном, благодаря которому все потомки похожи на родителей. Довольно скоро стало понятно (неизвестно кому, но так было задумано), что в одиночку выживать трудно. Тогда клетки стали объединяться и искать лучшие формы объединения. Попробовали все – и черви, и растения, и рыбы, и т. д. Внутри организма клетки стали выполнять разные функции, так чтобы общий эффект был наилучшим. Одни клетки – нейроны – управляют, и они любят сладкое, другие выводят фекалии, и им необходимы фекалии. В организме все клетки обеспечены необходимым и, видимо, счастливы до поры до времени, по крайней мере пока организм здоров.

Объект живой природы (индивид) представляет собой структурное объединение клеток, специализирующихся на выполнении разных функций, необходимых для обеспечения жизнедеятельности объекта в целом.

Цель жизни и механизмы ее достижения заложены в геноме индивида в виде инстинктов. Основные инстинкты – инстинкт продолжения рода и инстинкт самосохранения – представляют свободу и необходимость, соответственно. Основной инстинкт освобождает энергию при выполнении главной функции (размножение), инстинкт самосохранения заставляет индивида извлекать энергию из окружающей среды для своего существования. Жизнь индивидов – это самосохранение в борьбе за ресурсы для производства как можно большего числа потомков.

Перепробовав разные формы индивидов, природа пришла к животным, затем к хищникам, и наконец создала самого главного хищника, который покорила и подчинил себе всех остальных. Но это был не лев – царь зверей. Этот хищник получил главный приз – интеллект – и стал называть себя человеком.

Он и не подозревал о том, что интеллект – это троянский конь, посланный высшими силами, которым для осуществления своей цели нужен просто носитель, обеспечивающий энергией.

ОНО

Создавая человека, природа, как и было задумано (теперь уже ясно кем), должна была сотворить существо, которое физически могло бы победить в конкуренции с любым другим существом и которому поэтому можно было доверить интеллект. Метод природы очень прост – перебирать все варианты. Природа мудра в своей бесцельности и тупости, а именно: она всегда тупо перебирает все возможные варианты, из которых некоторые используются дальше, а подавляющее большинство становится мусором.

В этом переборе нет никакой системы или заранее созданного плана. Просто в ответ на изменение внешних по отношению к эволюционирующему организму условий генерируется множество приспособлений, из которых некоторые остаются. Этот процесс можно представить как абсолютно бессистемное строительство здания. Сначала – это пещера, предназначенная для защиты от непогоды. Затем ее закрывают входом, потом делят на части разного предназначения. Потом над пещерой надстраивают искусственную пещеру – второй этаж, и тогда первый используется как подвал. Затем кому-то (скорее всего женщине) в голову приходит идея пристроить кухню, потом хлев, и т. д. По мере строительства функциональные части используются и совершенствуются, а остальные разваливаются и остаются в виде мусора.

Так природа программировала человека, поэтому в его главной программе (геноме) более 90 % мусора. Природа не может брать ходы назад для сборки мусора. Этот мусор так и остается, играя непонятную роль (может быть, это и есть то, что люди называют душой, а иначе где ей быть). Когда много позже человек-программист (модульно, структурно, сервисно и еще бог его знает как ориентированный) понял (или ему показалось, что понял), что такое геном, он пришел в ужас от его бессистемности. Но самое удивительное заключалось в том, что эта бессистемнейшая программа работает почти идеально. Безусловно, Создатель не был программистом.

До получения своего главного приза (интеллекта), если такой момент можно представить, человек был совершенным хищником, управляемым инстинктами. Инстинкты представляют собой комплексы рефлексов – программ, определяющих поведение индивида. Любое действие индивида является результатом срабатывания какого-либо рефлекса. Рефлекс состоит из условий возбуждения и команд исполнения. При возникновении условий, включающих некоторый рефлекс, индивид переходит в состояние возбуждения и вызывает выполнение команд данного рефлекса (команды активизируют органы и мышцы индивида). Завершение рефлекса снимает возбуждение и переводит индивид в состояние удовлетворения. При выполнении рефлекса освобождается энергия, необходимая для его выполнения.

Комплекс рефлексов строится на основании генома индивида, поэтому каждый индивид имеет свой собственный уникальный комплекс рефлексов – «ОНО» индивида. ОНО слепо и бесцельно, сидит как бы внутри человека и реагирует только на возбуждение рефлексов. Слепой обходит препятствие, натыкаясь на него. Не знающий, что такое горячее, отдергивает руку, обжигаясь. Голодный ищет пищу, созревший – партнера. Рефлексы образуют коридор жизни, в котором индивида куда-то (известно куда) подталкивают и не дают свернуть с дороги.

Я

Интеллект и в прямом, и в переносном смысле видит внешнюю среду и может заранее исключать экстремальные ситуации. Например, физическая боль – это реакция рефлексов инстинкта самосохранения на угрозу потери целостности или функциональности объекта. Она вызывает ощущение дискомфорта, и ОНО включает соответствующие программы рефлексов для выхода из этого состояния. Интеллект наблюдает условия, приводящие к физической боли, и строит свои программы поведения,

которые при возникновении этих условий моделируют возбуждение и включают соответствующие рефлексы заранее, до возникновения физической боли. Эти программы помогают человеку не наткнуться, не обжигаться и т. д. Более того, интеллект человека может обучаться и не на своем опыте, а на опыте родителей или учителей. Ему действительно не обязательно вариться в кастрюле, чтобы знать, что чувствует при этом курица.

Интеллект моделирует работу всех рефлексов и, таким образом, строит свой комплекс программ, являющийся отображением комплекса рефлексов. С помощью этих программ интеллект принимает на себя значительную долю работы рефлексов и, в конце концов, рефлексы притупляются – человек принимает пищу по распорядку дня, а не из чувства голода, принимает меры предосторожности задолго до проявления реальной опасности, вступает в акты зачатия не для размножения, а для удовольствия. ОНО отображается в интеллекте, и это отображение постепенно берет на себя функции центра управления. Инстинкты притупляются. Свобода ОНО сводится к минимуму и проявляется в редких экстремальных ситуациях, когда Я не может принять адекватное решение, и в неадекватном поведении, вызванным психическими заболеваниями.

Так пробуждается «Я» – троянский конь интеллекта. Один великий философ сказал, кажется, так: «Разум ведет человека из царства свободы в царство необходимости».

Человек ошибающийся

И тогда Я стало считать себя существом разумным (*homo sapiens*). Человек решил, что он может мыслить, а один так вообще утверждал, что только в мысли он и существует, но таких было немного. Убеждение его было основано на том, что он принимал решения не инстинктивно, а на основании некоторых, как он считал разумных, рассуждений.

И действительно, наблюдая от нечего делать окружающий мир (свободного времени у хищника оставалось много после того, как он кого-нибудь съел или трахнул), человек делал какие-то выводы и находил им подтверждение. Например, наблюдая каждое утро восход солнца, он мог гениально предсказать, что завтра утром солнце взойдет. И часто это случалось, – но иногда набегали тучи, и его уличали в ошибке.

Человеку свойственно ошибаться, решил человек. Но он даже не подозревал, что человеку не просто свойственно ошибаться – человек ошибается практически всегда, человек и создан для того, чтобы ошибаться. Природа и в человеке не изменила своему главному методу – методу «тыка». Человек тычется, перебирая все варианты, а верное продолжение остается случайно, когда испробованы все ошибочные. Все люди ошибаются, но один, выбравший случайно оставшееся решение, признается умным. Этих умников остальные сначала слушают, а потом сваливают на них все свои ошибки.

* * *

Органическая природа построила это кровожадное, изворотливое, безжалостное, похотливое существо – человека, – которое только и могло выжить в этом мире и которое не просто выжило, а покорило породившую его природу. Его-то и выбрал интеллект в качестве своего носителя для обеспечения энергией. При этом человеку не объяснили, что он должен делать. К его неутомимости просто добавили способность постоянно ошибаться, для того чтобы он в стремлении неизвестно к чему, мучительно ошибаясь, перебирал все возможные варианты продолжения жизни.

Нужный вариант оставался и укладывался в процесс развития Вселенной в соответствии с виртуальным планом, который мог бы составить Создатель, если бы он

был, но которого не было нигде и никогда.

Человек построил цивилизацию

Сначала человек жил-поживал, как и все другие животные, а весь подаренный ему интеллект использовал только на то, чтобы удовлетворять унаследованные им инстинкты (попить, поесть и трахнуть кого-нибудь), для чего он еще и убивал себе подобных.

Но это кровожадное, похотливое существо наделяли разумом совсем для других целей, а именно: понять, что такое Вселенная, и построить ее модель для запуска новой Вселенной. И здесь Создатель проявил завидную изобретательность:

- удовлетворение инстинктов превратилось в *удовольствие*;
- удовольствия можно получить в обмен на некоторый эквивалент энергии (*деньги*), которые можно получить только в обмен на какую-либо полезную деятельность, а все, что бы ни делало это кровожадное, похотливое, вечно ошибающееся существо (работать, учиться, исследовать, воровать, убивать и, главное, играть), можно было использовать для достижения высокой цели;
- для того чтобы эти «разумные» существа не истребили друг друга в погоне за удовольствиями (деньгами), они должны были соблюдать определенные правила поведения (*мораль*).

Так было задумано, но человеку казалось, что он сам все это изобрел.

Удовольствия

Для того чтобы удовлетворение инстинкта превратить в удовольствие, достаточно было просто задержать удовлетворение на какое-то время – чем больше задержка, тем больше удовольствие.

Например, пришло время самцу человека (мужчине) выполнить основную часть репродуктивного процесса (трахнуть самку – женщину). Он срочно ищет женщину, а она сразу не дает, причем не для регулирования рождаемости, а просто не хочет еще. Были, конечно, и такие, которые ложились сразу, но не о них, глупых созданиях, речь. А неудовлетворенность (желание) растет. Некоторые, конечно, брали силой, но у них голова так и не заработала. Сила есть – ума не надо, говорили те, у которых силы не было. Эти последние стали думать (включили интеллект) и изобретать всякие способы, чтобы склонить женщину к выполнению функции как бы по обоюдному желанию. Обещали дать ей что-нибудь поесть, или, позже, дарили цветы, чтобы показать, что хотят именно ее (как будто она, дура такая, не догадывалась), и это действовало (то ли запах, то ли цвет, а скорее всего, она уже и сама действительно хотела, поскольку тогда еще инстинкты работали). Так вот, когда дело доходило до дела, которого так долго ждали, они, благодаря этому накопленному нетерпению, испытывали уже не просто удовлетворение, а оргазм – кайф, другими словами. Чем дольше ожидание, тем сильнее кайф. В общем, придумали секс.

Но некоторые женщины поняли, что можно получить больше, чем попить-поесть, и стали придумывать (тоже включили какой-никакой интеллект) всякие откорячки (только после свадьбы, не хочется что-то, критические дни, голова болит и т. д.) в целях вымогательства. И всегда добивались своего (за это их стали называть стервами, но от этого они не становились менее желанными, даже наоборот). А мужчины, если так можно назвать этих слюнтяев, стали страдать (получать удовольствие от неудовлетворенности) и писать стихи. Они называли это полуидиотское состояние влюбленностью, а все процессы, связанные с выполнением репродуктивной функции – любовью. Они даже так говорили – давай займемся любовью, когда на самом деле просто хотели потрахаться. Были даже такие, которые додумались до того, что совсем необязательно женщину (все они либо

дуры, либо стервы) искать, когда у них у самих все, как говорится, под рукой.

Или: проголодался человек, а поесть нечего. Он ищет, ищет, а голод все растет. Когда наконец он находит что-нибудь, что можно съесть (червячка там или черствую корочку хлеба), то испытывает кайф. Не оргазм, конечно, но все же. Дальше – больше. Если хлеба достаточно, то можно придумать пирожное. Возникает кулинария, которая для некоторых заменяет даже любовь.

В погоне за удовольствиями человек вынужден что-нибудь делать, а так как он, всегда ошибаясь, тупо перебирает *все* возможные варианты, то после его по большей части дурацких дел всегда остается что-то полезное. В стремлении за морковкой даже осел везет телегу.

Позже интеллект изобрел способы получения удовольствия без физического удовлетворения инстинктов. Сначала физическим ощущениям ставятся в соответствие интеллектуальные состояния: например, ожидание физической боли связывается с состоянием страха, ожидание оргазма – с состоянием влюбленности. Эти состояния затем могут быть вызваны интеллектом и могут быть мысленно же удовлетворены. Интеллект изобретает способы искусственного возбуждения рефлексов, а затем искусственного их удовлетворения. Вот так, страдая и мастурбируя, то есть в процессе первичного моделирования, как сказали бы ученые, человек стал рисовать, петь, сочинять и так далее – заниматься искусством, короче говоря.

Деньги

Итак, человек стал что-то делать, чтобы получать удовольствие. Сначала это был натуральный обмен – сделал человек что-нибудь и получил удовольствие. Но тут появились евреи. Это – темная история. То ли евреи изобрели деньги, то ли деньги вызвали к жизни евреев – неясно, как неясно, что было раньше – курица или яйцо. Но факт остается фактом – евреи и деньги неотделимы друг от друга.

Деньги стали средством и мерой обмена. Человек за то, что он сделал, получает деньги, а потом за эти деньги может получить либо удовольствие, либо что-нибудь полезное, которое он в конце концов также использует для получения удовольствий.

Чтобы как-то оценивать количество денег, необходимое для оплаты труда или удовольствий, люди стали оценивать количество энергии, необходимое для выполнения работы или обеспечения удовольствий. Выкопал человек яму – значит, затратил сколько-то энергии. Ему дают денег. На эти деньги можно купить бутылку водки, на производство которой затрачено примерно столько же энергии (водка, конечно, обходится дешевле, но это так, для примера, чтобы понятней было). Энергия содержится в пище, предметах потребления, труде, недвижимости и др. Она переходит из одной формы в другую, а деньги позволяют оценивать и сравнивать количество энергии, содержащееся в том или ином объекте или перешедшее от одного объекта к другому. Таким образом, *деньги* стали *универсальным эквивалентом* энергии в жизни человеческого общества. Любой объект, явление, человек и его труд могут рассматриваться с точки зрения их энергетической ценности в денежном выражении.

Как эквивалент энергии, деньги подчиняются законам сохранения и распределения энергии.

По закону сохранения энергии деньги не должны возникать ниоткуда и исчезать бесследно. Они могут либо перейти в другой вид (недвижимость, средства производства, предметы потребления и т. д.), либо быть получены из других видов (средства производства, труд человека и т. д.). Если какое-то количество денег израсходовано на что-то, то это что-то получает или увеличивает свою стоимость именно на это количество денег. Все переходы денег записываются с помощью бухгалтерского учета, который,

видимо, евреи придумали, чтобы ни одна копейка не пропала. Государство, предприятие, человек всегда могут быть оценены как совокупность активов и пассивов, то есть принадлежащих ему наличных, недвижимости, образования, политических связей, рейтинга, перспективы роста, наследства и т. д., выраженных в деньгах, а также его долгов.

По закону распределения (второе начало термодинамики), энергия в замкнутой системе рано или поздно распределяется равномерно, то есть она, в каком-то смысле, двигается оттуда, где ее больше, туда, где ее меньше (а как же иначе). Соответственно, деньги для достижения равномерного распределения двигаются от избытка к недостатку. Если бы можно было построить замкнутую систему, то рано или поздно такое состояние было бы достигнуто. Но до тех пор, пока оно не достигнуто, деньги вкладываются везде, где только есть недостаток, используя любую возможность для роста, заполняя любую свободную нишу, двигаясь быстрее в направлении, где их недостаток больше. Направление движения денег координирует жизнь общества, так как реально делается только то, что создает движение денег, – производится только то, что можно продать, продается только то, что покупается.

Для поддержания этого закона евреи стали накапливать деньги (создавать избыток) и давать их в долг тем, у кого был недостаток, но на самом деле они давали деньги в рост, так как занимающий должен был возвращать долг с процентом. Так что они раньше других поняли, что деньги можно делать из денег и совсем необязательно пахать и сеять. Завершили они свою денежную миссию созданием финансовой системы, включающей в себя банки различного уровня, биржи, ипотечные, страховые компании и другие паразитические институты, объединенные в единую сеть с едиными правилами выполнения денежных транзакций.

В общем, евреи взяли деньги под контроль и стали дури т. д. другие народы. За это другие народы очень невзлюбили евреев и стали их гонять, часто при этом отбирая деньги.

Тогда евреи специально для этих других народов придумали Бога и напустили на них (на другие народы) его посланника – Иисуса Христа. Тот сказал, что убивать, красть и прелюбодействовать – нехорошо. Нехорошо также иметь деньги, так как легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай (рай – это такое место, куда все верующие, то есть те, которых обдурили, должны попасть после смерти). Но евреев это не касалось, так как они поклонялись совсем другому богу, а поэтому они продолжили свое черное дело – накапливать деньги и загонять других в долги. В общем, евреи опять обдурили другие народы. На всякий случай они и Иисуса Христа убили, спрятав, как говорится, концы в воду.

Через много-много лет все выглядело так, будто интеллект помог человеку покорить природу, но взамен заставил его выполнять что-то полезное неизвестно для чего и для кого. Вместо евреев Создатель мог избрать и любой другой народ, – впрочем, русских, например, вряд ли (русским была уготована совсем другая участь).

Можно привести и другие версии возникновения и развития морали.

Например, такую.

Сначала поступки оценивались очень просто – если я украл у кого-то барана или женщину, то это хорошо, а если кто-то украл у меня барана или женщину, то это плохо. Или: если я украл у кого-то барана или женщину, а меня за это побили, это плохо, а если я за то, что меня побили, кого-то убил, это хорошо. И так далее. Но умирать никто не хотел.

И люди, столкнувшись друг с другом сначала в борьбе за ресурсы, а затем и за деньги, для того чтобы не истреби т. д.уг друга, были вынуждены договариваться и вырабатывать некоторые правила поведения. Так и появилась мораль – не убий, не укради и даже не прелюбодействуй, как бы сильно этого не хотелось (некоторым до сих пор хочется), так как за это (прелюбодеяние) убивали больше всего.

Или другую.

Сначала у человека все было, как у животных. Сильные забирали себе столько пищи и самок, сколько им было надо, а когда сильные дряхлели, им на смену приходили «новые русские», которые, условно говоря, просто съедали старых.

Но когда включился интеллект, слабеющие, чтобы не быть съеденными, стали задумывать всякие козни и плести интриги. Они придумывали правила поведения, якобы для того, чтобы народу жилось лучше, типа: это – вредно, то – нельзя и т. д. На самом деле, они ограничивали свободу новых, затрудняя им захват власти.

Тогда новые стали бороться за свободу, якобы опять же для народа (при этом еще и добавляли такие слова, как равенство и братство, не понимая, что равенство и свобода несовместимы). На самом деле, они боролись за свою свободу, а народу были нужны хлеб и зрелища, а не свобода. Свобода народу вредна – он перестает работать, а обнаружив, что ему не дают ни хлеба, ни зрелищ, может начать бузить.

Когда новые побеждали в борьбе за свободу, они тут же ограничивали свободу еще больше, придумывая новые правила. Из всех этих правил и сложилась мораль, по которой бедному народу ничего нельзя – ни убивать, ни воровать, ни даже насиловать женщин (казалось бы, что может быть естественнее), и если кто-то совершал что-то аморальное, его судили. А тех, которые все это придумывали, судить было некому.

Можно привести и наукообразные суждения (многие считали, что этика, социология, политология и др. являются науками, но какие же это науки – так, словоблудие одно).

Итак, в целях самосохранения общество принуждает всех своих членов (кстати, не

членом быть нельзя) соблюдать определенные принципы и правила поведения. *Мораль* – это *неформальная* совокупность принципов, регулирующих отношения между людьми в обществе для обеспечения его самосохранения. Если деньги стимулируют, то мораль предохраняет – она является инстинктом самосохранения общества. Основной принцип морали – каждый член общества должен жить не столько для себя, сколько для общества.

Мораль складывается в процессе развития общества. Любой поступок человека может быть оценен и оценивается другими людьми с точки зрения последствий этого поступка для других членов общества и для общества в целом. Давая такую оценку, человек не вычисляет ее специальным образом и не задумывается об обосновании – он принимает во внимание последствия, имеющие отношения к нему лично.

Все поступки всегда оцениваются. Если поступок совершается не в первый раз, то его оценка каждый раз корректируется. Оценки сохраняются в памяти общины, передаваясь устно или письменно. Постепенно вместо перечисления поступков складываются некоторые принципы и правила оценки поступков. Они передаются через воспитание и образование в сказках, нравоучениях, обычаях, заповедях, законах и т. п. Это и есть мораль. Таким образом, любой человек, взрослея, получает некоторые знания, на основании которых он может со временем делать оценки и сам (это не алгоритм и не четкие инструкции, механизм работает на уровне инстинкта), внося свою лепту в развитие морали. Таким образом, каждый человек вносит свой вклад в формирование морали. Мораль разных народов, разных классов в разные времена может в чем-то различаться, но тенденция к единым принципам морали очевидна. И у богатых, и у бедных во все времена одни и те же страхи – не убий (меня), не укради (у меня) и т. д. Можно считать, что в современной моральной оценке учитывается мнение всех людей, живущих и когда-либо живших.

Не существует глобальной базы поступков и их оценок, так же как и не существует единого алгоритма вычисления оценок. Каждый член общины получает первоначальный список поступков с их оценками в результате воспитания и образования. В дальнейшем этот список каждый человек корректирует на основании собственного опыта.

Не существуя формально, мораль может существовать, только будучи отраженной в интеллекте каждого человека. Мораль можно представить как некоторый условный рефлекс, который формируется в интеллекте каждого человека под влиянием общества в результате воспитания, образования и деятельности. *Совесть* – это мораль, отраженная в интеллекте конкретного человека, позволяющая ему оценивать свои и чужие поступки с точки зрения их оценки обществом. Совесть у каждого человека своя – она формируется индивидуально из разных источников (происхождение, родители, среда и т. д.). Мораль можно также определить как сумму совестей всех людей, живущих и когда-либо живших.

Таким образом, человек упрятал под личину морали свою кровожадность, жестокость и похотливость. Порядочный человек должен каждой своей подлости найти моральное оправдание.

* * *

Простые вещи – деньги и мораль – на уровне государства покрыты мраком терминологии, сквозь которую невозможно прорваться нормальному человеку, а законы написаны так, что без квалифицированного юриста применять их на практике очень сложно. Сделано это для того, чтобы «дурить» народ. На самом деле деньги и мораль составляют основу жизни любого человека. Все люди вынуждены зарабатывать деньги,

тратить, занимать, планировать, экономить и т. д. Все люди вынуждены жить по морали, достаточно ясно представляя себе, «что такое хорошо, и что такое плохо».

Итак, интеллект заработал на полную катушку и построил цивилизацию (общество, в основе которого лежат деньги и мораль). Но когда интеллект запущен, остановить его уже невозможно. Он работает даже тогда, когда ни есть, ни пить, ни трахаться не хочется. Тогда он задается вопросом – зачем ***все*** это нужно, и начинает познавать окружающий мир, а именно это и было задумано Создателем.

И цивилизация распространилась по всей земле

Сначала распространились евреи. Первыми евреев невзлюбили египтяне и выгнали их из Египта. А потом пошло-поехало – евреи ушли из Земли обетованной и распространились по всей Европе, России и Америке. До Китая и Японии, правда, не дошли; говорят, там были свои евреи – корейцы.

Миграция

С самого начала человек был вынужден двигаться в поисках пищи. Довольно быстро он понял, что если в одном месте всё съели, то надо искать другое место, поэтому человеку всегда казалось и до сих пор кажется, что хорошо там, где его нет. И он шел туда, где, как ему казалось, было лучше. И действительно, там было лучше, но там уже были другие. Пришедшие, как правило, побеждали, потому что оказывались голодными и злыми. Но потом и в этом месте становилось хуже, и они двигались дальше. Иногда случались великие переселения, когда многие народы, вдруг, перемещались в поисках лучшей жизни или бежали в поисках спасения.

По аналогии со вторым началом термодинамики, любой вид органической природы равномерно заполняет доступное жизненное пространство. Как только достижение любой точки Земли стало возможным, жизненное пространство, по крайней мере временно, расширилось и замкнулось в масштабах всей Земли. Новой Америки нет, а до Луны пока очень далеко, так что в масштабах Земли люди стремились к равномерному расселению на удобном для жизни пространстве.

Другой причиной движения людей по планете является необходимость освежить кровь. Общество, в котором большинство членов становятся родственниками по крови, начинает вырождаться. Единственный путь спасения его генофонда – перемешивание с другими. Как бы не упорствовали оседлые народы в своем стремлении сохранить чистоту нации, они вынуждены освежать кровь и ассимилироваться в человечество. Механизм прост – мало того что морковки в других местах больше и она слаще, так еще и женщины в этих других местах краше. И вот эти, которым всегда кажется, что хорошо там, где их нет (им трудно понять, что, может быть, там потому и хорошо, что их нет), всегда стремились выбрать жену из соседнего села, племени, народа и т. д. Или просто набежать и перетрахать всех женщин на благо этих (перетраханых) народов. Потом нация будет, может быть, не такая уж и чистая, но зато здоровая.

Больше всех двигались евреи – некоторые думали, что миграцию изобрели евреи для того, чтобы жить за счет других народов, а другие думали, что миграцию изобрели специально для того, чтобы гонять евреев. В любом случае, евреи расселились первыми, первыми получили преимущество двигающихся и первыми заслужили неприязнь других народов.

В конце концов, люди более или менее равномерно заселили все пригодное (некоторые даже и непригодное) для жизни пространство Земли.

Интеграция экономики и финансов

Население Земли увеличилось, и двигаться стало значительно труднее. Большинство народов осели и стали пахать, сеять и что-то производить. И только некоторые неугомонные, у которых, как говорится, в одном месте гвоздь, не хотели сидеть на месте. Они поняли: чтобы получить то, чего нет, но хочется, не обязательно двигаться самому, можно передвигать то, что ему нужно – пищу, одежду, материалы и т. д. И они изобрели торговлю, а потом стали производить то, что пользовалось спросом, а потом стали формировать этот спрос. Для того, чтобы было удобно доставлять товары, они проложили

дороги, трубы, кабели и другие коммуникации, которые связали всех людей в единый организм.

А евреи давали им деньги. Наживались при этом, конечно, но деньги сами знают, куда идти. Туда шли деньги, обратно – нефть, обратно – деньги, туда – автомобили, гамбургеры и танки. Деньги идут туда, где возможен их (денег) рост, определяя направления развития экономики как по отраслям, так и географически. Развивающиеся страны нуждаются в новых технологиях, развитые страны нуждаются в ресурсах – это банально.

Мировая денежная система стала фактически кровеносной системой человечества. Выпадение из этой системы грозило экономическим упадком и деградацией. Более того, ни одно государство уже не могло быть самодостаточным даже при наличии такой возможности (ресурсы, население, уровень развития и т. д.), даже такие страны, как США, Россия или Китай. Экономика и финансы двигаются между государствами, как жидкость в сообщающихся сосудах.

Все ресурсы Земли, включая землю и недвижимость, стали доступны для купли/продажи. Люди покупали и продавали активы независимо от их местонахождения, несмотря на наличие границ и таможенных барьеров. Человек мог жить в одном месте, семья – в другом. Он мог иметь недвижимость, в том числе землю, в одном месте, работать – в другом, отдыхать – в третьем и т. д. Гражданство и место постоянного проживания быстро теряли свое значение.

Сближение культур

Все, что когда-то разделяло людей, сблизило их. Ни в чем так не различались люди, как в языках. Праотец всех богов, которого не было, сделал так специально. Он хотел, чтобы разные народы, познавая мир, выводили знания на разных языках. Тогда истинными знаниями можно было считать те, которые выводились бы на всех языках, то есть были бы независимы от языка. Но после объединения человечества в единый организм все их различия потеряли смысл. Все жили и думали одинаково, а истинность знаний проверяли с помощью компьютеров.

Общими стали мораль, религия, наука, искусство, развлечения и др. А говорить между собой разные народы стали на языке, похожем на английский, иногда очень похоже, иногда не очень. Но чувства свои они на этом языке выражать не могли. Чувства свои они оставили при себе.

И никакие националисты ничего не могли поделать – им даже материться приходилось на английском или русском (после того, как fuck you стало вполне цензурным), чтобы тем, кого они материли (а материли они либо русских, либо американцев), было понятно. Даже евреи, которые решили вернуться к ивриту, подписали тем самым себе приговор.

Доминирующие религии глобальны и принципиально мало чем отличаются друг от друга. Человеку необходимо верить, и большинство людей согласны с идеей единого Бога в качестве первопричины. Не имеет значения, кто и что под этим понимает – важна вера в первопричину. Даже неверующие могут отдать предпочтение христианству или исламу в зависимости от воспитания, страны проживания, морали и т. д.

Необходимость следования определенным правилам в отношениях между людьми и между народами очевидна, и эти правила вырабатываются на основе признания некоторой общей морали – понятий добра и зла как таковых и соглашений по основным принципам их интерпретации. Основа соглашений существует, так как такие принципы, как любовь к детям, уважение стариков, «не убий», «не укради», и многие другие лежат в основе морали большинства народов, населяющих землю.

Унификация быта

Человек, проводящий большую часть времени в помещении, не зависит от климатических условий, поэтому внешние различия между людьми исчезают.

Все производят одно и то же одними и теми же способами. Унификация производства унифицирует и быт. Ассортимент и качество товаров и услуг унифицированы и доступны везде. Жилье и мебель, одежда и кухня теряют национальную самобытность, не говоря уже о самолетах, автомобилях и компьютерах, которые не имели самобытности изначально.

И большинство людей стали есть одно и то же, одинаково одеваться и ездить на одних и тех же машинах. Даже по подиумам всего мира дефилировали одинаковые женщины, причем сначала они были просто стройные (90-60-90), но чем больше некоторые требовали толстухек, тем более тощими и плоскими становились женщины – в конце концов, идеалом женщины стал цилиндр (60-60-60), наполненный хрупкими и искривленными костями. Никто уже и не знал, что с такой женщиной можно делать, да они (женщины) и сами не знали, для чего надо так высоко поднимать колени при ходьбе по подиуму и не только.

Глобализация

Можно, конечно, дело представить с точки зрения миграции евреев, а именно: сначала они взяли под контроль США, потом сделали революцию в России и столкнули ее с США, ослабили в этой борьбе Россию и сдали ее на милость США, не предварительно приватизировали всё, что можно. А в других странах (Англия, Франция и др.) они сделали всё это без особого шума. Таким образом, евреи захватили большую часть активов Земли и управляют планетой через США. Но это слишком просто.

Само понятие «еврей» глобализировалось. Те, которые считали себя чистокровными евреями – ортодоксы – вырождались, изучая Тору на Земле обетованной, или, может быть, готовились к какому-нибудь последнему исходу. Среди других народов появились свои «евреи», которые объединились по духу с нечистокровными, но сильно распространенными по миру и не желающими возвращаться на Землю обетованную (бедная, все же, земля), образовав некую касту «новых евреев» (не путать с «новыми русскими», которые, по сути, были традиционными евреями), и взяли управление человечеством (надо же, чтобы кто-то управлял до поры до времени) в свои руки. Не имеет значения, был там еврейский заговор или нет. В конце концов, объединились даже антиглобалисты – парадоксально звучит: глобальное объединение антиглобалистов.

В отличие от пролетариев, которым нечего было терять, кроме своих цепей, и которые объединялись только для того, чтобы побужить, новые евреи насоздавали массу международных организаций (ООН, комитеты, комиссии и т. д.) через которые стали объяснять человечеству, как ему жить. Они и сами толком не знали, зачем и как, но другим объясняли. Они собирались в разных форматах – от большой восьмерки до малой сотни – в приятных местах, жили в хороших апартаментах, ездили на хороших машинах и говорили, говорили и говорили.

Все проблемы, с которыми сталкивался человек, с их помощью мгновенно становились глобальными – СПИД, птичий грипп, парниковый эффект, террорист-самоубийца и т. д. Не то чтобы они сами разносили по миру птичий грипп или заказывали террористов, хотя, кто его знает, – нет, но для решения этих проблем они объединялись и вырабатывали общие правила по соблюдению мер безопасности: ограничение вредных выбросов в атмосферу, профилактика вирусных заболеваний, борьба с международным терроризмом, стандарты на потребление энергии или воды, компьютерные интерфейсы, соблюдение прав человека и т. д. и т. п.

Глобальные проблемы (а все проблемы стали глобальными) решаются в их системе просто. Проблема констатируется (создается) и получает сильнейшее моральное обоснование, соответствующее глобальности, – из мухи делают слона. На ее решение из глобальных и локальных бюджетов выбиваются деньги. Бюджет распиливается инициаторами и исполнителями по стандартным схемам, после чего либо объявляют о решении проблемы, либо, что чаще и логичнее, требуют дальнейшего финансирования.

Например, птички еще только несут свой птичий грипп в некоторое совсем независимое государство, а там уже, в силу серьезности проблемы, приняли и распилили бюджет по борьбе с этим самым гриппом. Птички еще летят, а здесь все уже в марлевых повязках (последнее достижение медицины по борьбе с любыми болезнями), и никакой грипп, даже птичий, не пройдет. Несколько человек с другими, не идентифицированными как птичий грипп (попробуй найди этот грипп, если его, может быть, и нет вовсе), заболеваниями, конечно с самолета снимут и вылечат (а может быть, и не вылечат), чтобы победа была убедительнее.

* * *

Лозунг был прост – человечество должно построить глобальное свободное процветающее общество, в котором нет места угнетенным и обиженным. У обиженных нет другого выхода, кроме самоубийства – в противном случае они будут истреблены как индейцы воинствующих племен. Остатки, когда они перестанут быть опасными, будут доживать в резервациях. Человечество даже встретило третье по их летоисчислению тысячелетие, и было много шума по поводу того, как все будет хорошо.

Но вместо процветания наступил глобальный кризис

Сначала упали ипотечные компании и остановились стройки, затем индексы пошли вниз и упало производство, люди стали терять работу, цена на нефть упорно опускалась. Эксперты были растеряны, они не понимали, что происходит, и делали прогнозы в форме: «если..., то...». Самое гениальное предвидение – если цена на нефть упадет до тридцати долларов, то будет плохо.

Тем временем жизнь почему-то продолжалась – автомобильные пробки не рассасывались, заполнялись рестораны и стадионы, никто не умирал с голода. Тут сильные мира сего решили напечатать еще денег, чтобы помочь банкам выжить – клин клином вышибают. Банки получили вливание, фондовые индексы восстановились, цены на нефть пошли вверх. Власти объявили о том, что благодаря их правильной политике человечество выжило. Но что-то мешало им торжествовать в полной мере – очень осторожные заявления по поводу восстановления экономики сменялись прогнозами пессимистов о новых волнах кризиса.

Корабль с человечеством сел на рифы, получив при этом пробоину. Командиры, не мешкая, пробоину залатали и теперь ждут у моря погоды – может быть, подует нужный ветер, и корабль снимется с рифов сам собой. Главное, не упустить момент и вовремя прокукарекать, а там – хоть не рассвета́й.

Но был ли кризис, а если нет, то что это было?

Если смотреть с большого расстояния, то видно будет, что необходимость связывает свободу постепенно и непрерывно. При более близком рассмотрении можно обнаружить некоторые взлеты и падения в этом процессе. Они связаны с периодическими обострениями в вечном противостоянии между моралью (необходимость) и деньгами (свобода). Свобода, сопротивляясь, изобретает способы выживания, а мораль каждый раз этот способ уничтожает.

Кризисы всегда сопровождали развитие человеческого общества. Основная причина кризисов – существенное нарушение баланса между деньгами и моралью. Любая мораль, христианская, коммунистическая или исламская, предполагает жесткое администрирование всех сфер общественной жизни на основе принятой морали. Естественное движение денег останавливается, и экономика рано или поздно разваливается, а к власти приходят либералы. Противоположная крайность возводит деньги в абсолют, и экономику разрушают неизбежные при этом мыльные пузыри и пирамиды, а спасение приходит в виде государства и морали. Сначала кризисы случались в отдельных государствах, но чем больше государства связывались, тем большее их число вовлекалось в кризисы, и наконец глобализация привела к глобальному кризису.

Обычно, получив свободу, сильные захватывают власть. Получив власть, они тут же начинают изобретать правила поведения для других, ограничивая их свободу, якобы для того, чтобы сохранять и развивать общество, но на самом деле – чтобы удерживать власть. Ни один нормальный человек не желает свободы другому человеку – ни жене, ни друзьям, ни детям, ни любовнице, не говоря уже о врагах. Жена должна его обслуживать, друзья – не предавать, дети – слушаться, любовница – не изменять, а врагов должны рано или поздно пронести перед ним в виде трупов. Поэтому когда кто-либо говорит, что он желает свободы народу – он как минимум не понимает, о чем говорит. Подлинно свободный человек всегда пьян и живет под забором.

Когда Свобода приходит, Необходимость спрашивает у тех, кто больше всех напрягался за свободу, чего они теперь хотят, и они говорят (не вслух, конечно): власти и денег. Тогда Необходимость говорит им (не вслух, конечно): очень хорошо, вы – наши, вот вам власть и деньги, душийте Свободу. Они берут власть и деньги и начинают душить Свободу всякими демократическими методами, что и требовалось Необходимости по сценарию Создателя.

Сильные, пользуясь свободой, устанавливали правила, при которых они получали больше других. В стремлении «больше» предела нет, и рано или поздно они перегибали палку (меры в том, что касалось женщин и попить-поесть, они не знали), остальным становилось все «пофиг», производство удовольствий падало, а вместе с этим и всего необходимого становилось меньше. И они (сильные) старели и дряхлели. Тогда некоторые, которые всегда считают себя несправедливо обделенными, начинали бороться за свободу (за свою свободу), сначала давая свободе новый шанс для выживания, а затем, получив желанную свободу (от прежних сильных), изобретали еще более жесткие правила для ее подавления.

Были, например, коммунисты, которые хотели построить рай на земле, чтобы всем было хорошо, чтобы все были свободны и равны, чего не может быть в принципе – свобода противоречит равенству, так же как и необходимости (полное равенство означает полную победу необходимости и, соответственно, конец). Они истребили много несогласных и много энтузиастов, но смогли построить ущербное общество, в котором им

было несколько лучше, чем другим, но в целом всем почему-то было все «пофиг» – все равны, всем плохо, но и не нужно ничего.

В процессе этих перемен изобретались сначала новые формы денег, а затем новые формы морали. Таким образом, деньги и мораль эволюционировали: деньги прошли путь от натурального обмена через монеты, золотой эквивалент, бумажные деньги до ценных бумаг, векселей и деривативов, а мораль, соответственно, от диктата вождя через советы старейшин, религиозную мораль, право божьих наместников, коммунистическую мораль до демократии.

Но вот сложившиеся формы денег и морали исчерпали себя, и наступил глобальный кризис.

Деграция денег

Основной причиной финансового кризиса считался «мыльный пузырь» необеспеченных денег. Об этом не говорил только ленивый.

Можно, конечно, обвинить, как всегда, евреев. Например: движением денег управляют евреи, поэтому кто-нибудь, похожий на Джорджа Сороса (в соответствии с протоколами сионских мудрецов), обрушивает валюту. Или: финансовой системой опять же управляют евреи, поэтому кто-то, похожий на Алана Гринспена (в соответствии с протоколами сионских мудрецов), изменяет процентную ставку – индексы растут (падают), а денежки почему-то текут в руки каких-нибудь гринспенштейнов и соросбергов.

Но мыльные пузыри делали все, не только евреи. Общий механизм надувания мыльного пузыря предельно прост. Деньги привлекаются под обещания (высокий процент, социальный эффект, ведение войны), которые выполняются не реальным производством, а привлечением еще больших денег под новые обещания. Даже если реальное производство присутствует, количество привлеченных денег неадекватно реальной отдаче. Для затыкания дыр государства печатают необеспеченные деньги, якобы в соответствии с монетарной теорией Фридмана (был такой, то ли экономист, то ли финансист, но уж очевидно еврей, который получил за свою теорию Нобелевскую премию). Спасать экономику деньгами равносильно вытягиванию самого себя из болота за уши по методу барона Мюнхгаузена. На самом деле, все эти бароны в глубине души всегда надеются на технологический прорыв, который все покроет, или войну, которая все спишет. Таким образом строится мировая финансовая пирамида.

Параллельно по тому же принципу многочисленные предприимчивые люди (в свое оправдание они говорят, что у евреев научились) строят свои пирамиды и пирамидки. К счастью, или к несчастью, люди не могут печатать деньги, поэтому, достигнув некоторого порога необеспеченности, пирамидки рушатся, подтачивая мировую финансовую пирамиду.

В результате традиционные деньги перестали играть роль универсального эквивалента энергии. Мировая финансовая пирамида, благодаря регулированию (вытягиванию за уши), новым технологиям и войнам, может существовать долго. Но не вечно.

Деграция морали

Падение нравов продолжается вечно. Во все времена люди старшего возраста говорили о том, что современная молодежь теряет веру в бога, не уважает старших, предается разврату, поклоняется золотому тельцу и т. д. и т. п. И черт знает, кто в этом виноват. Одни обвиняли коммунистов, другие – американцев, все вместе – евреев, но никто никогда не обвиняет себя.

Люди всегда хотели построить светлое будущее, но кончалось это всегда очень

темным настоящим. Но оказалось, что если не строить это светлое будущее, то может быть еще хуже. Некоторые даже построили социализм, но что дальше? Не коммунизм же, в самом деле.

Деньги несут свободу, свобода освобождает деньги. А когда нет ограничений, то денег становится столько, что они перестают играть роль универсального эквивалента энергии. После того, как «ум, честь и совесть эпохи» убили, оказалось, что на самом деле нечем останови т. д.ньги. Более того, они убивают мораль. Так называемая империя зла (СССР) была уничтожена, но тогда носителем зла стал победитель – США, как в древней китайской сказке, в которой дракон, олицетворяющий зло, всегда побеждает.

Когда-то мораль начиналась с того, что за украденную корову можно было получить по башке, и поскольку это было плохо, люди пришли к выводу, что лучше не воровать. Но теперь о воровстве не было и речи. Те же самые люди, которые раньше воровали или отбирали, теперь представляли дело так, что корову надо забрать, потому что нерадивый хозяин не может ее прокормить. А те, которые корову заберут, и ее прокормят, и нерадивому молока дадут (мяса не дадут, чтобы не поощрять хищные инстинкты), и все это исключительно в интересах этого самого нерадивого. Денег было много, давались они легко – только руку протяни. Все стали брать, и все забыли, что «легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Заповедь *не укради* ушла на отдых.

Другую известную заповедь – *не прелюбодействуй* – нарушали и нарушают многие, но мало кто афиширует свои подвиги. И вдруг весь мир узнает от аморальных разоблачителей из аморальной прессы о том, что их президент, в силу своей страшной занятости, вынужден разгружать свою репродуктивную функцию в овальном кабинете противоестественными способами (по этому поводу даже гангстер в одном фильме говорит, что он не может применять этот способ в интимных отношениях с женой, так как она же этими губами целует их ребенка). А другие президенты доказывали, что все это можно делать не только в овальном кабинете и с гораздо более молодыми и красивыми, но и в квадратном, на треугольном (для большей устойчивости) столе. Их даже пытались привлечь к ответственности за растление несовершеннолетних, как будто больше привлечь было не за что.

Следующий, отгуляв в молодости, решил любой ценой принести свободу другим народам. Ради великой цели сначала искали повод, а потом просто нашли крайнего (отнюдь, конечно, не ягненка, который «виноват уж тем, что хочется мне кушать») и повесили его на глазах у изумленного человечества. Некоторых даже тошнило. Никто и не вспомнил заповедь НЕ УБИЙ, которую давным-давно посланник Бога призывал соблюдать по отношению ко всем, даже самым отъявленным негодяям. И убийство стало обыденным. Убивали террористы, убивали террористов, стреляли сумасшедшие, работали киллеры. Одного тирана убили без суда и следствия, и «прогрессивная» часть человечества рукоплескала освобождению несчастного народа.

Добро и зло в так называемом цивилизованном мире смешались, традиционную мораль уже невозможно было поддерживать ни заклинаниями о Боге, ни коммунистическими идеалами, ни сказками о демократии.

Новым оплотом морали мог бы стать ислам. Мусульмане чтят заповеди и соблюдают обычаи, а неверных (американцев и русских) они терроризировали самоубийцами. Если человек отдает жизнь за что-то, значит, оно того стоит. Новый мессия, Усама Бен Ладен, погиб легче, чем Иисус Христос, но последователей у него было тоже немало. Кто знает, чем бы дело кончилось, но время религии ушло. Наступало время е-..., но об этом позже.

Стагнация

Менеджеры появились сразу и везде. Они оказались еще хуже, чем евреи, попы и идеологи, вместе взятые. Они объясняли, как надо жить, и описывали бизнес-процессы этого «как надо жить», заседали, подписывали конвенции, разрабатывали и принимали стандарты, и говорили, говорили и говорили. Они управляли персоналом, придумывая всякие якобы необходимые требования, которым этот персонал должен удовлетворять. В соответствии с этими требованиями сотрудникам нужны были всякие степени и сертификаты, их интервьюировали и тестировали. Все эти испытания могли пройти только потенциальные менеджеры – относительно свободный человек с головой отбраковывался. В результате к управлению обществом во все сферы жизни (от политики до уборки мусора) пришли менеджеры.

Сами менеджеры были убеждены в том, что они управляют всем и всеми, всей планетой. Осознать свою миссию они не могли, так как думать не умели, ничего толком не знали и ни в чем не разбирались. Они, как овчарки, смотрели за стадом баранов, чтобы никто не отбился. Основная их миссия заключалась в том, чтобы заменить мораль (неформальные принципы поведения) на регламент (формальные правила существования), поэтому они по определению были аморальны. Они просто загоняли человека в строй, в который сами стали добровольно. Пастухи тоже, конечно, были, но они просто наблюдали, как менеджеры, надрываясь, выполняют свою функцию. Самим пастухам уже не нужно было ничего, им было скучно.

Но так, как хотели менеджеры, человек жить не хотел, а жить так, как он, может быть, и захотел бы, не давали менеджеры. Жизнь все больше становилась виртуальной – менеджеры изображали управление человеком, а человек изображал подчинение менеджерам. Человек превращался в якобы послушно функционирующее создание. Он сдавал анализы, собирал справки, снимал обувь в аэропорту, отчитывался и бесконечно оправдывался. Менеджеры обеспечивали ему безопасность, здоровье и социальную защиту, поскольку сам он обеспечить себе все это был уже не в состоянии. Те немногие, в которых свобода еще теплилась, наталкивались на массу ограничений в каждой ее реализации и в конце концов также попадали в колею или кончали жизнь самоубийством (пьянство, наркотики, терроризм). В цивилизованном мире желать было больше нечего, потому что попить и поесть давали и так, а покурить и потрахаться даже президентам было сложнее, но и желающих становилось все меньше. Опять же пропаганда – не в ней, конечно, суть, но все же.

Мораль ограничивает свободу принципами, регламент убивает свободу правилами. Свободы в цивилизованном мире почти не осталось.

Революции

Но даже во время глобального кризиса начала третьего тысячелетия (по общепринятому календарю, который вел счет от рождения Иисуса Христа – посланника Бога) оставались еще не столь цивилизованные, так называемые развивающиеся страны, в которых до спокойствия было еще далеко, и в которых можно было провоцировать революции и вести войны.

Кризисы всегда приводили к революциям и войнам. Потом детям на уроках истории (по крайней мере марксистско-ленинской истории) объясняли, что надо различать повод, например убийство какого-нибудь эрцгерцога где-нибудь в сарае, и причины – как правило, передел основных жизненно необходимых ресурсов.

И действительно, передел всегда происходил, причем иногда невозможно было даже найти еврейский след.

Принципиальная причина была проста и заключалась в том, что энергия всегда стремится к равномерному распределению в доступном пространстве. В цивилизованном

обществе энергию представляют деньги. Согласно закону распределения энергии, деньги в доступном пространстве двигаются от большого потенциала к меньшему, стремясь к равномерному распределению.

Перераспределение денег соответствует перераспределению ресурсов и вызывает различные процессы – миграцию, объединения, распады, войны, революции и др.

Очень большая разность потенциалов приводит к войне, в которой кто-то кого-то завоевывает, или к революции, в которой у кого-то все отбирают. И в том, и в другом случае также создаются благоприятные условия для перераспределения ресурсов (денег).

Бедные в своих бедах всегда обвиняют богатых. Чем богаче богатые, тем больше бедных и тем они беднее. Революции не заставляют себя ждать. Потому что энергия стремится к равномерному распределению.

Если разность потенциалов невелика, то перераспределение происходит мирным путем – миграция, объединение. Богатые должны делиться с бедными своевременно. Объединение всегда происходит под благозвучные лозунги, но в реальном объединении уровень жизни должен выравниваться соответственно перераспределению денег. В объединенной Европе, например, немцы должны были смириться с тем, что они будут жить хуже, а греки – лучше.

Вдруг выясняется, что эти бедные работать не хотят, как и не хотели, потому что, например, на юге жить и без работы приятно, и вообще непонятно, зачем эти обезьяны начали трудиться и превратились в человека, когда можно было скакать по деревьям и заниматься более приятными вещами (понятно чем). Но деньги для корректировки уровня жизни им (этим бедным) уже дали, а не давать дальше уже нельзя, потому что они обидятся и объявят дефолт. Не зря говорят: «Не накормишь, не напоишь – врага не наживешь». Не так уж сложно накормить этот ленивый народ, но заставить работать сытого невозможно.

* * *

Одним словом – кризис. В цивилизованном мире люди требовали «справедливого» перераспределения (отобрать у банкиров и разделить), а в развивающихся, богатых ресурсами странах начались революции (у правителей отбирали нажитое непосильным трудом). Однако никто не хотел повторения кровавого прошлого. Большинство понимало, что необходим более жесткий регламент существования всего и вся, – но как этого добиться? Можно по старинке какое-то время закручивать гайки силовыми методами, но Необходимость уже приготовила принципиальный ответ в виде е-... Видимо, так задумал Создатель, которого никогда и нигде не было.

А е-... подкрался незаметно

Лингвистически е-... означал «электронный», например, е-правительство (электронное правительство), е-деньги (электронные деньги) и т. д. Содержательно приставка е-... означала, что то, что следует за ней, построено исключительно на информационных технологиях. На русском языке приставка могла вызвать менее благозвучные ассоциации, например сочетание «е-гражданин» могло означать, что государство действительно имеет гражданина в извращенной форме, а именно, с помощью информационных технологий (на самом деле, так оно и было).

В основе е-... лежал *компьютер*. Продвижению е-... способствовали *мобильный телефон, электронные карты, системы искусственного интеллекта, видеокамеры* и т. д., но главную роль, безусловно, сыграл *интернет*.

Компьютер

Все началось с компьютера (сначала он назывался электронно-вычислительной машиной). К тому времени человек, это ленивое, как и все хищники, от природы существо, большую часть физического труда переложил на машины. Но этого показалось мало. Он захотел переложить на машину и умственный труд. Он мечтал о том, что создаст искусственный интеллект, который будет думать так же, как человек, и даже лучше. Он даже не подумал о том, что сделает этот монстр, не отягощенный таким атавизмом, как душа, с ним, несчастным, стоящим интеллектуально на ступень ниже. Он всегда хотел как лучше, но всегда ошибался.

Не обошлось, конечно, без евреев. Им сразу так понравилось программировать тех, которые потом будут делать то, что им прикажут, что они даже бросили свою любимую игру – шахматы (в шахматы потом стали играть другие, даже развивающиеся народы) и переключились на программирование.

Довольно скоро компьютеры стали применяться практически везде – они выполняли рутинную работу (вычисления, которые могут быть регламентированы), управляли предприятиями (учет, контроль и т. д.), бытовыми приборами, автомобилями, беспилотными истребителями и космическими кораблями, и даже, о ужас, электронным правительством (к счастью, на самом деле такого правительства не было, а реальным правительством управляли менеджеры). Компьютеры развлекали, играли и т. д. и т. п.

Мобильный телефон

Мобильный телефон стал одним из самых выдающихся изобретений человека. Он позволил связываться людям между собой, находясь практически в любом месте, в любое время. И человек пользовался этим – они поздравляли с днем рождения всех, кто записан в записной книжке телефона, вызывали аварийную машину за город, передавали шпаргалки сдающему экзамен и т. д. и т. п. Влюбленные терроризировали друг друга эсэмэсками днем и ночью, а некоторые даже пострадали после того, как их переписку обнаруживали те, которым эту переписку читать было крайне нежелательно (отнюдь не мама с папой).

Затем в телефон «навернули» все, что можно – справочники, органайзеры, навигаторы, игры и прочее, а довершили интернетом (об этом позже), мобильный телефон стал коммуникатором – новым неотъемлемым органом человека, и человек, таким образом, эволюционировал из человека разумного в человека связанного (человека с коммуникатором). Часть разума при этом была потеряна.

Электронные карты

Еще одно чудесное изобретение – электронная карта.

Все началось с безналичных денег. В какой-то момент банки поняли, что совсем необязательно физически переводит деньги – можно переводить только записи о деньгах.оборот ускорился, и банки получали денег больше, а именно для этого они и были придуманы. Естественно, реальное обеспечение должно существовать, но это уже было не совсем однозначно. Например, можно было сначала выдать, а потом принять. Деньги стали виртуальными задолго до появления понятия виртуальной реальности.

Первыми виртуальными деньгами воспользовались казино. Они заменили механику в самом популярном одноруком бандите на электронику. Раньше человек вставлял в автомат монету, нажимал на ручку, слышал звон падающих в поддон монет, доставал их и, если монет было много, складывал в ведро, а потом с этим ведром бродил по лесу автоматов до тех пор, пока не проигрывал всё. Теперь процесс значительно упростился – в автомат вставляется купюра и на табло загораются цифры текущего счета, соответствующие номиналу купюры. А дальше все просто – нажимаешь на кнопку, и в случае выигрыша счет увеличивается, а в случае проигрыша – уменьшается. И так – до нуля. Народ стал проигрывать быстрее и легче, что и требовалось.

Банки первыми буквально набросились на компьютеры. Все расчетные счета и данные о клиентах находились в базах данных компьютера, все операции (зачисление, снятие, переводы, платежи и т. п.) выполнялись в информационной системе банка, все межбанковские расчеты выполнялись через телекоммуникации. Деньги фактически стали электронными. И тогда банки придумали электронные карточки как платежное средство. При любых расчетах карта вставлялась в специальное устройство, и деньги переводились со счета покупателя на счет продавца.

Так же как и в казино, люди намного легче расставались с виртуальными деньгами.

Но карты стали использовать не только в банках. Карты использовали как ключи для доступа в помещение, как счетчики числа посещений заведения, как пропуск и т. д. Бумажник человека был набит картами. Не за горами был тот день, когда человек получит еще один орган – электронную карту, в которой будет записана вся информация о нем, начиная с даты рождения и группы крови, кончая всеми счетами в банках и сертификатами об образовании.

Под системой искусственного интеллекта человек понимал любую систему, моделирующую деятельность его интеллекта. Человек наивно полагал, что в основе его мышления лежит какая-то логика, которую, в конце концов, можно реализовать на компьютере.

Суть логики можно продемонстрировать следующим образом.

Под *фактом* будем понимать элементарное утверждение об окружающем мире, выражаемое простым предложением, например, «Иванов – человек», «Казахстан – государство» и т. д. Под *конкретным знанием* будем понимать утверждение, связывающее два факта в причинно-следственное отношение и выражаемое сложноподчиненным предложением типа: «Если Некто – человек, то Некто ошибается».

Если заменить конкретные слова естественного языка символами, то факты можно представить в форме «X – с», а знания – в форме «(X – с) – > (X – d)». Назовем эти формы, соответственно, *формальными фактом и знанием*.

Логический *механизм вывода* позволяет формально из известных фактов и знаний выводить новые факты. Используя введенные выше обозначения, простейший механизм вывода можно представить следующим образом: из известных факта «X – с» и знания «(X – с) – > (X – d)» следует (выводится) факт «X – d».

Работу правила вывода на конкретных фактах и знаниях демонстрирует следующий пример. Человек знает, что «все люди ошибаются», или, другими словами, есть знание «Если Некто – человек, то этот Некто ошибается». Также у него есть знакомый по фамилии Иванов, то есть имеет место факт «Иванов – человек». Если подставить в первое предложение Иванов вместо Некто, получим «Если Иванов – человек, то Иванов ошибается». Работа правила вывода заключается в том, что оно позволяет констатировать, что «Иванов ошибается». Важно понять, что в логике этот факт без механизма вывода не выводится. Предположим, что имеет место еще один факт – «Шарик – собака». Подставив Шарик вместо Некто, мы не выведем заключения «Шарик ошибается», поскольку «Шарик – не человек». Можно, конечно, решить, что Шарик не ошибается. Возможно, и так.

Назовем факт *выводимым* (доказуемым), если он может быть выведен в теории с помощью логического правила вывода. С другой стороны, факты должны подтверждаться наблюдениями. Назовем факт *достоверным*, если подавляющее большинство людей либо наблюдали этот факт, либо признают свидетельства очевидцев (факт имеет место быть в модели). Факты, одновременно и достоверные в модели, и выводимые в соответствующей этой модели теории, назовем относительно истинными. Достоверность не влечет за собой выводимость, и обратно – выводимость не означает достоверность. Абсолютная истина недостижима, но для практических целей всегда можно прийти к соглашению об относительной истинности. Теорию, в которой выводятся все достоверные факты соответствующей модели, назовем относительно истинной, или адекватной.

Человек всегда обнаруживает новые факты в окружающем мире. Если такие факты повторяются и находят другие подтверждения, то они принимаются достоверными. Теперь необходимо попытаться вывести (доказать) их в рамках принятой теории. Для этого необходимо, во-первых, найти истинные в данной теории факты, которые неизменно связаны с новыми фактами и потому могут трактоваться как причина, во-вторых, индуктивно сформулировать причинно-следственное отношение в виде элементарного знания, содержащего в качестве причины истинные факты, а в качестве следствия – новые факты. Если это удастся, то теория расширяется добавлением нового

знания, и новые факты становятся истинными относительно данной теории.

Если не удастся доказать новые факты в рамках принятой теории (новое знание противоречит совокупности знаний этой теории), то необходимо скорректировать знания так, чтобы новая теория сохраняла непротиворечивость и при добавлении нового знания, и таким образом истинность теории будет восстановлена. В истории развития человеческого интеллекта это происходит постоянно.

Если бы знания и механизм вывода были столь однозначны, как представлено выше, мир был бы на 100 % детерминирован. Очевидно, это не так, и определенная степень свободы всегда имеет место в развивающейся Вселенной. Для учета этой свободы будем считать, что каждому ее знанию соответствует вероятность (некоторое число от 0 до 1) успешности применения к нему механизма вывода. Например, знание «Такие-то условия ведут к дождю» с вероятностью 0,7 приведет к тому, что только в 7 случаях из 10 механизм вывода сработает, и в таких-то условиях будет дождь.

Вероятность характеризует среднее число успешных «использований» знания. В действительности значение успешных «использований» изменяется в зависимости от многих обстоятельств, в результате чего значения успешных применений, которые наблюдает каждый человек, отличаются друг от друга. В одном месте наблюдается 7 случаев дождя, в другом может быть 6 или 8.

Каждому факту или знанию будем приписывать некоторое число от 0 до 1, характеризующее степень нашей веры в то, что этот факт или знание соответствует действительности. Назовем это число *достоверностью*. На значение достоверности влияют как собственные наблюдения и выводы, так и свидетельства и мнения других людей (родители, учителя, ученые и др.). Значение достоверности общезначимых утверждений (фактов или знаний) определяется простым голосованием.

Будем считать, что в адекватной модели среднее значение достоверности знания соответствует (является достаточно близким по значению) вероятности применения этого знания в реальной Вселенной. Другими словами, факты, выводимые из знания, имеющего некоторую достоверность, в реальности будут следовать с вероятностью, равной этой достоверности.

Система искусственного интеллекта с встроенной логикой может на основании введенных фактов и знаний, выводит другие факты и знания (подобно тому, как это описано выше).

На практике эта идея активно внедрялась в виде так называемых экспертных систем. В классическом понимании экспертная система – это комплекс программ с встроенной логикой, который на основе введенных в него знаний может производить экспертизу (давать ответы на запросы) по конкретным фактам.

Для ввода знаний обычно разрабатывался язык представления знаний, соответствующий встроенной логике, но понятный для профессионалов, работающих в данной предметной области. В основе языка лежат конструкции типа представленных выше (факт в виде утверждения, знание в форме «если..., то...»). Представление знаний являлось самым узким местом в создании реальных экспертных систем – невозможно извлечь из эксперта все его знания, поэтому, в лучшем случае, такие системы были, мягко говоря, «наивными». Это и предопределило их судьбу – систем, которые работали хотя бы на среднем уровне врача, юриста, ремонтника и др. создано не было.

Основная причина заключается в том, что создатели этих систем выбирали предметные области (диагностика, ремонт и т. д.), в которых знания формируются длительное время естественным образом и систематизировать их на естественном языке не представляется возможным в принципе. Другое дело – искусственные системы, такие

как кодексы законов и правил.

Видеокамеры

Видеокамеры – это устройства, позволявшие наблюдать, записывать или передавать все происходящее в пределах видимости. Сначала с помощью видеокамер снимали кино. Камеры были громоздкие, сложные и дорогие. Ими пользовались профессиональные операторы.

Потом появились цифровые аппараты, мобильные телефоны, и как-то вдруг видеокамеры появились везде. Они торчали на дорогах, фиксируя превышение скорости, наблюдали за посетителями в банках и магазинах, охраняли дома, транслировали морской пейзаж в тундру. Любой человек мог снять ролик о том, что происходит рядом с ним – пейзаж, девушку, преступление, катастрофу.

Чье-то недремлющее око миллиардами глаз пристально наблюдало за жизнью человека. И прятаться от него становилось все труднее.

Электронное голосование

Получило широкое распространение электронное голосование – в парламенте (нажатием кнопки), в соревновательных телепередачах (звонок на соответствующий номер), во время выборов (специальные устройства) и т. д.

Организация голосования по любому вопросу для любого множества людей через Интернет не представляла технической проблемы. Необходимо было только принять законы, регламентирующие его использование и исключающие возможные манипуляции со стороны организаторов голосования.

Любой вопрос – референдум, выборы, судебное дело – мог быть решен быстро и достоверно.

Электронный судья

Необъективность судей общеизвестна. Судья, как и любой человек, не может быть объективным – он имеет свою мораль, свои предпочтения и свои (о ужас) недостатки. Судьи имеют право на ошибки (человеческий фактор) и совершают их.

Наиболее очевидна и безобидна необъективность спортивных судей. В спорте всем все понятно, поэтому, когда судья неправильно определяет положение вне игры, неадекватно штрафует или в упор не видит нарушение правил, это замечают тысячи людей. Возмущаются спортсмены, возмущаются болельщики, случаются скандалы.

В то время была такая очень популярная спортивная игра – теннис. Точнее, две наиболее популярные игры – футбол и теннис. Футбол – массовая игра, игра для толпы и по числу играющих (одиннадцать на одиннадцать), и по числу болельщиков (миллионы). Теннис – игра индивидуальная, один на один, не всем доступная. В этих играх, как, впрочем, и в большинстве других, были такие правила, что для их соблюдения и разрешения (недопущения) споров назначались специальные спортивные судьи, такие же, как обычные судьи, – не всегда объективные, но имеющие право на ошибку. Они определяли попадание мяча в корт, пересечение линии ворот или положение «вне игры» (одно из самых, на первый взгляд, дурацких правил, но с помощью которого можно влиять на результат). В основном, правила позволяли судьям влиять на результат.

В теннисе попадание мяча в корт фиксировалось несколькими судьями, однако споры и скандалы по этому поводу возникали достаточно часто. Мяч считается в корте, если он задел линию, ограничивающую корт, даже если он задел ее всего на миллиметр. Естественно, разглядеть этот миллиметр ни один судья не в состоянии, естественно, каждый игрок трактует этот миллиметр в свою пользу, а судья имеет право на ошибку (человеческий фактор), которую он во многих случаях и совершает.

Для устранения издержек человеческого фактора была разработана компьютерная

система, точно определяющая попадание мяча в корт. Суть ее заключалась в том, что компьютер с помощью видеокамеры отслеживал движение мяча и фиксировал касание мячом поверхности корта. Если игрок сомневался в решении судей, то он (несколько раз за игру) мог потребовать применения этой системы. Тогда на большом экране демонстрировался полет мяча и след его касания, причем компьютер выносил вердикт – попал мяч в корт или нет, так как иногда даже на большом экране невозможно было увидеть этот миллиметр.

Скандалы по поводу попадания мяча в корт почти закончились. Некоторые абсолютно непогрешимые теннисисты, а таковыми себя считали большинство, не всегда верили компьютеру, но более важно то, что подозревать компьютер в необъективности никто не решался. Очевидно, компьютер мог бы свистком останавливать игру, объявлять причину, вести счет и т. д. Перспектива очевидна – рано или поздно судить в спорте должны компьютеры. Очевидно было также, что электронный судья будет объективнее судьи-человека.

Электронное правительство

Тогда же возникла идея сделать электронным и правительство. Для того, чтобы сделать правительство электронным, то есть переложить всю его работу на компьютер, необходимо было понимать, что такое правительство, что оно делает, какими правилами руководствуется и т. д. Но единственное, что было известно, – это то, что правительство должно управлять государством. Больше о правительстве ничего толком не было известно никому, в том числе и самому правительству.

Поэтому люди, которые ухватились за эту идею (они были из менеджеров, как, впрочем, и большинство членов правительства), провозгласили, что электронное правительство должно оказывать государственные услуги населению в электронном виде для избавления гражданина от рутины и коррупции. Поскольку ни государство, ни правительство никаких услуг населению не оказывало (за исключением «медвежьих») и оказывать не собиралось, электронное правительство так и осталось в голове его идеологов.

Но частные компании, оказывающие услуги населению за деньги, эту проблему быстро решили – они стали действительно оказывать услуги в электронном виде через Интернет (об этом чуть позже). Со временем все стали оказывать услуги через Интернет (по-другому просто уже было нельзя), и идеологи объявили о победе электронного правительства. Много позже они поняли, что для избавления гражданина от рутины и коррупции надо просто избавить его от «услуг» правительства.

Значительно важнее были так называемые государственные базы данных – базы данных физических и юридических лиц, регистр недвижимости, земельный кадастр, база данных транспортных средств и др. В этих базах должна находиться вся информация обо всех активах, гражданах и их связях между собой. Те, кто задумывал е-правительство, на самом деле, создали условия для появления е-гражданина, чего, как оказалось, они, сами того не подозревая, хотели.

Интернет

Процесс электронизации человека довершил Интернет. Начавшись с простого объединения компьютеров в сеть, Интернет неожиданно быстро стал одним из самых востребованных атрибутов жизни. В Интернете продавали товары, резервировали билеты на самолеты и в театры, посещали кинотеатры и стадионы, платили налоги, учились, заказывали пиццу и девушек, узнавали все новости и сплетни, играли и знакомились, играли и общались, играли и влюблялись.

Появились люди, для которых Интернет стал необходимым и достаточным условием

существования – необходимым, потому что без него они не могли жить, достаточным, потому что ничего, кроме Интернета, им не требовалось. Человек превращался в терминал Интернета, сначала мобильный, а затем и стационарный. Для того чтобы не было необходимости передвигаться, оставалось создать сети продуктопроводов, по которым непосредственно в любое место будут подаваться специальные пригодные для транспортировки продукты, аналогично воде, теплу и электричеству.

* * *

Компьютеры стали управлять производством, технологическими процессами, планированием ресурсов, проведением досуга. Человеку не надо было больше пахать и сеять, и он перестал работать в том смысле, в каком он понимал это совсем недавно. Человек все больше уходил в Интернет играть и мастурбировать. Как сказал один великий философ, «Разум ведет человека из царства свободы в царство необходимости».

Необходимость готовилась нанести последний удар по Свободе. Никто не задавался вопросом, хорошо это или плохо, настолько это казалось неизбежным. Очень коварным оказался Создатель, которого никогда и нигде не было.

И е-... распространился повсюду

Человек придумал компьютер для облегчения жизни, а в результате сам полностью подчинил себя компьютеру. Государство превратилось в е-государство. В основании е-государства лежало не просто тотальное использование информационных технологий во всех сферах его жизни, но и (это самое главное) тотальный компьютерный контроль всех жизненных процессов общества и всех его членов. Прежде всего, электронными стали деньги и мораль – компьютер взял под контроль взаиморасчеты и взаимоотношения между людьми.

е-финансы

Е-деньги – это электронная система поддержания бухгалтерского баланса в масштабах государства. В этой системе учету подлежат абсолютно все денежные транзакции, выполняемые в государстве, – эмиссия, платежи, переводы, депозиты, передача денег между физическими лицами, кредитование, налоги и т. д.

Природа электронных денег достаточно проста – электронные деньги существовали в виде условных единиц на расчетных счетах, депозитах и других типах вкладов юридических и физических лиц в банках и других финансовых институтах. Все расчеты между участниками рынка выполнялись исключительно в электронном виде. Все участники расчетов, как юридические, так и физические лица, имели устройства, позволяющие выполнять электронные платежи.

Решающая победа е-... была достигнута с полной отменой наличных денег. Ликвидация наличного оборота позволила взять под контроль абсолютно все финансовые транзакции и практически бесконечно сохранять их в архивах. Человек стал финансово прозрачен.

Платежи выполнялись в специальной защищенной глобальной сети платежей. Все граждане имели устройства для электронных расчетов. Иногда это были устаревшие электронные карточки, которые, тем не менее, позволяли быстро и удобно оплачивать полученные товары и услуги. Чаше платежные устройства встраивались в коммуникатор, и тогда последний имел и специальные разъемы, и программное обеспечение для доступа в платежную сеть и выполнение платежей. Юридические лица, как правило, осуществляли платежи с помощью компьютера.

При расчетах внутри семьи (муж, жена, дети и т. д.) как правило, использовались дополнительные карты на использование счета владельца денег. При этом дополнительная карта могла быть лимитирована как на количество снимаемых денег, так и запросом на разрешение операции у владельца. Например, ребенку на карманные расходы открывается карта на счет отца, но при выполнении операции на мобильный телефон отца приходит запрос на разрешение операции. Таким образом исключается тайное вымогательство денег у детей, и не только.

е-налоги

Другим значительным, после отмены наличных, достижением электронных денег стало введение единственного и единого для всех физических и юридических лиц подоходного налога, что принципиально похоронило налоговую систему как таковую.

Основная декларируемая цель налоговой системы государства – собрать деньги с его граждан (юридических и физических лиц) для выполнения общегосударственных функций, таких как оборона, безопасность, социальная защита, охрана общественного порядка, наука, культура и т. д. (еще это называлось – пилить бюджет). Для выполнения этих функций государство ежегодно принимает государственный бюджет, основной

доходной статьёй которого является поступление налогов.

До введения единого подоходного налога налоговое законодательство было чрезвычайно усложнено и требовало ведения бухгалтерского учета для определения налогооблагаемой базы (естественно, все старались уменьшить ее), а также проверки правильности ведения этого учета, для чего существовали налоговая инспекция, финансовая полиция и т. д. С помощью налогов пытались регулировать направления деятельности общества (поощрение уменьшением налогов в некоторых случаях), стимулировать производственные расходы, поддерживать социальную справедливость (прогрессивная шкала налогов) и реализовывать другие фискальные функции, не имеющие отношения к непосредственному наполнению государственного бюджета.

С другой стороны, в некоторых странах с физических лиц взимался подоходный налог по единой ставке, причем взимался он автоматически с начисленной заработной платы. Никому, к счастью, не приходило в голову исключать из налогооблагаемой базы расходы человека, связанные с необходимым поддержанием жизнедеятельности (пища, одежда и т. д.). Странно, что радетели справедливости до этого не додумались.

Принцип подоходного налога прост, как в древности: получаешь деньги – значит, можешь заплатить какую-то часть в виде налога. Этот принцип распространили и на юридические лица: не имеет значения, как ты расходует деньги – сначала заплати налог с того, что получил.

После отмены наличных и введения всеобщего контроля за платежами механизм сбора налогов стал предельно простым – с каждой денежной транзакции в государственный бюджет отчислялся налог по единой ставке. Единая ставка подоходного налога вычислялась как отношение государственного бюджета к планируемому общему количеству переводимых денег (фактически, валовой национальный продукт (ВНП)). Последнее устанавливалось статистически по предыдущему периоду, поскольку все транзакции автоматически учитываются в банковских информационных системах, или любыми другими методами. Банки, выполняющие платежи, немедленно переводили налоги в Казначейство, и, таким образом, сбор налогов можно было отслеживать в реальном времени, что и отображалось на большом табло, установленном на здании Казначейства. Практика взимания какой-то платы с денежной транзакции к тому времени была отработана всеми банками, так что реализация такой налоговой системы не представляла проблемы.

Таким образом, «ставка налога» = «гос. бюджет» / «ВНП». Естественно, если ставка налога превышала некоторый порог, при котором не выполняется прожиточный минимум, то бюджет должен корректироваться (жить надо по средствам). Если бюджет $\geq$ ВНП, то, очевидно, государство недееспособно и должны быть приняты экстренные меры по сокращению государственных расходов. Ставка пересчитывалась ежемесячно и утверждалась на заседании парламента.

Обычно ставка налога находилась в пределах 0,1–0,3, поэтому со временем налог просто перестали замечать как *неизбежный* платеж, аналогично тому, как когда-то никто не замечал вычитание подоходного налога с зарплаты. Интересно, что для обеспечения единообразия налог взимался со всех платежей – пособия, карманные деньги детям, пенсии и т. д.

Все другие налоги, такие как налоги на недвижимость, землю, автотранспорт и т. д., были отменены. Считалось, что чем больше активов человек имеет, тем больше он платит за их содержание, а значит, и больше налогов с него снимут. Например, владелец автотранспорта платит за бензин, ремонт, парковку и др. Расходы на коммунальные услуги большого дома не сравнить с маленькой квартирой.

С введением единственного и единого подоходного налога были достигнуты многие цели, о которых раньше только говорили:

- бюджет в части доходов выполнялся на сто процентов;
- налоги распределялись относительно справедливо – кто больше имел, тот больше платил, а спекулянты платили практически с оборота;
- от налогов нельзя было уйти (налог взимался автоматически), поэтому институты налоговой инспекции и финансовой полиции «отдыхали»;
- бухгалтерский учет был существенно упрощен;
- люди перестали бояться и стучать.

Деньги всегда должны сохранять свое основное качество – быть универсальным эквивалентом энергии, поэтому общее количество денег в системе должно соответствовать (в идеале – быть равным) совокупной стоимости всех активов системы.

Ответственность за учет активов несло специальное ведомство при министерстве финансов. Оно отвечало за разработку методов и программного обеспечения учета активов. Для учета основных средств использовались государственные базы данных, такие как регистр недвижимости, земельный кадастр, база данных автомобилей и др. В них хранилась информация о недвижимости, земельных участках, автомобилях и других дорогих технических средствах длительного пользования.

Министерство финансов выполняло роль бухгалтерии государства, как и должно было быть. В главной книге этой бухгалтерии отражались абсолютно все платежные транзакции, изменения состояния активов, выполненные работы и т. д., произведенные в государстве на любом уровне. Из государственного бухучета в любой момент могла быть извлечена информация по любому юридическому или физическому лицу в любом аспекте за любой период.

Все счета-фактуры и акты выполненных работ как для юридических, так и для физических лиц вводились и сохранялись в государственной системе бухгалтерского учета. Таким образом, для всех субъектов государственного бухгалтерского учета, то есть для всех юридических и физических лиц, бухгалтерский учет велся автоматически по единому стандартному плану счетов.

Каждый субъект имел копию всех транзакций и, таким образом, мог организовать проверку, а также вести собственный аналитический учет, добавляя в транзакции свою информацию.

Соответствие общего количества денег в системе общей стоимости активов обеспечивалось Национальным Банком. Ввод в эксплуатацию новых активов сопровождался увеличением общего количества денег в системе, а амортизация и списание вели, соответственно, к уменьшению. Количество денег корректировалось также в соответствии с методами учета других произведенных товаров и услуг (одежда, пища, расходные материалы, услуги и др.).

е-таможня

К тому времени Всемирная торговая организация победила, точнее, победила ее основополагающая идея – таможенных барьеров не должно быть. Все таможенные барьеры были ликвидированы, а ВТО – упразднена. Считалось, что любое перемещение товара или услуги несет такую дополнительную стоимость, что более или менее оправданное производство на месте всегда является конкурентоспособным.

Е-таможня существовала в виде информационной статистической системы, которая давала точную картину перемещений товаров и услуг между административными округами (государство или административный регион большого государства).

В случае корректируемого дисбаланса округ мог дотироваться из государственного бюджета для корректировки дисбаланса по данному типу товаров. Если же дисбаланс носил систематический характер (ввоз не мог быть компенсирован вывозом), то принималось решение о ликвидации административного округа с обеспечением переселения населения из него.

е-коррупция

Коррупция к тому времени практически исчезла как таковая. Не то чтобы ее

победили – просто она была практически легализована, то есть соответствующие статьи в уголовном кодексе исключили. Считалось, что, получая дополнительную плату, человек выполняет какую-то полезную для кого-то, в том числе и для всего общества, работу. Таким образом, любой человек мог потребовать дополнительную плату (раньше она называлась взяткой) за оказание любых услуг (с этой платы, естественно, автоматически взимался налог). Личным делом каждого человека было – давать или не давать (почему бы не дать, если есть потребность и основание).

С помощью е-... были усовершенствованы государственные закупки. Например, при определении подрядчика действовали два простых правила:

- потенциальный подрядчик должен быть квалифицирован по единым требованиям (эти требования зависели, в основном, от бюджета заказа), представив формальные подтверждения своей квалификации (объем производства, опыт, и количество сотрудников и т. д.), которые проверялись исключительно компьютером (чиновник не мог повлиять на решение);

- подрядчик определялся в результате открытого е-аукциона среди потенциальных подрядчиков по наименьшей цене.

С изобретателями мотивов для вымогательства взяток (взяточниками) боролись исключительно публично, обсуждая и предлагая способы устранения мотива. Переводить чистое вымогательство на системный уровень с организацией устойчивых объединений было бессмысленно. Гораздо проще было лоббировать компании, выполняющие вполне определенные виды работ, и там удовлетворять свои интересы.

е-законодательство

Основная причина, по которой в свое время не пошли в жизнь различные системы искусственного интеллекта, заключалась в том, что все знания человека существуют в его интеллекте в свободном естественном виде, и систематизировать их в этом виде на основе формальной логики невозможно. Ну не использовалась формальная логика в интеллекте человека. У Создателя была своя, божественная логика. Уровень познания божественной логики отражается в уровне развития формальной логики, которого достигает каждая Вселенная. Этот уровень возрастает с каждой новой Вселенной, но ясно, что божественная логика является недостижимым пределом.

Однако создаваемые человеком системы в своей основе имеют формальную логику. Именно поэтому все машины, механизмы и другие устройства и системы, создаваемые человеком, функционируют так, как человек задумал. Очевидно, логика может и должна быть использована в законотворчестве.

Е-мораль – это электронная система законодательства и его исполнения. Все кодексы законов, по которым живет общество, формулируются на специальных языках написания законов в электронной системе, и все судьи руководствуются электронными свидетельствами и электронной интерпретацией законов с минимальным вмешательством человека.

В цивилизованном человеческом обществе мораль формулируется в виде законов, принимаемых на уровне государства и подлежащих обязательному выполнению всеми гражданами. Собственно мораль продолжает существовать в виде так называемых «понятий» и ее роль снижается с принятием законов. Мораль соблюдается добровольно, а законы – с принуждением, поэтому любой кодекс законов, от уголовного до правил дорожного движения, должен удовлетворять некоторым требованиям для того, чтобы его добровольно принимали большинство граждан.

К таким требованиям можно отнести следующие:

- понятность – все, кто подпадает под действие законов, должны понимать их;

- справедливость – кодекс законов должен соответствовать морали, сложившейся в данной области;
- полнота – кодекс должен максимально покрывать предметную область, то есть законы должны быть на все случаи жизни;
- непротиворечивость – применение законов должно давать однозначное решение, не могут быть выведены одновременно некоторое утверждение и его отрицание;
- разрешимость – любой случай, подпадающий под действие законов, должен быть разрешен применением этих законов (не должно быть тупиковых ситуаций);
- расширяемость – в случае возникновения новых ситуаций кодекс должен расширяться новыми статьями так, чтобы не нарушались предыдущие требования.

Тем не менее на практике до эпохи е-... кодексы законов всегда были громоздки и малопонятны, а для их трактовки необходимы были квалифицированные юристы, которые всегда могли «повернуть» закон в любую сторону. Основная причина юридических проблем заключалась в отсутствии формальной логики в кодексах законов. Все, кто принимал участие в создании законов, руководствовались, в лучшем случае, обычной бытовой логикой. Очевидно, формальная логическая система удовлетворяет перечисленным выше требованиям.

Одним из главных препятствий на пути использования формальной логики в законотворчестве, помимо традиций и косности, была сложность формальных языков как для написания, так и для чтения.

Системы искусственного интеллекта создали предпосылки для преодоления этого препятствия. Были разработаны языки представления законов, достаточно понятные и удобные для законодателей, с одной стороны, и допускающие эффективную реализацию на компьютере, с другой стороны. Естественно, законодатели проходили специальное обучение, а специальные консультанты (инженеры знаний) оказывали необходимую помощь. Созданный таким образом электронный кодекс законов удовлетворял перечисленным выше требованиям и допускал «электронный» вывод заключений.

Первым е-кодексом были правила дорожного движения. Они были наиболее правильными с точки зрения формальной логики. Даже инспектор соответствующей службы не мог трактовать их по-своему (в развивающихся странах инспекторы брали взятки, либо используя правила, либо нарушая их).

Будем считать, что кодекс правил дорожного движения представляет собой список запрещающих и разрешающих правил, а все понятия, которые используются в правилах, описаны определениями объектов и отношений между ними.

Кодекс содержит следующие типы предложений:

- объекты – автомобиль (тип автомобиля, тип кузова, мощность двигателя, количество дверей...), улица (тип улицы, покрытие, количество рядов...), водитель (имя водителя, номер удостоверения, номер лицензии...) и т. д.;
- отношения – водитель В ведет автомобиль А, автомобиль А движется по улице У, автомобиль А является помехой справа для автомобиля Б, и т. д.;
- предписывающие правила, например, «знак разрешает движение только направо»;
- запрещающие правила, например, «запрещается проезд перекрестка на запрещающий сигнал светофора».

Далее приведены примеры представления перечисленных понятий на некотором гипотетическом языке. Его основные конструкции должны быть понятны всем водителям, а конструкций очень много, интуитивно из приведенных примеров.

Информация об объектах дорожного движения хранится в таблицах базы данных, таких как:

Автомобили

Тип	Тип кузова	Мощность двигателя	Двери передач	Коробка	...
-----	------------	--------------------	---------------	---------	-----

Водители

Имя	Удостоверение	Лицензия	Стаж	...
-----	---------------	----------	------	-----

Участок улицы

Название	Направление	От улицы	До улицы	Количество рядов	...
----------	-------------	----------	----------	------------------	-----

Знаки

Тип знака	Название знака	Правило ...
-----------	----------------	-------------

Перекрестки

Тип перекрестка	Номер перекрестка	Улица 1	Улица 2	...
-----------------	-------------------	---------	---------	-----

...

В процессе трафика эти объекты могут находиться в отношениях, таких как:

Водитель за рулем Автомобиля;

Автомобиль движется по Участок улицы в Направление; (Направление может быть «прямое» или «обратное»);

Автомобиль *пересекает* Перекресток;

Автомобиль А *является помехой справа* для Автомобиля Б;

запрещается движение Автомобиля;

...

Этими отношениями описывается ситуация, сложившаяся к некоторому моменту в дорожном движении, например, предшествующая дорожно-транспортному происшествию.

Правила дорожного движения связывают одни отношения с другими, например, следующее правило определяет случай, когда автомобиль А является помехой справа для автомобиля Б (оба автомобиля пересекают перекресток П улиц У1 и У2, автомобиль А движется по улице У1 в прямом направлении, а автомобиль Б – по улице У2 в обратном направлении):

А *является помехой справа* для Б, если

А движется по У1 в Н1 и

Б движется по У2 в Н2 и

пересекаются У1 с У2 на П и

перекресток П – «нерегулируемый» и

А *пересекает* П и Б *пересекает* П и

(Н1 = «прямо» и Н2 = «обратно») или (Н2 = «прямо» и Н1 = «обратно»).

Еще один пример правила, запрещающего автомобилю выезд на перекресток при наличии помехи справа: А *запрещается выезд на перекресток* П, если

Б *пересекает* П и Б *является помехой справа* для А.

Системе, в которой эти правила представлены, можно задавать вопросы типа: запрещается ли А выезд на перекресток П.? И можно определить нарушителя правил дорожного движения.

Таким образом, все кодексы законов были переписаны и введены в компьютер. Не

было больше противоречий и разночтений, а ответ на вопрос о виновности не зависел от человека.

е-судейство

Итак, в систему е-законодательства входили все кодексы законов в логической форме.

Во время следствия на основании показаний свидетелей составлялось описание ситуации, в условиях которой было совершено преступление. Показания свидетелей, независимо от того, на какой стадии расследования или в суде они давались, приводились к форме фактов, которые могла воспринимать электронная система. Факты содержали степень уверенности, которая определялась совместно свидетелем и участниками судебного расследования. Противоречащие факты исключались.

По окончании следствия все полученные факты передавались в систему е-судейства, которая, используя полученные факты и кодексы законов, могла определить виновных, степень виновности, мотивы преступления и т. д. К каждому ответу системы прилагалась вся логическая последовательность вывода этого ответа. Правосудие вершил человек, а е-судья использовался как один из экспертов, дающий обоснованные ответы на запросы судей.

Следующий уровень развития е-судейства – е-свидетель. Видеокамеры были установлены практически везде, и в большинстве случаев в качестве свидетельских показаний рассматривались видеозаписи, относящиеся к делу – например, на видеокамерах, установленных на перекрестках, всегда записывались дорожно-транспортные происшествия. Специальное программное обеспечение определяло момент выезда автомобиля на перекресток, скорость движения, момент столкновения и др. подробности, необходимые для определения нарушения правил.

И, наконец, е-присяжный. В наиболее значимых делах допускалось любое количество присяжных заседателей – чем больше независимых присяжных, тем объективнее решение. Процедура отбора присяжных была сложна, но обеспечивала их достаточную объективность. Присяжному обеспечивалась полная анонимность, а голосование было тайным.

Использование электронных систем законодательства, е-свидетелей и е-присяжных практически исключило принятие неправильных решений. Судья играл роль английской королевы. Для того чтобы не согласиться с вердиктом е-судьи, он должен был привести очень серьезное обоснование. В этом случае дело отправлялось на доследование.

е-полиция

Основным назначением е-полиции было обеспечение тотального электронного контроля за гражданами государства для их защиты. Тотальный контроль обеспечивался видеокамерами, которые были установлены везде, спутниковыми системами наблюдения и навигации, а также личными коммуникаторами. Местонахождение любого человека могло быть определено в любой момент, и в тот же самый момент он мог быть подвержен наблюдению с ближайших видеокамер.

Эти действия могли быть вызваны любым человеком нажатием кнопки «вызов полиции» на своем коммуникаторе. С этого момента полиция обязана была взять вызвавшего под наблюдение и защиту. Наблюдение могло быть включено в связи с подозрениями, но тогда необходимо было получить санкцию судьи. Вся информация о подозреваемом могла быть мгновенно извлечена из соответствующих баз данных – личные данные, местожительство, родственники, счета, активы и др.

Традиционные до эпохи е-... преступления, связанные с насилием были практически искоренены.

е-армия

Войны перешли в электронный формат. Непосредственное участие в боевых действиях принимали роботы-солдаты и различные беспилотные устройства (танки, самолеты и т. п.), управляемые операторами с компьютера. Война превратилась в игру, которая велась не столько на поражение живых и автоматов, сколько на поражение соответствующего программного обеспечения.

Тем не менее реальное оружие массового поражения и угроза его реального применения сохранялись. Ведущие державы использовали это в качестве последнего аргумента.

е-терроризм

Террористы-смертники исчезли. Не было больше идеи, за которую стоило отдать жизнь, а поскольку убивать практически прекратили, то и месть как таковая ушла. Не было больше женщин, у которых убили мужа и детей, а больше и некому было надеть пояс «шахидки».

Е-террор больше походил на компьютерные игры. Е-террористы (бывшие хакеры) куда-то проникали (базы данных) и что-то ломали (программы). Могли, например, вырубить «е-человека» или стащить у него данные. Делалось это в основном из-за е-денег, но бывали и другие причины, например неадекватность или любовь к искусству, что в принципе одно и то же.

За е-террористами охотились, их ловили и наказывали отрешением от Сети. В изоляции они сходили с ума.

* * *

Таким образом, е-... прилепился ко всем сферам человеческой деятельности – е-образование, е-здравоохранение, е-спорт и т. д. и т. п. Жизнь наладилась. Все были довольны. Всем все было понятно, а ясность и согласие убивают эмоции. Человек перестал страдать и, соответственно, перестал плакать. Но оказалось, что смеха без слез не бывает, и человек перестал смеяться. С точки зрения человека, жившего до эпохи е-..., жизнь стала скучной, и от скуки он начал вымирать.

Распространившись повсюду, е-... убил человечество

В е-государстве компьютер знает и контролирует абсолютно все. Е-... исключил так называемый человеческий фактор, всегда приводивший к неисправностям, катастрофам, коррупции и т. д. Настала очередь управляющих структур и самого человека.

е-парламент

Парламент был устроен аналогично суду электронных присяжных, но отбор членов там был значительно проще. Для того чтобы стать е-членом е-парламента, точнее любой его комиссии, достаточно было сдать определенные тесты. Любой е-член мог принимать участие в е-голосовании по любому вопросу.

Таким образом, любой вопрос жизни общества – от бюджета и налоговой ставки до проблем загрязнения окружающей среды – решался, по существу, прямым и всеобщим голосованием. Любые выступления за или против были всегда возможны.

Поскольку любой гражданин мог принимать участие в обсуждении и голосовании по любому вопросу, в существовании парламента как группы избранных граждан необходимость отпала. Модераторы, конечно, были, но благодаря регламенту они практически не имели возможности манипулировать общественным мнением. Таким же голосованием избирались спикер и председатели комиссий. Они обеспечивали регламент работы е-парламента, но не имели права принимать участие в дискуссиях и голосовании.

Единственным «живым» человеком в системе власти был избираемый на е-выборах Президент. Президент мог наложить вето на любое решение и добиться его пересмотра в соответствии со своими представлениями. На первый взгляд, Президент обладал неограниченной властью, но на деле он ею не пользовался.

е-правительство

Правительство действительно стало электронным и состояло оно из е-чиновников – специальных программ, четко и объективно исполняющих чиновничьи функции. Основным назначением е-правительства был контроль за правильным и эффективным выполнением государственного бюджета, утвержденного е-парламентом.

е-человек

Каждый человек имел вшитый мощный мобильный компьютер (коммуникатор), работающий на энергии человека. Этот компьютер организовывал личную жизнь, работу, досуг и, кроме того, был всегда доступен службам безопасности. Человек был под постоянным контролем, а все, что он когда-то делал головой, делал компьютер. Компьютер контролировал состояние человека и сигнализировал ему, когда и что надо пить, есть, какие лекарства принимать, что выбирать, управлял финансами (депозиты, акции и др.).

Каждый человек имел программу «е-человек» – точнее, комплекс программ, включающих способность к коммуникациям, программируемые реакции на различные ситуации, базы данных и т. д., которая представляла его в Сети. Программа в любое время на запрос компетентных органов выдавала любую информацию о владельце, от его местонахождения и места работы до состояния счетов и недвижимости.

Е-человек вел себя почти так же, как и его реальный прототип – он поддерживал отношения с друзьями, работал, знакомился и т. д. Реальный человек в это время занимался тем, чего е-человек делать не мог – «бил балду» (его любимое с детства занятие), то бишь ходил в гости (на сайт), там же ухаживал за кем-нибудь, занимался

сексом (виртуально) и др. В те моменты, когда е-человек не мог адекватно ответить кому-либо, он прерывал своего реального владельца и предоставлял возможность ответить ему самому, при этом, естественно, обучаясь. Натыкаясь везде на виртуальных оппонентов, человек научился радоваться, когда удавалось поставить е-человека в тупик и таким образом достучаться до живого человека. Но это становилось редкостью.

Основой деятельности нового человека стали игры. Участвуя в играх, каждый человек, сам того не подозревая, выполнял какую-то полезную деятельность, например программирование или тестирование чего-либо. За успешную деятельность (победа в игре) ему начислялись очки, выполняющие роль безналичных денег. Часть очков откладывалась на плату за разрешение на рождение детей, часть расходовалась на энергетические смеси и развлечения.

Вся физическая работа выполнялась роботами. Роботы общались между собой и с человеком на основе логики и языков, определенных международными стандартами, и даже производили сами себя и других роботов. Потребители имели возможность приобретать роботов разных производителей для использования их в разных предметных областях, будучи уверенными в том, что они (роботы) между собой «договорятся».

Эффект присутствия на любых событиях (е-концерты, е-футбол, е-кинофестивали и др.), был обеспечен соответствующими терминалами, моделирующими запахи, звуки, прикосновения и др. Инстинкт стадности, который когда-то гнал толпы людей за тридевять земель, был удовлетворен эффектом присутствия, и человек участвовал в любых событиях, получая дополнительное удовольствие от повтора основных моментов и квалифицированных комментариев.

Все нормировано. Для того чтобы получить питание, необходимо подключиться к энергораздаточному разъему. Если обнаруживается недостаток энергии, через разъем выдается определенное количество «пищи». Пища – унифицированное питательное вещество, при приеме вызывающее положительные эмоции, распределяемое по продуктопроводам от производителя через дилеров до конечного потребителя.

Получив стопроцентный уровень личной безопасности, человек забыл о свободе. Человек постепенно превращался в е-человека.

Естественный способ воспроизводства человека всегда был громоздким и нерациональным. Он требовал слишком много времени для определения потенциальных родителей – знакомство, ухаживания, любит – не любит и еще много всякой ерунды, на первый взгляд к делу не относящейся. С этой ерундой была связана большая часть жизни большинства людей.

Сам же акт зачатия выглядел издевательством над интеллектом, которым все-таки многие люди обладали. Необходимость эрекции у мужчины и предрасположенности женщины (можно было, конечно, и изнасиловать не предрасположенную, но на это далеко не все мужчины были способны), совершенно неприличная форма соединения органами, предназначенными для других целей (это было настолько нелепо, что считалось даже неприличным демонстрировать акт зачатия другим людям, хотя некоторые это правило нарушали), и, наконец, идиотские телодвижения для достижения так называемого оргазма.

Да-да, на самом деле, человек инстинктивно стремился достичь оргазма, а зачатие, если оно и происходило, было косвенным эффектом процедуры достижения оргазма. Случайность зачатия была причиной многих трагедий.

Е-человеку заниматься этим было некогда, да он уже и не был способен на это. Свои инстинкты, если они еще оставались, е-человек удовлетворял, мастурбируя на специальном периферийном оборудовании (резиновые женщины и члены «отдыхали»), создающих эффект реального совокупления. Можно было выбрать любую женщину, от кинозвезды до королевы, и трахнуть ее, не отходя от компьютера и не спрашивая ее согласия, разве что иногда требовалось внести определенную плату за женщину, имеющую рейтинг. Для женщин (для тех, кто согласился, а согласились многие, потому что несогласных хакеры, игравшие роль е-сутенеров, все равно продавали) в сети вели специальный рейтинг – кого и сколько раз. У некоторых был ого-го какой рейтинг, и они очень много зарабатывали, даже, как говорится, не раздвигая ноги. Такая вот вышла глобальная е-проституция.

Е-человек перешел на е-размножение.

Для зачатия ребенка необходимо было выполнить некоторые формальные процедуры – анализ ДНК потенциальных родителей, прогноз здоровья и поведения будущего человека, определение профессии, социальное страхование (детство, образование, здоровье) и др., и, наконец, получение разрешения на зачатие. Можно было построить геном не родившегося еще человека и смоделировать его развитие и, в общих чертах, жизнь. Предлагали даже спрашивать у полученного таким образом фантома, желает ли он материализоваться, но пришли к выводу, что его ответ можно вычислить, и вычисляли. Реальному человеку потом на его претензии: «Зачем вы меня родили?», можно было предъявить: «Ты сам этого хотел».

Зачатие выполнялось в пробирке, а эмбрион доводился до кондиции в инкубаторе. А затем – е-садик, е-образование и т. д. Люди, если их так можно было еще назвать, выполнившие репродуктивную функцию, получали много всяких льгот, в том числе, право на е-эвтаназию – высшее наслаждение.

Тем не менее оставалось еще много людей, которые предпочитали гонять мяч, пить водку и естественным способом трахаться. Они жили в своих мыльных трагедиях, довольствуясь нехитрыми радостями. Очевидно, их ждала участь обезьян и других племен и народов, которые так и не приобщились к цивилизации, выбрав свободу – «лучше

умереть стоя, чем жить на коленях». В свое время некоторые обезьяны не превратились в человека, потому что слишком много трахались и мастурбировали, на что уходила вся энергия, которая должна была бы сублимироваться в интеллектуальную.

Но кто ответит на вопрос: «Что лучше?», когда хочется.

е-апокалипсис

В е-государстве человек не должен иметь и не имел потребности совершать нелогичные поступки. Он просто довольствовался комфортом. Все, от футболистов и программистов до президента просто функционировали в определенных им рамках. Ограниченные желания удовлетворялись дозированными удовольствиями. Кто-то, конечно, выполнял роль нейронов, а другие, условно говоря, выводили фекалии. При этом все были счастливы. Но Совершенство есть смерть – это и есть е-апокалипсис.

Апокалипсис предсказывали религии. Конечность существования жизни доказывали ученые. Конец света всегда представлялся человеку как катастрофа, а е-апокалипсис никто и не заметил. Всем было хорошо почти так же, как покойникам. Тем временем коллайдеры уже набирали обороты, и до Большого Взрыва оставалось не так уж и много, но всем было «пофиг» – человечество поймало вечный е-кайф от передозировки е-...

А евреев к тому времени уже не было. То ли они просто растворились среди других народов, то ли другие народы, получив свою долю еврейской крови, сами превратились в евреев, то ли некому и некого стало гонять, то ли они просто вовремя ушли (хитрые ведь), затаившись в несуществующем состоянии до поры до времени.

Развитие человечества как такового закончилось, но и Вселенной оставалось существовать не так много времени.

А в конце было

А потом сбылись и другие мрачные фантазии фантастов.

Энергия – это нечто, что может быть либо связано, либо свободно. Свободной энергии в осуществленной Вселенной нет, потому что она начинает связываться сразу после Большого Взрыва. Связанная энергия проявляется в виде движения того, что ее связывает – каких-то минимальных частиц, материальных объектов, мыслей. Движение – является результатом процесса укрощения свободной энергии.

Движение атома переходит в движение молекулы, движение молекулы – в движение клетки, движение клетки – в движение всего живого. Каждый новый вид живого получает большую степень свободы для движения за счет большего связывания энергии. Дерево только растет, а его семена движутся только по воле случая, животное передвигается, человек перемещается по всей планете и дальше. Но вот перемещение человека ограничено – тогда начинает двигаться его мысль. Сначала она двигается внутри его черепной коробки, затем между людьми локально с помощью жестов и звуков, и, наконец, по глобальным электронным сетям.

Таким образом, материальное движение переходит в е-движение. Мысленно человек работает, размножается и развлекается. Сначала двигаются природные объекты, затем продукты интеллектуального производства, и, наконец, сам интеллект.

Человек был самым совершенным существом в мире животных. Его тело универсально приспособляемо. Он не был ни самым сильным, ни самым быстрым, ни самым выносливым, но в комплексе он был самым приспособляемым, даже если не принимать во внимание интеллект. Физически человек устроен так, чтобы добывать пищу, размножаться, нападать и защищаться. Минимальное резервирование основных органов (два) позволяло ему достаточно полезно и экономично достичь выживаемости при случайных повреждениях. На уровне человека эволюция достигла физиологического предела. Именно бесперспективность дальнейшей физической эволюции была причиной начала развития интеллекта.

С точки зрения интеллектуального развития человек являлся существом несовершенным. Недостатки человека проявлялись при его функционировании в мире интеллектуальном и были связаны с его животной зависимостью от окружающего мира. Низкий коэффициент полезного действия человека в интеллектуальном мире был обусловлен тем, что слишком много времени и сил уходило на обеспечение животной жизни, в которой он должен больше двигаться, чем думать.

В интеллектуальном мире преимущество должен был получить тот, кто больше думает. Рано или поздно, для тех, кто думает, потребность в движении отпадает (все необходимое доставляется на дом, угасающая потребность в сексе удовлетворяется виртуально и т. д.).

Они теряют способность получать обычные плотские удовольствия. Удовольствия и смысл жизни у них переносятся исключительно в интеллектуальную сферу.

Вся жизнь этих людей от рождения до смерти проходит в одном специально оборудованном помещении. В нем поддерживаются оптимальные для существования условия. Энергетические смеси доставляются, а продукты распада выводятся по трубопроводам. Технологии и коммуникации обеспечивают эффект присутствия в любом месте на совместных мероприятиях – встречи, заседания, развлечения.

В условиях физической неподвижности функциональные органы тела, которые хорошо помогали выживать человеку, деградировали. Даже органы размножения, которые так радовали человека, увя, стали бесполезными.

Наиболее продвинутые, заметив это, решили организовать искусственную эволюцию. Они организовали сообщество по совершенствованию человека. Геном человека был изучен достаточно для того, чтобы можно было его корректировать. Направление дальнейшей эволюции определялось всеобщим голосованием. При этом рассматривались все идеи и по результатам голосования выбирались набравшие наибольшее количество голосов. Они выбирались в качестве ближайшей цели, и на ее достижение направлялись все усилия. Возможно, выбираемые варианты были не самым лучшими, но они не были и самыми худшими – это были, как всегда в природе, средние, но надежные.

Начали с удаления ног, ставших бесполезными, а в результате такой эволюции появилось разумное существо, похожее на парализованного человека. Его большую часть составлял чрезвычайно развитый мозг. Внутренние органы были существенно упрощены (такие как печень, селезенка и прочие кишки убрали совсем) и перестроены на переработку более экономичных и усваиваемых продуктов питания. Половые органы и другие признаки пола утратили значение и были удалены – отпала необходимость набивать силиконом грудь, наращивать вечно маленький член и комплексовать по поводу фригидности или отсутствия эрекции. Человек превратился в шарообразное существо с

двумя отверстиями – одно для ввода пищи (рот), другое для вывода отходов (анус), которые одновременно являлись и эрогенными зонами (для ласк взаимно притягиваемых через специальные терминалы). Эволюция органической жизни, начавшись с бесполой клетки, закончилась бесполом существом.

Гомо сапиенс эволюционировал в сетевой сапиенс. Воплотилось в жизнь «я мыслю, следовательно, я существую».

Далеко не все гомо сапиенсы согласились на искусственную эволюцию. Как всегда в природе, по закону нормального распределения их было не более десяти процентов. Восемьдесят процентов так называемых нормальных людей выбрали так называемую нормальную жизнь: достать деньги на то, чтобы попить, поесть и потрахаться, не пропустить очередного бэтмена или гарри поттера для ощущения справедливости, и в первых рядах схватить новейший навороченный коммуникатор для доступа в Сеть (как же без Сети) для того, чтобы делать в этой Сети все то же самое.

Еще почему-то гомо сапиенсы называли сетевых сапиенсов евреями. Никто толком не знал происхождения этого слова (в Сети можно было, конечно, найти историю происхождения и слова, и народа, но кому это надо, и не для этого поддерживались архивы в Сети). Слово ассоциировалось с некоторыми хитрыми существами, которые, по легенде, когда-то правили миром. Гомо сапиенсы отдавали им должное и не завидовали. А чему завидовать, когда ни выпить, ни закусить, ни потрахаться – пусть себе правят.

Тенденция к объединению народов просматривается на протяжении всей истории человечества – империи, федерации, союзы и др. Человечество объединялось «инстинктивно», повинаясь некоторому глобальному инстинкту стадности в предчувствии глобальных проблем. Народы, по разным причинам изолированные от объединения, вырождались и, не в состоянии даже быть ассимилированными, угасали в резервациях.

Несмотря на всевозможные противоречия между народами, человечество объединилось, составив материальную основу коллективного интеллекта планеты Земля.

Коллективный интеллект можно представить так же, как совокупность сфер деятельности, необходимых для его функционирования – управление энергией, поддержание целостности и безопасности, развитие элементной базы и т. д. Каждый элемент коллективного интеллекта (своеобразный нейрон мозга планеты) выполняет свои функции в определенной сфере деятельности. Кроме того, в коллективный интеллект входят всевозможные компьютерные системы, в которых накапливаются фактические данные и знания. Все они, и гомо сапиенсы, и сетевые сапиенсы, и компьютеры объединены глобальными сетями передачи информации.

Разумная планета – это организм, в котором разные компоненты выполняют необходимые функции. Основное назначение этого организма – быть ячейкой глобального интеллекта и взаимодействовать с другими такими же ячейками в процессе построения генома следующей вселенной.

Гомо сапиенсы думали, что планетой управляют сетевые сапиенсы. Сетевые сапиенсы думали, что они действительно управляют планетой, как когда-то власть имущие думали, что они управляют миром или отдельной его частью. Сетевые сапиенсы действительно имели значительно больше влияния на текущие события. Тем не менее все они были заняты борьбой между собой за достижение еще большего влияния, за право править миром. В этой борьбе они получали разные бонусы, такие же нехитрые, как в свое время самолеты и яхты (пустячок, а приятно). Планетой же правил коллективный интеллект, цели и принципы работы которого даже они, сетевые сапиенсы, понять не могли, также, как и нейрон не мог «понять» цели и принципы работы головного мозга гомо сапиенса (а ведь чего проще).

Все это мог бы понять Создатель, если бы он был, но Его не было.

Процессы, аналогичные развитию человека на Земле, проходили и во многих других уголках Вселенной. Затем начались космические войны за энергию и информацию. Проходили они в виртуальной реальности, а космический корабль остался лишь архаичным образом. Войны, колонизация, миграция и другие процессы, которые привели к объединению человечества на Земле, привели к объединению всех разумных существ в глобальном интеллекте.

Интеллект достиг совершенства. Развиваться больше было некуда. В то же время Вселенная выполнила свою миссию, построив геном следующей Вселенной. Многочисленные коллайдеры во всех уголках Вселенной готовы были уже к Большому Взрыву. И они начали взрываться, почти одновременно, но не одновременно, как отдельные снаряды в гигантском фейерверке, давая начало новым Вселенным, как и было задумано Создателем. И, если бы он был, то он увидел бы этот фейерверк и получил бы высший кайф от Совершенства совершенного.

И, может быть, даже умер бы от счастья, но умереть он не мог, потому что Создателя, на самом деле, нигде и никогда не было.